

НОВЫЙ ГРАД

под редакцией

И. Бунакова и Г. Федотова

11

ПАРИЖ

1936

От Редакции

Содержание:

От редакции	3
<i>Ф. Стенун.</i> Чаемая Россия	11
<i>Н. Бердяев.</i> Аура коммунизма	40
<i>С. Вильзеров.</i> Русская земля	46
<i>П. Савицкий.</i> Хозяйственное строительство	68
Россия сегодня	85
<i>Н. Лосский.</i> Индустриализм, коммунизм и утрата личности	99

Идеи и жизнь

<i>Б. Ижболдин.</i> Корпоративный строй в учении Отмара Шпана и его школы	111
<i>Е. Извольская.</i> Духовный путь французской интеллигенции	120
<i>В. Варшавский.</i> О происхождении и «общественном положении» человека	127
<i>П. Биццали.</i> Несколько замечаний о современной зарубежной литературе	131
Круг	136

Снова многие месяцы — цѣлая зима — отдѣляют послѣдній номер «Новаго Града» от его предшественника. Эти месяцы заполнены шумом событій, обильно политы кровью. Мало утѣшительнаго принесли они для строителей новаго града. Будем благодарны хотя бы за то, что катастрофа отсрочена, — та, имя которой — гибель Европы. Людям доброй воли даны еще месяцы — или годы — чтобы своим трудами, своей борьбой, кровью сердца и напряженіем мысли заклясть фатум.

Мировая война предотвращена, но какою цѣной? Цѣною победы грубой силы и дискредитированія коллективной политики мира. Италия восторжествовала над своей жертвой, вопреки всѣм ожиданіям. Современная техника оказалась сильнѣе героизма маленькаго народа, выступившаго чуть не с луками и стрѣлами против танков и бомбовозов. Цивилизація удушливых газов и военнаго деспотизма еще раз доказала свое превосходство. Абиссинцам придется смириться. Придется ждать. Пройти долгую вмулку цивилизаціи в итальянской арміи и итальянских университетах для того, чтобы в один прекрасный день обратить самое современное оружіе против побѣдителей и сбросить их в море. Нельзя сомнѣваться в том, что возстаніе абиссинцев будет лишь эпизодом в возстаніи Африки против бѣлой расы. Исход борьбы предрѣшен. Абиссинцы все же счастливѣе Европы: им принадлежит будущее. Безуміе Муссолини в том, что он живет миражем прошлаго. Он не понимает, почему ему не позволяют в XX вѣкѣ того, что дѣлала Англія в XVIII. Он хочет строить колониальную имперію в эпоху, когда колониальный имперіализм себя изжил, когда цвѣтное человѣчество вступило в отчаянную борьбу за освобожденіе (сегодня), за равенство (завтра) и за господство (послѣзавтра). Глубокое волненіе арабскаго міра немедленно отвѣчает на дипломатическое пораженіе Англіи, которое вскрыло ея военную слабость. Арабы на Средиземном морѣ, японцы в Тихом океанѣ приготавливаются к прыжку. Что

могут сдѣлать защитники Европы в этот роковой ея час? Расширить духовно ея границы, ввести в ея круг все человѣчество, сдѣлать его подлинным участником международного общенія. Друг Европы лишь тот — миссіонер, политик, философ — кто работает над преодоленіем цвѣтных границ. Враг Европы всякій, кто — в Африкѣ, в Индіи, в Америкѣ — подчеркивает значеніе расы и готовит день, когда бѣлый цвѣтъ кожи будет знаком позора и рабства.

Пораженіе Европы в абиссинской войнѣ было слѣдствіем глубоких расхожденій внутри Версальской коалиціи. Франція и Англія раздѣлены различіем интересов и принципов. Сердце Франціи лежит в Европѣ, сердце Англіи — на океанах, на путях к Индіи. Отсюда отчасти и различіе принципов: консерватизм Франціи, диктуемый чувством страха, ревизионизм Англіи, болѣе разумный, но и болѣе отрѣщенный. Англія не хочет взять на себя отвѣтственности за дѣло Европы. В результатѣ торжество хищников. Если Италія на время объявила себя удовлетворенной, то Германія предъявляет длинный список притязаній. Среди них не послѣднее мѣсто занимают притязанія на Россію. Если не Россіи, то Украинѣ готовится участь Абиссиніи. С точки зрѣнія западнаго европейца как будто самое легкое средство, если не уничтожить, то отдалить германскую опасность, это направить ее на Восток. Европа могла бы обезпечить себѣ лишній год-два мира, сговорившись за счет Россіи. Реакціонеры всѣх стран толкают ее на этот путь, прикрываясь лицемерным отвращеніем к русскому коммунизму. Положеніе русскаго европейца в этом конфликтѣ трагично. И в том и в другом исходѣ Россіи не избѣжать войны. Міровое расширение войны несет для Россіи нѣкоторый шанс побѣды, но в условіях, которыя вообще означают гибель цивилизаціи на старом материкѣ. Одинокое пораженіе и расчлененіе Россіи лишь отсрочивает на время судьбу Запада. Нельзя сомнѣваться, что, упившись русской кровью, Германія не замедлит броситься на Францію.

Разсуждая отвлеченно и справедливо, из этого тупика, как из всякаго моральнаго тупика, должен быть выход. Этот выход заключался бы в удовлетвореніи справедливых экономических и территориальных притязаній Германіи — цѣной ея и общаго

разоруженія. В современной обстановкѣ этот исход — близкій во дни Бриана-Штреземана — кажется утопическим. Хотя правительство Блюма во Франціи как будто способно окрылить надежды друзей примиренія.

Но социалистическое правительство ставит Францію в центр и социальной политики міра. Из арьергардных стран она сразу выступает на авансцену. Американскій опыт, затянувшійся и ослабѣвающий в своем напряженіи, стоит перед поворотом. Исход президентских выборов покажет, пользуется ли Рузвельт поддержкой масс. Напор капиталистическаго сопротивления так велик, что демократическій президент нуждается в прикосновеніи к землѣ, чтобы почувствовать новыя силы. В Бельгіи выборы подтвердили волю народа к новой жизни, но уже с грозным предупрежденіем. Рост крайних флангов, рексистов и коммунистов, свидѣлствует о народном нетерпѣніи. За цифрами избирательных голосов в наши дни всегда стоит угроза гражданской войны. Для демократіи в процессѣ социального строительства эта угроза встает с двух сторон: революціонныя мѣры мобилизуют старый мір, медлительность волнует рабочія массы. Путь демократіи лежит между Сциллой фашизма и Харибдой коммунизма — в конечном счетѣ двух ликов той же самой революціонной деспотіи.

Между двумя революціями стоит и Блюм. Его положеніе особенно трудно, — лично, быть может, даже трагично. Впервые в исторіи Франціи социалисты, не предавая своей партіи, становятся у власти. Но он пришел к ней без мандата на социальную революцію, как вождь не социализма, а «народнаго фронта». Побѣдила, в сущности, идеологія радикалов, которая была представлена на выборах не только социалистической, но и коммунистической партіей. Несчастный перевѣс политики над экономикой, столь характерный для Франціи, сыграл злую шутку. Блюм пришел к власти, которой не искал, пришел неожиданно для себя самого. Он принял ее, как обреченный, без всякаго энтузіазма. Недавній примѣр Макдональда в сосѣдней странѣ не сулит ничего добраго для социалиста во главѣ буржуазнаго государства. В данном случаѣ трудности Блюма особенно значительны.

Несмотря на весь азарт мнимой борьбы за республику,

Франція дѣйствительно страдает от кризиса и от стоящей за ним агоніи капитализма. Массы не могут не предъявлять своего счета и онѣ уже предъявили его. Неожиданная забастовка является для Блюма грозным предлогом. Соціалисты связаны по рукам своими правыми союзниками. Блюм уже обѣщался щадить капитал и франк. Удовлѣтвить законныя требованія масс он может лишь из государственнаго бюджета, который стоит, слѣдовательно, перед неизбѣжным дефицитом. Реакціонеры не без основанія обвиняют во всѣх странах соціалистов в мотовствѣ и подрывѣ государственных финансов. Нѣтъ ничего опаснѣе иллюзіи, что «богатые будут платить» за бѣдных при сохраненіи старой системы. Капиталы всегда найдут возможность утѣчь за границу, исчезнуть, — наконец, обратиться в груды бумажнаго хлама. Легчайшее прикосновеніе к тонкому и нервному механизму, каким является современное банково-финансовое хозяйство, вызывает биржевую панику, которая может сорвать все дѣло національной реконструкціи. К паникѣ естественной присоединяется искусственная, создаваемая закулисными главарями биржи. Во Франціи паденіе франка сопровождается всегда появленіем лѣваго кабинета у власти. Блюм еще не принял наслѣдства Сарро, а золото из Французскаго Банка потекло за границу. Возможно, что ему останется бумажный, не обезпеченный золотом франк, поддержать который на высотѣ Пуанкаре не будет никакой возможности. В данной стадіи финансоваго капитализма, повидимому, радикальный и всесторонній охват государством всѣх отраслей хозяйства гораздо безопаснѣе отдѣльных вторженій и посягательств. Но здѣсь то и встанет роковой для Франціи вопрос: желает ли она подлиннаго обновленія? Как будто бы вся ея соціальная структура и вся ея нравственная установка (от которой зависит, в конечном счетѣ, и соціальная структура) противятся переменам. Нація, в которой число мелких рантѣ превышает число производителей — или в которой душа рантѣ преобладает над душой рабочаго в каждом отдѣльном гражданинѣ — болѣе всего боится паденія процента, паденія франка. Единственное средство, которое могло бы оздоровить промышленность, влить в нее новую кровь, разоряет миллионы и толкает их в объятія реакціи. Блюм стоит между нетерпѣніем и узко-классовым сознанием рабочих,

которое его партія воспитывала столько десятилѣтій, и косностью остальной страны. В такой (подобной австрійской) ситуаціи каждая побѣда рабочих означает рост фашизма. Тѣнь де ла Рока ложится на тернистый путь Блюма, который может стать его Голгофой. Конечно, если исторія Франціи вступила в новый трагическій фазис, и не обернется старой комедіей парламентских качелей. (Измѣна радикалов, немедленное паденіе Блюма и т. д.).

Мы убѣждены, что проблема Франціи, в послѣдней глубинѣ, есть проблема духа. Удастся ли молодой Франціи, смѣлой и героической, преодолѣть мораль бережливости и идеал обезпеченности, которым живут отцы? От этого зависит будущее Франціи, спасеніе ея великой традиціи, ея первородства в семьѣ западных народов.

От Франціи к Эстоніи переход рѣзкій и, на первый взгляд, неожиданный. Но обращаем вниманіе читателя на политическій опыт этой маленькой страны, который может пригодиться и великим. Эстонія в прошлом году едва не сдѣлалась жертвой фашистскаго переворота. Демократія преодолѣла эту опасность. Эстонія сейчас представляет пріятный и рѣдкій примѣръ страны, гдѣ насильники сидят в тюрьмах, а мирные граждане у власти. Но спасти демократію обычной рутинной парламентской машины оказалось невозможным. При извѣстной остротѣ гражданской войны парламентаризм отказывается функционировать. Как в древнем Римѣ, демократическая диктатура должна спасти республику. В Эстоніи президент и правительство получили чрезвычайныя полномочія, политическія свободы для революціонеров справа и слѣва сильно ограничены. И, что всего интереснѣе, правительство подготавливает измѣненіе всей политической системы на началах корпоративной демократіи. Удастся ли этот опыт или нѣтъ, покажет будущее. Но что он должен быть сдѣлан, и что он может осуществиться, повидимому, лишь в такой обстановкѣ, как в Эстоніи, это для нас не подлежит сомнѣнію.

Есть нѣкоторые признаки, что и в Австріи правительство Шушнига, который не принадлежит к числу излюбленных людей «Новаго Града», готовится к демократизаціи своего полуфашистскаго корпоративнаго государства. Разрыв с чистым фа-

шизом Штаремберга и необходимость искать опоры в рабочих массах может направить политическое развитие Австрии по более здоровому руслу. Впрочем, все, что делается в Австрии так прекарно, так отражает грозное давление мировой политики, что едва ли представляет самостоятельную ценность.

Европа не мертва. Со страшной медлительностью и скрипом заржавевшего механизма демократии, она ищет путей к новой жизни.

**

Новая жизнь пробивается и в России. Из дня в день, в течение вот уже трех лет, страна живет под знаком перелома, смысл которого вполне определен. Теперь не может быть сомнений: это не случайный зигзаг сталинской политики, но общая и последовательная стабилизация революции. И не просто стабилизация, но — иначе и не могло быть — в известной степени, реакция. Сталин поставил точку на революции. Перманентное движение к коммунизму, ценой гибели цэлага поколений, упало, с переломленным хребтом. Нужно организовать жизнь не на химерическом коммунизме, а на реальном госкапитализме, под постоянной угрозой внешней войны и раздела России. Необходимость обороны, в условиях не революционного наступления, а стабилизации, диктует иные психологические установки. Провозглашается конец классовой войны, якобы за ее истощенностью, за исчезновением классов; в действительности замной старых классов новыми. Воскрешается убиаемое марксизмом национальное сознание и «нормальные» основы всякого быта: семья, порядок, элементарная культурность, право на «веселую» жизнь для победителей. В сущности, это конец марксизма, теорию которого по частям терзают под именем наследия Троцкого, Покровского и т. д. Правда, это движение не дошло до отвержения марксизма или ленинизма как таковых. Старые символы сохраняются, но их интерпретация требует чрезвычайной казуистической изворотливости. Впрочем, все чаще обычный танец от печки авторитетов замняется соображениями от здравого смысла. Советскую прессу стало легче читать; она начинает говорить почти на человеческом языке.

Вместе с возрождением здравого смысла, реабилитируется

и мораль. Давно уже мы не слышали кровожадных речей, ассирийской пляски над трупом поверженных врагов. Коммунисты сдѣлались вдруг, по мановению дирижерской палочки, кротки, как овечки. Заговорили о любви к человеку, о дружбе, о помощи, о солидарности. Мрачный диктатор пытается изображать улыбку. Вожди ласкают детей своими окровавленными руками. Как всегда, перебарщивают и не умеют избѣжать смешного. «Извѣстія» и «Правда», которая недавно печатались кровью, начинают течь патокой. Признаемся, мы предпочитаем патоку, хотя бы с точки зрения воспитательной. Вѣдь, советскія газеты — единственная пища для сотни миллионов людей. Так уже пусть они — особенно юноши и дети — лучше учатся новому гуманизму, чѣм отравляются ненавистью.

Правда, вопрос о советской морали не так то прост. Дѣло в том, что, насколько мы можем видѣть отсюда, диктатура нисколько не смягчает своей свирѣпости в методах управления. По-прежнему разстрѣливают людей без суда в застѣнках бывш. ГПУ. Мы знаем имена жертв. Какое лицемеріе нужно, чтобы говорить о человечности в такой странѣ! В былые годы палачи были последовательны, честибе сами с собой. Но это старый, неразрѣшимый спор, о взаимных преимуществах двух систем: цинизма и лицемерія.

Так же трагически двойится в России и вопрос о свободѣ. До самого послѣдняго времени этого вопроса и не ставилось. Всѣ вопросы обсуждались и проводились в планѣ патриархальной деспотіи. «Хозяин» устраивал и чистил Россию, как устраивал ее Николай I. С недавних пор диктатор заговорил о свободѣ. В порядкѣ ли обсуждения новой конституціи или реформы суда или недочетов административнаго механизма, но в массы брошены новые лозунги. Советскіе граждане свободны — свободны и от органов диктатуры (конечно, мѣстной). Борьба с злоупотреблениями власти есть общій долг. Не партія, а безпартійная масса призвана контролировать правительственный аппарат.

Что все это значит? Открывается ли отдушина для глубокаго недовольства масс, и на сѣденье им бросается, как столько раз в прошлом, низовой аппарат партіи, чтобы спасти правящую верхушку? Задумывает ли Сталин окончательно отдѣлить свою власть и авторитет от партіи, отдавая на растерзаніе

всю партію как таковую? Но в таком случаѣ какіе новыя органы создаст он для проведенія своей воли? Не будут ли такими органами учрежденія новой совѣтской демократіи, идея которой поставлена на очередь реформой конституціи?

Здѣсь открываются чрезвычайно интересныя перспективы. Вѣдь, Сталин не вѣчен. Трудно ждать перерожденія сталинокраціи в наслѣдственную монархію. Задуманное им освобожденіе населенія от партіи не приведет ли, на протяженіи ряда лѣтъ, к подлинному освобожденію Россіи?

Будем надѣяться. Пока же с горечью приходится сказать одно. Россія еще не начала бороться за свободу. В Россіи, по видимому, меньше всего думают о свободѣ, как самостоятельной цѣнности. Конкретныя блага, хозяйственныя и бытовыя достиженія доминируют над общей потребностью в свободѣ. Конечно, мы не знаем, что творится в сознаніи молчащих узников. Но есть признаки. На верху страны, в высшей интеллигенціи — писателей, художников — никогда еще подхалимство и лесть и рабство полувольныя — не достигали таких столпов. И здѣсь, у нас, когда рѣдкій, вырвавшійся на волю бѣглец повѣствует перед нами о страданіях народа и его чаяніях, как рѣдко и как глухо звучат слова о свободѣ! Печатаемая ниже в этом номерѣ «Новаго Града» бесѣда с новым эмигрантом является живым тому доказательством. В Россіи забыли вкус свободы, судят о ней узко утилитарно. Свобода — кому, для чего? Если нам, рабочим и крестьянам — хорошо. А не дай Бог — врагам? Для блага государства — хорошо. А если во вред? Десять лѣтъ диктатуры не прошли даром.

И не только десять лѣтъ. Свобода вообще есть очень тонкая, аристократическая вещь, которую демократія Европы получила в наслѣдіе от средневѣковаго рыцарства, от христіанской реформации, от буржуазной хозяйственности. В Россіи, которая не знала ни одной из этих традицій, свобода была привилегіей на Западѣ взрощеннаго дворянства и от него отпочковавшейся интеллигенціи. С разрывом этой традиціи, с истребленіем этого интеллигентскаго слоя — кому мечтать о свободѣ? Люди, которые активно творят жизнь в Россіи, выросли в атмосферѣ застѣнка. Отцы их жили под розгой, дѣды в крѣпостном рабствѣ. С интеллигенціей их связывает только

великая русская литература. В ней вся наша надежда на воскресеніе русской свободы и русской совѣсти. Когда рабоче-крестьянская масса дѣйствительно, а не формально, вступит в наслѣдіе Пушкина, тогда можно будет надѣяться на освобожденіе. Это будет не скоро, но это будет. Ужасна тяжесть Россіи, косность ея пространств и времен — даже в поверхностном вихрѣ революціи. Под жерновом времени не одно поколѣніе измельет в порошок. Но будущій путь ясен. С надеждой мы можем смотрѣть в будущее — хотя бы со скорбной надеждой Моисея на рубежѣ Земли Обѣтованной. Над міром стущаются сумерки. Над Россіей онѣ начинают разсѣиваться.

Чаемая Россія

В послѣднее время неустанно и как-то особенно взволнованно думается о Россіи: словно мы накануне свиданія с нею. Бывают недѣли, мѣсяцы, впродолженіе которых изо дня в день нарастает несправедливое, но и неукротимое раздраженіе против дѣловитости и плоской разумности будничной европейской жизни, мало чѣм связанной со страшными событіями, зрѣющими за поверхностью текущаго историческаго дня. Ничего то в ней не чувствуется таинственнаго. Во всѣх обликах и на всѣх лицах тупое выраженіе «евклидовой геометріи». Всякій отрывок фразы на улицѣ — о цѣнах и деньгах. Ни одного нездѣшняго человѣческаго взора.

Выѣдешь за город — все то же. В природѣ ни равнодушія, ни красоты, ни вѣчности. Все в ней очеловѣчено, разграфлено и прозаически приспособлено к нуждам и радостям публики. Только что сошел с чернаго шоссе в лѣс, как запрещенное для автомобилей сѣрое шоссе уже снова выводит тебя на другое, черное же, по которому снова несутся автомобили либо в сосѣдніе города, либо в загородныя рестораны.

Нелѣпо и бессмысленно: все несется в даль, а дали то в жизни никакой и нѣтъ, — ни дали мечты, ни дали риска, ни дали вѣры. Предѣл мечты — костюмированный бал во «всѣх залах» пивовареннаго завода, предѣл риска — отправка багажа без страховки, предѣл вѣры — идейный уход в отставку с сокращеніем жалованія на пятьдесят процентов.

В деревнѣ, несмотря на новѣйшія усилія по насажденію нео-крестьянской почвенности и трудового аристократизма, продолжает господствовать типично капиталистическій, мѣщанскій стиль жизни и работы.

С ранней зари и на барском и на крестьянском дворах господствует фабричное электричество: молотит, вѣет и ссыпает зерно, доит коров, сепарирует молоко, сбивает масло, а по ночам заливает своим хирургическим свѣтом радости и горести пороссящихся свиней. Обѣдает весь трудящійся мір, конечно, врозь. Семья помѣщика, какого бы он ни был захудалого происхождения, у себя в столовой. Инспектор с домоправительницей — в буфетной. Домашняя прислуга на бѣлой кухнѣ, дворовая — на черной. В восемь часов вечера, по окончаніи работы, громадные дворы нѣмѣют. Ни пѣсни с поля, ни пляски на лужайкѣ, ни стариковскаго разговора на заваленкѣ — ничего, что было так прекрасно в старой Россіи. Усадьбы и деревни входят в ночь, как заправскія зернозаготовительныя фабрики. Только молодежь, наскоро переодѣвшись и всунув навозныя ноги в лаковыя ботинки на картонной подошвѣ, несется на велосипедах в сосѣдній городок, чтобы в душной танцуюлкѣ и кинематографѣ взволнованно помечтать о большом фабрично-казарменном городѣ, хищная и расчетливая душа котораго уже давно погасила в себѣ какія бы то ни было мечты, замѣнив их голою жадной жизни и власти.

Замѣчательно, с какою точностью историк возрожденія, знаменитый Яков Буркгарт болѣе полувѣка тому назад предсказал переживаемый нами военно-революціонный финал либерально-капиталистической эпохи. «Он (Бисмарк) понял — пишет Буркгарт в 1872 году фон Прэну, — что нарастающая демократически-соціальная волна должна будет так или иначе привести к насильничеству и начал свои войны 1864, 1866, 1870 годов. Но мы еще только в началѣ... Все, что мы сейчас

дѣлаем, находится в каком-то смѣшном контрастѣ к изумительной, до мелочей разработанной цѣлесообразности военнаго міра. Начало военщины должно поэтому стать образцом всего нашего бытія. Вам будет болѣе интересно наблюдать военное преобразеніе государственнаго аппарата; для меня — военное оздоровленіе школьнаго и общеобразовательнаго дѣла. Самою странною будет судьба рабочих; у меня предчувствіе, звучащее абсолютным безуміем и все же не покидающее меня: военное государство должно стать крупнѣйшим фабрикантом и предпринимателем. Людскія скопища в больших предпріятіях не могут навѣк оставаться в нищетѣ и предоставлены алчности; опредѣленная, сверху блюдомая мѣра бѣдности в мундирѣ, рабочій день, начинаемый и кончаемый под барабанный бой — вот то логически неизбѣжное, что нас ожидает». *)

Россія, бывшая во многих отношеніях странною весьма свободной и перед войною явно богатѣющей, все же не была ни странною политическаго либерализма, ни странною капитализма в точном, т.-е. в западно-европейском смыслѣ этих слов. Тѣм не менѣе — и в этом заключается парадокс новѣйшей русской исторіи, — она волею большевистской власти, в лицѣ С.С.С.Р., с невѣроятной силой и прямолинейностью осуществила предсказанный Буркгартом революціонно-военный финал либерально-капиталистической эпохи. В цѣлом рядѣ отношеній большевизм безспорно создал модель политическаго и хозяйственнаго стиля двадцатаго вѣка. В чем основная сущность, в чем верховный закон этого стиля?

Европа послѣдних ста пятидесяти лѣтъ политически опредѣлялась борьбою трех принципов. Силовое отношеніе этих принципов было в разных странах и в разныя эпохи весьма различно. Самый старый принцип новой Европы, ослабленный, но не отмѣненный французской революціей — средневѣковый принцип авторитарнаго іерархизма. Второй принцип, выдвинутый просвѣщенством и либерализмом, — принцип равновѣсія

*) Jakob Burckhardt. Briefe. Alfred Kröner Verlag. Leipzig 1935. Стр. 348.

всѣхъ духовныхъ и социальныхъ силъ, вѣра в то, что истина есть не что иное, какъ функція свободной борьбы мнѣній, а общество — лейбниевская, предустановленная гармонія между личными интересами всѣхъ его членовъ. Этою вѣрою в то, что истина есть всего только сбалансированная система интересовъ, мнѣній и воли, и объясняются всѣ принципы и институты политическаго либерализма: раздѣленіе властей на законодательную и исполнительную, раздѣленіе палат на верхнюю и нижнюю, раздробленіе политической воли народа на голосующія партіи, а экономической жизни на хозяйственныя группы.

Одновременно с этимъ вторымъ принципомъ черезъ ту же триумфальную арку великой французской революціи вошелъ в европейскую жизнь и третій принципъ — принципъ равенства. Вопросъ внутренняго взаимоотношенія принциповъ равенства и равновѣсія одинъ изъ самыхъ существенныхъ и сложныхъ вопросовъ политической жизни 19-го вѣка. В концѣ концовъ къ нему сводятся всѣ труднѣйшіе вопросы какъ внутренней свободы человѣка, так и всѣхъ проистекающихъ изъ нея политическихъ свобод. Односторонне связывать, какъ это становится все болѣе моднымъ, либерализмъ со свободою, а демократію со свободоненавистническимъ уравнительствомъ — значитъ насильственно стилизовать политическую исторію послѣднихъ десятилѣтій. Но не видѣть, что конецъ девятнадцатаго вѣка все сильнѣе опредѣлялся трагическою борьбою якобински-руссоистской уравнительной демократіи со свободою и либерализмомъ — тоже нельзя. Борьба многихъ либеральныхъ и особенно консервативно-либеральныхъ круговъ противъ всеобщаго, равнаго, тайнаго и прямого избирательнаго права была не только борьбою имущихъ классовъ за свои хозяйственно-политическія привилегіи, но и борьбою за свободы, в смыслѣ качественного принципа, противъ свободы, в смыслѣ принципа чисто количественнаго. Душа либерализма, не в смыслѣ абстрактнаго принципа великой формулы «свобода, равенство и братство», а в смыслѣ конкретнаго историческаго явленія, одна изъ наиболѣе раздвоенныхъ душъ новѣйшей исторіи. Защитою индивидуальной, то-есть качественно конкретной свободы каждаго человѣка либерализмъ связанъ с принципомъ іерархизма, котораго онъ однако не в силахъ оправдать никакимъ высшимъ авторитетомъ. Распростра-

неніемъ же политическаго принципа равенства на всѣ области культуры и жизни онъ связанъ с безкачественно уравнительной, массовой демократіей, за плечами которой неизбѣжно возникновеніе кровавыхъ призраковъ деспотіи и новаго неравенства.

Сущность интересующаго насъ предсказаннаго Буркгартомъ процесса перерожденія либерально-капиталистической эпохи в военно-революціонную, но в извѣстномъ смыслѣ все же демократическія диктатуры 20-го вѣка, лучше всего можетъ быть раскрыта на примѣрѣ Германіи.

Утвержденная в августѣ 1919 года Веймарская конституція, типичнѣйшее и в извѣстномъ смыслѣ, быть можетъ, совершеннѣйшее твореніе классически-либеральнаго духа, была провозглашена с явнымъ запозданіемъ. В моментъ ея принятія, положенная в ея основу идея связанныхъ исключительно своею совѣстью народныхъ представителей, искренне стремящихся къ общему стовору, была окончательно подорвана великою войною, разразившимися послѣ нея революціями и міровымъ хозяйственнымъ кризисомъ. Честная, парламентарная борьба мнѣній была во всѣхъ демократическихъ странахъ рѣшительно замѣнена кулуарно-закулиснымъ стоворами экономическихъ и финансовыхъ группъ. Вѣры, что можно договориться до истины и на почвѣ истиннаго стовора построить внутренній и внѣшній міръ, в послѣвоенной Европѣ, несмотря на Вильсона и Версаль, ни у кого не было. Тѣмъ не менѣе новорожденный нѣмецкій либерализмъ упорствовалъ и не сдавался. Цѣлыхъ 12 лѣтъ болѣе 20 партій пытались сбалансировать нѣменскую жизнь и парламентски уравнивать силы антипарламентарныя силы справа и слѣва, т.-е. примирить другъ с другомъ идеи авторитарнаго іерархизма, еще живыя в консервативныхъ кругахъ Пруссіи, с идеями уравнительно коммунистической демократіи.

Брюнингъ первый увидѣлъ тотъ психологическій и политическій тупикъ, в который Германію завелъ веймарскій либерализмъ, и попытался смѣнить идею либеральнаго равновѣсія на идею авторитарнаго іерархизма. Внѣшне это выразилось в мягкомъ, но почти полномъ угашеніи дѣятельности парламента и в передачѣ почти всей полноты власти «вѣрующему в Бога и в порядокъ солдату Гинденбургу». Эта комбинація принципа умаленнаго либерализма с принципомъ іерархіи и авторитета не удалась. И не-

удалась главным образом потому, что в нее не были вовлечены массы, стоявшие частично за вождями коммунизма, главным же образом за Гитлером. Последний канцлер старого режима, фон Папен, попытался было исправить эту ошибку; но его замысел — включить в правительственный аппарат и новые национал-социалистические массы, хотя бы только в лице вождя и окружающей его элиты, обанкротился еще скорее, чем попытка Брюнинга. После падения Папена осуществилось то, в чем очевидно и заключается господствующая политическая идея новой Европы: своеобразное слияние принципа авторитарного иерархизма с принципом уравнительной демократии, т. е. встреча вождя и масс при погашенном свете просвещенского разума и либеральной свободы.

Для вырабатываемой сейчас в Европе новой политической формы, основанной, во-первых, на ликвидации либерализма, во-вторых, на изъятии принципа авторитарного иерархизма из рук традиционной власти, и, в-третьих, на уравнительном демократизме сбитых в социальные массивы революционных масс, наиболее важна, но и наиболее трудна, проблема внутреннего обоснования власти. Все прежние обоснования для новой политической формы явно непригодны. Власть современных правителей, охотно именующих себя подлинными демократами, не основывается, как в их собственном сознании, так и в сознании их подлинных последователей, ни на воле Божией, как в монархии, ни на народном избрании, как в либерально-парламентских демократиях, ни на личном произволе и самовозвеличении, как в деспотиях. Современный правитель чувствует и утверждает себя, в идеальном случае, по крайней мере, прозорливым истолкователем и призванным воплощением воли ведомых им масс. Свои антипарламентарные теории однопартийной диктатуры обосновывают прежде всего на утверждении, что парламентарный либерализм не способен к разумению и осуществлению подлинной народной воли. По учению Сореля и Парето, творящая историю идея-сила раскрывается в правящих «элитах» и в других «социологических отборах». Немцы — Розенберг, Мараун и Марр говорят в этой же связи об «ордене» и «бунде» (непереводимый немецкий

термин, означающий новую высшую форму союза). По учению Ленина, подлинный социализм надо искать не в рабочих массах, а в пролетарском авангарде и в старой партийной гвардии.

Если либеральное государство стремится к тому, чтобы уравновесить и примирить противоположные мнения, воли и интересы граждан, то борющаяся против него новая форма демократически-идеократической диктатуры стремится как раз к обратному: к уничтожению всех различий путем отождествления всего со всем. Если в системе авторитарного иерархизма истина есть единство, в системе либерального парламентаризма — равновесие, в системе антилиберальной социалистической демократии — равенство, то в системе идеократической диктатуры она есть тождество, тождество вождя, партии и ведомых масс. По немецкому учению, партия есть образ и душа народа, по учению фашизма — основа и субстанция итальянской нации и римской традиции, по учению ленинизма — заковка и надежда мирового пролетариата и мировой революции. На принципе этого основного, почти мистического тождества, строятся все дальнейшие, характерные для современности отождествления: тождество права и правды, правды и силы, солдата и революционера; тождество государства и общества, внешнего насилия и внутренней свободы, управления и воспитания, власти законодательной и исполнительной; тождество сознательного принуждения к господствующему мировоззрению и предполагаемого во всех принуждаемых бессознательного стремления к нему же и т. д., и т. д. вплоть до утверждения тотальности (всеохватывающей целостности), как высшего принципа новой, авторитарно иерархической исповеднически-военственной и социально озабоченной государственности двадцатого века.

Отталкиваясь от большевизма, этого трехчлассного хаоса государственно-капиталистической фабрики, усовершенствованнейшей казармы и противобожеской церкви и ожидая его падения, мы, эмигранты пореволюционной формации, не смеем, как бы это ни было заманчиво, в порядке старо-эми-

грантских воспоминаний и предчувствий, отдаваться безконтрольному прожектерству о грядущей России. Все высказывания о том, куда пойдет Россия, должны исходить, во-первых, из анализа того, куда она пришла за годы революции, а, во-вторых, из рассмотренного вопроса, куда идет весь мир и в частности Европа, к которой, даже в качестве Евразии, безусловно принадлежит Россия. Вот почему я и остановился столь подробно на анализе нового политического стиля 20-го века. Все эти трезвые размышления перескакают и осложняются однако дальнейшею, как бы противоречащею всему сказанному, мыслью.

Человеческая история не равнодушная природа. Исторически-социологическая наука — не физика. Кантовская идея социальной физики — утопия. В природе естественных испытателей господствуют закон и порядок, — в истории — свобода и зло. В естественных науках возможны потому точные предсказания, которые не возможны в истории. Но если дело обстоит так, то к чему нужны все наши анализы грядущих судеб родины? Как отличимы и отличимы ли вообще беспочвенные мечтания о будущем от трезвых и разумных размышлений о нем? Не правы ли в последнем счете скептики всех оттенков? В борьбе за идею «Нового града» часто встречаешься со скептицизмом. Поскольку он проистекает из усталости, малодушия, безверия, или в некоторых редких случаях из глубин своеобразного антиисторически направленного мистицизма, постольку против него вряд ли возможны возражения. Поскольку же сомнения в осмысленности теоретической работы над будущим исходят из теоретических же предпосылок, постольку они могут быть, если и не совсем разсѣяны, то все же в значительной степени ослаблены. Точные предсказания в истории, конечно, не возможны, но сбывшихся пророчеств она знает не малое количество. Разница же между недоступным для истории научным предсказанием и пророчеством та, что пророки не предсказывают того, что неизбежно должно случиться при всех условиях, а лишь указывают, какие кары и ужасы постигнут тех, кто в решающие исторические минуты останутся глухи к требованиям и предупреждениям прорицателей.

Мы, новгородцы, конечно, не назовем себя пророками — уж очень торжественно и великопльно звучит это библейское слово, — но все же и нам, — такова уже природа исторического познания — нельзя иначе думать о будущем России, как в порядке предупреждения о том страшном, что неизбежно должно обрушиться на нас, если не будут услышаны голоса истины и совести.

Всего сказанного, думается, достаточно для того, чтобы предостеречь себя как от ложных и праздных мечтаний о будущей России, так и от апатии отчаяния и бессилия. Напомним: Россия, помимо каждого из нас и помимо всех нас вместе, уже сейчас кѣм-то задуманной и окончательно уготованной к осуществлению — нѣт. В конце концов, она может стать такой, какою ее задумают и осуществляют безкорыстно верные ее памяти и творчески озабоченные ее будущим русские люди. Не надо только поддаваться тлетворной лирике своих корыстных воспоминаний. Как ни страшно и как ни грустно в этом признаться, но в эмиграции нѣт болѣе слѣпых и болѣе зло устремленных на Россию взоров, чѣм увлажненные нѣжнѣйшими воспоминаниями взоры старо-эмигрантских патриотов. Одно время казалось, что всей этой сентиментально-озлобленной и сладострастно-жесточкой эмигрантшинѣ, слѣпо исповѣдующей злую большевистскую ложь, будто современная Россия сплошь большевистская, и готовой потому с кѣм угодно идти против нея, наступает конец. Но вот изменилась политическая конъюнктура и уже снова заливаются соловьи пораженчества, преступно сближая прекрасную лирику своих вечерних закатов с кровавыми зорями чаемой ими войны — против С.С.С.Р. за Россию.

Всей этой убогой, но и страшной эмигрантской активности, собирающей нитки для смиренной рубашки большевизму рѣшительно со всего мира, необходимо противопоставить нѣкий новый замысел о России, нѣкое новое видѣние ее на фонѣ послѣвоенной Европы, мѣняющей не только свой политический строй, но и психо-химический состав европейца, чего никак не хотят понять послѣдние могикане русского либерального и социалистического демократизма, считающие основною задачею русской эмиграции блюсти завѣты всероссийскаго учредитель-

наго собранія и знаменуемаго им духовнаго и политическаго міра 19-го вѣка.

Конечно, в Западной Европѣ нам, эмигрантам, часто становится скучно, — в просторѣчїи «скучно» все равно, что тошно, — прежде всего потому, что мы не можем жить с ней с в о е ю жизнью. В Россію же нас тянет потому, что мы не можем убить в себѣ подсознательнаго чувства, что, какою бы она ни была, она все-таки своя; как своя мила и по-милу хороша. Как бы сильна не была эта логика чувств, не в ней одной дѣло. Наше тяготеніе к Россіи имѣет еще и другія, болѣе объективныя причины: какую-то смутную надежду на то, что большевистская Россія, построившая свою кровавую идеократію против не существовавшего в Россіи буржуазно-капиталистическаго строя, сможет первую выйти на новый историческій путь, первую приступить к новой исторической стройкѣ. Весь вопрос только в том, во имя каких идей и чьими руками начнется новое дѣло. Не вѣрится, чтобы тѣ же большевики, которые одурманили сознание Россіи ленинским зельем и насильнически вынудили у нея тот государственно-капиталистическій выкидыш, который зовется совѣтским социализмом, были призваны в строители будущей Россіи. Свою историческую задачу подрыва западно-европейской либерально-капиталистической цивилизаціи на обходных путях разрушенія Россіи они выполнили весьма успѣшно. Достаточно указать на то, что всѣ социальныя революціи на Западѣ и всѣ національныя на Востокѣ так или иначе связаны с большевизмом и что большевизм, очевидно, является создателем нѣкакого прообраза всѣх новѣйших идеократических диктатур, чтобы понять размѣр их вражьяго подвига. Но разрушители — не строители. Для созданія будущей Россіи понадобятся совсѣм другія духовныя силы и душевныя качества, чѣм тѣ, при помощи которых большевики, не щадя Россіи, таранили буржуазную Европу. То, что они сейчас как бы сдают свои старыя позиціи: начинают преподавать исторію в школах и университетах, изучать народныя пѣсни и преданія, с паѳосом описывать кавалерійскіе пробѣги и возрождают любовь к чинам и формам, свидѣлствует, поскольку рѣчь идет не о Россіи, а о

большевистском правительствѣ, лишь об угасаніи старой вѣры, а не о народненіи новой. Думать, что новая вѣра, поднимающаяся сейчас из бессознательных глубин русскаго народа, как-то раздвинет правительственное сознание и благополучно умѣстится в нем, не приходится. Спорить можно лишь о том, сломит ли она всего только власть большевистскаго міросозерцанія над Россіей или снесет и головы большевиков. Временами надѣясь на первое, но иногда ясно предчувствуя второе, мы вѣрно знаем лишь одно: в Россіи уже навсегда ликвидирована старая буржуазная Европа, но в ней начинает ликвидироваться и большевистски-коммунистическая форма идеократической диктатуры. Это не значит, конечно, что в Россіи уже завтра окончательно прекратятся всѣ ужасы совѣтской деспотіи; это значит лишь то, что они уже давно начали терять и завтра окончательно потеряют свой историческій смысл. Безумное становится бессмысленным. Процесс обезсмысливанія революціоннаго безумія неизбежно есть и процесс нарастанія новаго пореволюціоннаго подъема.

Высказывая такія мысли, часто приходится слышать возраженія, что онѣ не учитывают главнаго: непредѣльной усталости русскаго народа, которому, послѣ страшных лѣтъ большевистскаго царствованія, не до новых идей, не до новаго творческаго подъема, который жаждет одного: сытаго покоя и идейнаго затишья. Разсужденіе это, как уже отмѣчал Бунаков, не вѣрно. Устали в Россіи люди, которые созрѣли до революціи. В тѣх же, которые в дни октября были малыми дѣтьми или подростками, по всѣм доходящим до нас свѣдѣніям, чувствуется все, что угодно, но только не усталость. Как раз наоборот: в Россіи тянется сейчас к жизни и власти поколѣніе, с пеленок привыкшее к борьбѣ и риску, выносливое, изворотливое и самопадѣянное, чувствующее себя какими-то гонимиками-мотоциклистами на крутом виражѣ широкаго историческаго пути. Активности в нем хоть отбавляй. Почти непосильной задачей кажется лишь одухотвореніе и усложненіе его варварскаго активизма. Вся наша надежда в этом отношеніи на идеократиче-

ский характер большевистской диктатуры и на интеллигентский пошиб (пока только еще пошиб) комсомольца. Разочарование в марксизмъ уже началось и будет неизбежно развиваться. Против марксизма ополчатся: рост национально-патриотического сознания, неизбежное в будущем выяснение того, что марксизм вовсе не последнее слово культуры, а давно превзойденная развитием науки и жизни социологически-экономическая доктрина и осознание того факта, что все периоды хотя бы временного улучшения советской жизни были связаны с отступлением власти от марксистской доктрины, периоды же ее омрачения вплоть до осатанения — с возвратом к Марксу. Вся эта несложная критическая работа должна в ближайшее же время привести к полному оголению всех идеологических фронтов, а тем самым и к утверждению новых богов. Я знаю, что это «тем самым» для многих сомнительно. Эти многие думают, что идеологически перекормленная Россия вполне сможет удовлетвориться устройством тех новых дешевых квартир, что обещает в ближайшее время выстроить для всех своих граждан советская власть.

Размышляющие так страдают абсолютной нечувствительностью к духу и стилю переживаемой нами эпохи. Они не видят, что мы все, — хотим ли мы того или не хотим, — солдаты-герои или солдаты-пешки одной из величайших идейных войн мировой истории. Никаких уютных квартир сейчас в миръ нет и быть не может. Спокойно спать сейчас можно только в походных постелях и знать, что ты завтра будешь сыт только, если у тебя в кармане сухарь, а за спиной банки с консервами. За последние десятилетия мы пережили вещи, в возможность которых в конце прошлого века никто не поверил бы. Дело не в том, что мы воевали в окопах и дрались на баррикадах, а в том, что над нами в каких-то страшных хаосах пронеслись голоса и топоты древнейших вбраний и сокровеннейших инстинктов человечества. Как на заре своей жизни, христианство переживает гонения и катакомбы; коммунисты издеваются над церквами и мощами, а антикоммунисты развешивают прах сожженных коммунистов по воздуху. Церковные вопросы, еще вчера никого не интересовавшие, собирают многотысячные аудитории и на улицах атеистического Запада вспыхивают революционные

стычки между христианами-исповедниками и их противниками. Такими же полыхающими кострами горят националистические страсти и казавшиеся навсегда отошедшими в прошлое расовые инстинкты. Научно критическое сознание почти всюду свертывается, догматически-исповедническое развертывается. Ответственные политические деятели впадают как пророки, а в Америке, странах золотоискателей и лешегодълов, президент Рузвельт платит фермерам деньги за то, что они отказываются от возделывания своих земель. Думать, что в такие времена «русские мальчишки» из большевиков, в каком-то неожиданнейшем смысле победившие дэловую и дэляческую Европу, успокоятся на устройстве квартир с водопроводом и канализацией, есть верх фантастики. Пусть на этом успокоятся миллионы, — те тысячи, которые всюду и всегда господствуют над миллионами, на этом не успокоятся. Оставшееся в их душах после развала марксистской идеологии место пусто они неизбежно должны будут превратить в место свято новых идей и убеждений. Наш долг — встретиться с ними и попытаться помочь им в осуществлении этой трудной задачи.

Перед тем, как попытаться хотя бы в самых общих чертах начертать возможную формулу этой встречи, спросим себя искренне — какие силы современности за нас и какие против. Ведь затем только и выясняли мы выше особенности политического стиля 20-го века, чтобы не только лирически мечтать о желанной пае России, но и социологически размышлять о ее в возможном в будущем образе. Главное, что за нас — это идеократический характер всех современных антибуржуазных и антилиберальных диктатур. Творить политическую жизнь во имя целостной идеи и всеохватывающего мирозерцательного замысла в условиях 20-го века скорее банальность, чем парадокс. В лице большевиков Россия в свое время первая отказалась от политики национальных, а в последнем счете даже и пролетарских интересов и начала политику «философствования молотом». Фашистская Италия с латинским чувством мери последовала ее примеру. Германия с еще большею силою убъж-

денія кладет в основу своей внѣшней и внутренней политики свою тоталитарную идею. Австрія явно пытается создать нѣкое подобіе свободной теократіи. Всѣ созвучныя новой Европѣ пореволюціонныя теченія русской эмиграціи не сомнѣваются в том, что на знамени борьбы против большевиков должна быть начертана нѣкая общерусская идея, а не лозунг защиты чьих бы то не было интересов, хотя бы даже и интересов самой Россіи. Вопрос только в том — какую же выдвигать идею? Слѣдую прочной традиціи девятнадцатаго вѣка, «Новый град» выдвигает идею христіанской культуры и политики. Спрашивается: возможны ли серьезныя возраженія против попытки положенія христіанской идеи во главу угла новаго строительства? Думаю, что возможно лишь одно возраженіе: мір находится сейчас в таком озлобленном, осатанѣлом состояніи, он с такою очевидностью упорствует в своем желаніи все дальше длить и так уже затянувшийся період войн и революцій, в нем так мало готовности к христіанскому смиренію и так не слышно тихаго дыханія вѣчности, что невольно кажется, что христіанству, как политической силѣ, или придется обагрить себя кровью или неуслышанным сойти со сцены историческаго дѣйствія. Нѣтъ слов — возраженіе это очень сильно. Достаточно простого сопоставленія глубокомысленно-прекраснаго теченія великопостных служб со всѣм тѣм, что изо дня в день наполняет газеты, чтобы оцѣнить от отчаянія и до корней волос устыдиться донкихотству своих пореволюціонно-новоградских концепцій. Все это так и все же: единственное возраженіе против попытки опереть борьбу за Россію на православную церковь и живое социальное христіанство не возраженіе вовсе. Ясно, не беря на душу многих тяжелых грѣхов, вождю вѣрующих борцов за новый облик міра и Россіи со своей задачей не справиться. Политика правителей христіан не будет и не сможет быть христіанской политикой. *) Многое говорит за то, что эти неизбѣжныя компромиссы могут принять размѣры, которых христіанской совѣсти не вынести. Тогда, конечно, останется лишь путь в катакомбы. Но всѣ эти безусловныя возможности не освобожда-

*) Ср. мои статьи «Христіанство и политика». «Современные Записки», №№ 53, 55.

ют нас от необходимости упорной борьбы за христіанское осилваніе стоящих перед нами задач. Капитуляція без боя равносильна самоубійству из-за страха пораженія. Нѣтъ, указанія на трудности — не возраженія! Дѣйствительным возраженіем против новоградскаго замысла могло бы быть лишь указаніе другой, болѣе подходящей для возрожденія Россіи идеи. Но в том то и дѣло, что никакой иной идеи нѣтъ и быть не может. Идея — не выдумка, не произвольная философская концепція одинокаго ума, раздѣляемая хотя бы милліонами приверженцев. Идея — это духовная первооснова жизни, по которой исторія расширяет узоры отдѣльных національных и эпохальных культур. Этою сущностью идеи объясняется то, что она всегда жива и жизненно опредѣлена тѣм или иным отношеніем к высшему началу, т.-е. к Богу. По существу возможны поэтому всего только три первозданныя идеи. Человѣчество может жить или утвержденіем Бога, как Творца и Зиждителя міра и жизни; или утверженіем всемогущаго человѣка, как создателя верховной идеи о Богѣ; или, наконец, отказом от всякаго отношенія к Богу. Культуры народов могут быть потому или опредѣленно религиозными, или религиозно непредрѣшенческими, или, наконец, явно богоборческими. Позиція міросозерцательнаго непредрѣшенчества никогда не была русскою позиціей. В Россіи даже интеллигенція жила или вѣрою в Бога, или борьбою с Ним, что было бы не трудно показать при помощи анализа основных явленій русской культуры даже и 19-го вѣка. В духовно рушащемся сейчас большевизмѣ рушится идея русскаго богоборчества. Замѣна этой отрицательной, но все же большой и подлинной идеи какою-нибудь произвольной исторіософскою выдумкой (пу, скажем, концепціей нѣкаго евразійствующаго диктатора, утверждающаго малоцѣнность славянской крови по сравненію с тюркскою и проповѣдующаго расовую монголизацию Россіи в цѣлях совмѣстнаго с Китаем и Японіей завоеванія Западной Европы и ея дехристіанизации) в принципѣ, конечно, возможна, но возможна только для такой идеократически-деспотической власти, которая готова на всяческія насилія в цѣлях пересройки народной души и народнаго тѣла. Для всѣх же, кто ищет для Россіи новых путей, созвучных глубочайшим запросам 20-го вѣка, но не ведущих в туники идеократій и дик-

татур, остается действительно только одно: возврат к перво-
зданной идее русской культуры, к идее православного хри-
стианства. В ней легче, чем в какой-нибудь иной идее, могут
быть внутренне примирены ищущия в наше время творческой
встречи начала авторитарного иерархизма и демократического
равенства. И не только потому, что христианство представляет
собою живое и таинственное единство иерархии и равенства, но
и потому, что, требуя послушания христианской идее, вожди на-
рода будут требовать подчинения не только самим себе, но и
тому, чему сами подчиняются: верованиям и убеждениям, кото-
рыми вѣками творили историю России. Цѣнность этих размыш-
лений косвенным образом доказывается и тѣм, что всѣ борю-
щияся с большевиками правительства не только не отрицают
христианства, но прикрываются им как щитом в борьбѣ за свои
идеалы. В Австрii это совершенно очевидно. Муссолини по-
шел за благо примириться с церковью. У націонал-социализма
очень сложные счеты с христианством, но, как бы сложны они
ни были, 24-ый параграф программы, утверждающій, что пар-
тия стоит на точкѣ зрѣнія положительнаго христианства, все
еще в силѣ. В силѣ остается потому и 293-ья страница «Моей
борьбы», защищающаяся не только христианство, но и невоз-
можность для христианства, желающаго быть религіей, а не без-
отвѣтственным міросозерцаніем, отказаться от своего догма-
тич е с к а г о содержания. Думаю, что сказывающееся во всем
этом желаніе современных диктатур походить на христианскія
государства свидѣтельствует о правильности моей мысли, что
в древности, традиціонности и всенародности христианской идеи
кроется нѣчто нужное для современнаго политическаго строи-
тельства, какая-то полезная правда. Имя этой правды, конечно,
с в о б о д а . Сближая свое міросозерцаніе с христианством, со-
временная диктатура как бы говорит народу: если я тебя и на-
силую, то я это дѣлаю во имя той правды, которая издавна за-
ложена в тебѣ самом.

Россия, которая послѣ паденія большевиков начнет духов-
но воскресать к новой жизни, будет в своей массѣ, вѣроятно,
мало чувствительна к свободѣ. Но для той ея творческой эли-
ты, на которую мы только и можем рассчитывать, свобода бу-
дет безспорно верховною цѣнностью. Потому мнѣ и представ-

ляется не безнадежно попытка подлинно свободолобиваго на-
чала новой эры. Страшно подумать, если в порядкѣ какой-ни-
будь новой идеократической перелицовки на голову освобож-
денных русских граждан снова обрушится все то, что уже бы-
ло: на торжественной авансценѣ долгожданнаго переворота,
флаги и мѣдныя трубы, марши и шпалеры, сильные голоса ора-
торов и бурные аплодисменты, а по низу, у ног марширую-
щих и за спинами витійствующих шепоты измѣн и провокацій,
ведущіе к висѣлицам и разстрѣлам. Какая безысходная тоска и
угнетающая скука!

Соглашаюсь и допускаю: по трагической необходимости исто-
рии новая жизнь может начаться именно так страшно и без-
надежно, но сознательно желать и готовить такую смѣну
большевизма преступно и бессмысленно. Хотѣть такой смѣ-
ны — значит хотѣть увѣковѣченія духа большевизма в России.

Нѣтъ, серьезно задумывать новый облик России нельзя без
вѣры в то, что послѣ оглушительнаго агитационнаго крика, по-
слѣ нескончаемаго потока бушующих, но мертвых слов для
всѣх наиболѣе искренних, горячих, а потому, Бог даст, и наи-
болѣе сильных русских людей, будет насущнѣйшею потребо-
стью и величайшим счастьем перестать говорить об истинѣ и
начать в молчаніи, болѣе руками, чем устами, заново творить
ея образ.

Мнѣ кажется, что в России послѣ паденія или сверженія
большевистской власти должна будет наступить нѣкая истори-
ческая секунда, в которую рѣшится вопрос бытія или небытія
той русской христианской культуры, о которой так много го-
ворилось в эмиграціи. Если этой культурѣ быть на Руси, то в
эту секунду вокруг всѣх умученных, но еще не снесенных цер-
квей соберутся какіе то друг другу мало звѣстные люди, что-
бы без сговора начать общерусское христианское дѣло. Люди
эти заново сложат разваленную ограду, снова водрузят крест,
разыщут и соберут иконы, наладят хор. Начнутся церковно-при-
ходскія собранія и бесѣды по религіозным, социальным и поли-
тическим вопросам, организуется помощь больным и бѣдным.
Так из тишины возникнет и, захватывая одну за другой всѣ
стороны общественности и культуры, начнет постепенно расти
и шириться новая христианская жизнь.

Есть один вопрос, таящий в себѣ почти неразрѣшимую трудность. Это вопрос об отношеніи между церковью и государством. Почти невѣроятная сложность этого вопроса заключается в том, что христіанство, царство котораго «не от міра сего», чтобы творить социальную, а тѣм самым и политическую правду міра, должно быть, повидимому, поставлено в нем не только как правда, но и как сила.

Теократическое, т.-е. папо-цезаристское разрѣшеніе этого вопроса, принесло міру и христіанству явно больше вреда, чѣм пользы. Не меньше вреда принесло и обратное цезаро-папистское разрѣшеніе его. Царствует ли церковь при помощи государства, становясь сама государством, царствует ли государство, обязуя церковь тѣми или иными мѣрами служить себѣ — это не большая разница. Всякое сліяніе церкви и государства, хотя бы только в лицѣ чиновника налогового управленія, приходящаго описывать вѣрнаго, но нерадиваго сына церкви в пользу причта и государства, полно больших трудностей и соблазнов.

Церковь, собирающая нужныя ей для существованія средства при помощи полицейской власти, не может быть независимой совѣстью государства. Выполненіе этой трудной задачи (современная борьба исповѣдническаго движенія в Германіи является неоспоримым доказательством правильности моего положенія) может быть по силам лишь для церкви, матеріально и административно абсолютно независимой от государства, для церкви живущей исключительно добровольными взносами прихожан и уже по своему внѣшнему виду являющей образ нездѣшняго міра, т.-е. для церкви отдѣленной от государства.

Принцип отдѣленія церкви от государства не приходится ни обосновывать ни защищать. За него сейчас высказываются как вѣрующіе, так и не вѣрующіе, как враги церкви, надѣющіеся, что без государственной поддержки христіанская выдумка быстро погибнет, так и ея вѣрующіе сыны, уповающіе, что уничтоженіе соблазнов властвованія только укрѣпит внутреннюю силу церкви. Как ни удобно это единеніе в практическом отношеніи, трудно отдѣлаться от чувства, что в нем не все благополучно, от мысли, что должна же быть нѣкая очевидная разница между отдѣленіем, провозглашенном в свое время фран-

цузской революціей, и тѣм, к которому только и может стремиться христіанская власть, стоящая перед задачей преодоленія большевистскаго послѣсловія к просвѣщенской эпохѣ. Сведеніе этой разницы к разницѣ чисто психологической, успокоеніе на мысли, что при наличіи в будущей Россіи живых и социальнo озабоченных христіан, власть как-то сама будет христіанизироваться, представляется мнѣ не правильным все по тѣм же, уже не раз подчеркнутым мною соображеніям о духѣ и стилѣ нашей эпохи. Пульс жизни современнаго чловѣчества бьется не в обществѣ, а в государствѣ. Тяжба Христа и антихриста рѣшается сейчас в огне революцій и войн. Христіанству, стремящемуся спасти не только отдѣльные сердца и души, но и строить социальную и политическую жизнь, нельзя потому оставаться обществом, не имѣющим никакого отношенія к государству. Без выхода из аскетическаго полумрака катакомб и келій и без возвышенія над практикой богоугодных завсѣдній христіанству трагических вопросов современности не разрѣшится и судеб міра не устроить. Из этих положеній не слѣдует ни права церкви требовать себѣ от государства тѣх или иных политических полномочій, ни тѣм паче права государства насиловать общественно государственную жизнь во имя клерикальной идеологии. По уже условленному исключенію всѣх папо-цезаристских и цезаро-папистских соблазнов из этих положеній слѣдует нѣчто совершенно иное: согласіе христіанской власти на церковное руководство, готовность к церковному послушанію и к обнародованію в той или иной формѣ этой своей готовности, т.-е. к созданію всенародно виднаго единенія, а в трагическом случаѣ и мѣста борьбы между христіанской совѣстью государства и его земными нуждами и необходимостями.

Мысли эти никоим образом не ведут вспять к тѣм прежним формам взаимоотношенія церкви и государства, при которых церковь в хозяйственно-правовом отношеніи наживалась на государствѣ, а государство охотно украшалось христіанскими добродѣтелями. Наоборот, в них заложена единственно возможная гарантія против превращенія христіанской власти будущаго в клерикально-націоналистическую деспотию стараго типа. Кандидатов в православные диктаторы при нѣкотором возможном стеченіи обстоятельств завтра в эмиграціи, а быть

может и в Россіи найдутся десятки. Всѣ они с удовольствіем повторяют либерально-соціалистическій лозунг, что религія — частное дѣло каждаго, и с еще большим удовольствіем сочтут не касающимся христіанской Россіи, частным дѣлом государственной власти возстановленіе всего устарѣлаго арсенала лжехристіанскаго клерикализма. Отмежеваніе от такого возрожденія христіанской власти является насущною необходимостью пореволюціонно-религіознаго сознанія. Иного же средства отмежеванія, кромѣ как того или иного правового оформленія своей готовности в опредѣленных особо важных случаях считаться с голосом церкви, как с голосом подлинной народной совѣсти для будущаго антибольшевистскаго, антифашистскаго и сверхлиберальнаго христіанскаго государства нѣтъ и быть не может. Развитіе и уточненіе этого положенія требуют особаго и тщательнаго изслѣдованія. Откладывая потому анализ новаго взаимоотношенія между государством и церковью до слѣдующей статьи, я закончу и поясню мои бѣглые намеки слѣдующим простым соображеніем.

Извѣстно, что Владимір Соловьев предлагал Александру III, как христіанскому государю, не казнить убійц своего отца, и что он в своей послѣдующей публицистической дѣятельности требовал от русской монархіи религіозно-нравственнаго, а тѣм самым, согласно его концепціи, и политическаго примиренія с поляками-католиками и евреями. Я думаю, что если бы эти требованія были в свое время провозглашены не безправным приват-доцентом и публицистом, а патриархом русской православной церкви и если бы они раздались не в монархіи, в которой церковь возглавлялась синодальным чиновничеством, а в государствѣ, связанном с церковью добровольно взятым на себя обязательством заслушиванія и взвѣшиванія ея голоса, в нѣкоторых же религіозно особо существенных случаях и обязательством подчиненія ему, то это могло бы сыграть большую и положительную роль.

Что было невозможно в прошлом, то должно стать возможным в будущем. Конечно, без вѣры в устроительную силу добра на землѣ, без вѣры в то, что освобожденная от государственных тисков церковь сможет в рѣшающую минуту еднomyсленно предохранить власть от религіозно недопустима-

го и политически несправимаго рѣшенія, всѣ высказанныя мною мысли становятся совершенно безпредметными. Но безпредметными становятся тогда и всѣ устремленія к новой эрѣ дѣйствительнаго, соціальнаго христіанства.

Против всего сказаннаго, несмотря на всѣ мои оговорки, будут, конечно, выдвинуты обвиненія в утопизмѣ. Правда, послѣ того, что удалось сдѣлать большевизму в Россіи и национализму в Германіи, вопрос о неосуществимости утопій надо было бы пересмотрѣть в корнѣ. На наших глазах понятія реальной политики и утопій настолько приблизились друг к другу, что всякая, лишенная конструктивной фантазіи политическая мысль невольно кажется беспочвенной и утопичной. Тѣм не менѣе для антифашистскаго, а потому в каком-то весьма существенном смыслѣ все же и демократическаго сознанія есть одно соображеніе, ослабляющее, по крайней мѣрѣ на первый взгляд, все сказанное мною.

Не думаю, чтобы можно было сомнѣваться в том, что большевикам за долгіе годы их царствованія, дѣйствительно, удалось в очень значительной степени раскрестить массы русскаго народа, и что «Новый град» придется строить не на фундаментѣ святой Руси славянофилов и Достоевскаго, а на обломках марксистски-большевистскаго царства, в котором значительное большинство живой и талантливой молодежи окажется абсолютно глухим ко всякой христіанской проповѣди. Как же быть с этим большинством? Возможно ли задумывать образ Россіи, явно идущій в разрѣз с волею этого большинства? Думаю, что для демократов новой формации, не стоящих на позиціи демократическаго формализма, вопрос этот не таит в себѣ никаких особых затрудненій. В «Новом Градѣ», между прочим, и мною уже не раз высказывалась очевидная по нашим временам мысль, что защита реальной демократіи не только допускает, но даже и требует примѣненія и не демократических методов борьбы. Непониманіе этой истины Временным правительством привело Россію к большевизму. Но если допустимо уже существующую демократію защищать в

минуты опасности и недемократическими методами, то нет никаких оснований требовать, чтобы подлинно народная и подлинно демократическая Россия осуществлялась по всем правилам формально-демократической игры в большинство и меньшинство. Не то важно, чтобы будущие правители России пришли к власти демократическими путями, а то, чтобы они не оставались у нея вопреки явной воли честно и свободно опрошенного народа. Путем постановки на голосование своего религиозно-социального мирозерцания христианской элиты к власти не прийти, но растворить себя, как элиту, в общенародной воле уже после прихода к власти ей будет безусловно легче, чем всякой другой инициативной группе, если только она, согласно всему вышесказанному, начнет свое дело не с совершенно невозможного и ненужного в ближайшее время «оцерковления культуры», а с насущного очеловечения жизни. Естественные права человека и гражданина, свободный труд и социальная справедливость, мирное устройство своего дома, трезвое и миролюбивое разрешение вопросов внешней политики — вот та вне христианства неосуществимая демократическая программа, за которую в России, пережившей поголовное безправие и каторгу рабского труда, выскажется безусловно громадное большинство населения и над которой нам в эмиграции надо неустанно работать. За исключением старозаветных либерал-и социал-демократических группировок, все эмигрантские политические формации пореволюционного типа стоят на тех же религиозных позициях, что и Новый Град. Наша особенность заключается лишь в том, что мы, как огни, боимся превращения христианства в мертво-клерикальную идеологию, в бытовую аксессуар национальную революцию, утробно устремленной к созданию скуластой, трезвонной и погромной фашистской России. По нашему глубокому убеждению, религиозное возрождение России предполагает исход из абсолютно первичного и подлинного христианства и из пристального, свободного непредвзято-справедливого изучения советской России. Лично мне кажется, что, если бы лучший представитель Русского Студенческого Христианского Движения, исповедующий непреложную христианскую истину, что вся история человечества целиком свершается в отдельных человеческих душах на путях тревож-

ного искания социальной правды, вплотную подошел к лучшему младороссу, горячо устремленному к лицу советской России и всецело преданному делу ее преобразования, то в эмиграции сошел бы тот человеческий тип, который нужен для нового строительства России. Одно надо только твердо помнить. Удача всех наших замыслов всецело зависит от того, найдем ли мы отзыв в самой России. Я ни минуты не обольщаюсь надеждой, что его будет легко найти, и отнюдь не уверен, что он будет найден. Твердо я знаю только одно, что для того, чтобы наша работа была осмысленной, нам надо встретиться с Россией. Наша вера в возможность этой встречи держится надеждой на духовный рост оппозиционного комсомольца, на обострение критического сознания советского студента и ученого, на пробуждение в новом советском человеке чувства национальной ответственности за все то страшное, что его советская власть сделала с Россией, на бунт русской совести и на неизбежную в свете этого бунта встречу практически делового активизма потерявшей веру в Маркса советской молодежи с той высшей духовной активностью, которая за годы большевистского господства была проявлена лучшими русскими людьми, мучениками за веру и родину.

Какова психологическая реальность и действительная социологическая структура Советского Союза — сказать не легко. И зная все, мы видим очень мало. Все же мы вряд ли ошибемся, если предположим, что служилый класс Советского Союза, к которому, за исключением верхнего слоя правительства и доживающих свой век лишенцев, принадлежит почти все народонаселение Союза, действительно представляет собою некое безклассовое общество. Культурный уровень наиболее выдающихся представителей этого общества надо считать сильно сниженным, но культурность масс в России безусловно повысилась. Общество это несет громадный, подчас героический труд и в массы своей, по крайней мере, не требует от жизни

ничего, кроме удовлетворения самых скромных и бесспорных нужд: квартиры, заработка, свободного времени для книги и беседы и ненасильственной смерти в собственной постели.

Не только не ставя большевикам в заслугу создание такого общества, но и не прощая им его, нельзя все же не видеть, что советская жизнь является весьма пригодной базой для возведения первого гуманитарного этажа «Нового града». Ведь и христианство всегда защищало труд и прежде всего даже физический труд, как основу человеческого общежития. Ведь, и оно проповедывало трудовой солидаризм общества и защищало собственность лишь как минимум тех щедрот, от которых всегда можно и должно уделять ближнему, ведь, и оно защищалось умрениость в пользовании земными наслаждениями. Мало-мальски безпристрастное исследование вопроса об отношении христианства к социализму и капитализму с непрекращаемой очевидностью устанавливает социалистическую, а не капиталистическую душу социальной эпохи христианства. Разделение труда и капитала, нетрудовой доход, взимание процентов, определение цен на продукты производства рынком, а не трудом, замена сословной структуры общества классовой, маммонизм буржуазной цивилизации — все это всегда встрячало в лицах христианства определенное осуждение. Я знаю, что против этого положения можно привести много фактов и соображений, говорящих на первый взгляд обратное. Первое впечатлительное, однако, не верно. Неоспоримо, конечно, что в годы ожесточенной борьбы между капиталистическими правительствами и революционерами-социалистами пастыри всех исповеданий и национальностей стояли на правительственной стороне. Но это объясняется не капиталистическими симпатиями христианской этики, а христианским учением о божественном происхождении власти, которым земная церковь часто не в меру злоупотребляла в целях сохранения своих общественно-государственных привилегий. Борьба между социальной этикой христианства и христианским положением о религиозных истоках государственной власти очень острая тема, которую я не могу развивать подробно. Скажу только, что, в общем, социальная этика христианства, говоря политическим языком современности, была всегда много радикальнее христианской социо-

логии и прежде всего христианского учения о власти и государстве. Характерная для капиталистической эпохи победа консервативной социологии христианства над более радикальной социальной этикой представляется мне одной из наиболее существенных причин практической неудачи социального христианства в 19-ом веке. Здесь ныне необходимы новые мысли и новые пути.

Из сказанного вытекает с полной очевидностью, что превращение России в типично капиталистическую страну было бы величайшим преступлением, как перед идеей социального христианства, так и перед всеми пережитыми Россией муками. Вся задача пореволюционного строительства должна заключаться в том, чтобы в муках рожденную трудовую жизнь, в очень большой степени поравнявшую бедных и богатых, знатных и простых, духовно утонченных и малограмотных, не просто отринуть, но, до неузнаваемости, повысить ее бытовой и хозяйственный уровень, как-то и удержать, как основу новой соборной и универсальной христианской культуры.

Развивать подробно социально-политический и культурно-педагогический смысл этой формулы мне невозможно. Можно попытаться лишь совсем приблизительно набросать отдельные черты социального лица будущей России.

Как уже не раз ответственно писалось в «Новом Граде», и в случае падения большевиков земля должна будет остаться изъятой из свободного частновладельческого товарооборота. Дабы крестьянство не попало в новое рабство к частному, да еще иностранному капиталу, государство должно будет оставить за собою верховное право собственности на землю. Это однако не значит, что земельный строй России должен навсегда остаться строем крепостнических колхозов. Покоющаяся на понятии личности христианская культура не отрицает начала собственности, а, наоборот, утверждает его. Изъятие земли из безконтрольного частного-владельческого товарооборота должно потому быть направлено не к уничтожению всякой собственности на землю, а лишь к утверждению подлинного смысла землевладения, который не может заключаться ни в чем ином,

как в создании трудовой и нравственной связи человека с землей, с природным и животным миром. В этом смысле всякое трудовое, и в особенности крестьянское хозяйство есть такая же первооснова жизни, как любовь и семья. Практически из этого следует, что, если бы крестьяне-колхозники пожелали в будущем вернуться к формам единоличного хозяйства, то государство должно будет найти те или иные возможности для надзора их земель и финансирования этого возврата. Мне лично Россия, обрабатывающая землю исключительно в колхозно-коллективном порядке, никак не видится, и я уверен, что тяга к своей земле проснется с очень большой силой.

Из этого, однако, не следует, что колхозы должны будут окончательно исчезнуть, что их нужно будет принудительно ликвидировать. В религиозном плане в их защиту может быть выдвинуто соображение, что личностью, хотя бы только и в переносном смысле, может быть и коллектив, живущий ладно, единомысленной жизнью. В миру превращения советских колхозов в дружные трудовые артели, закрепление земли за ними можно только приветствовать. Принудительное насаждение сталинских отрубков было бы в России, с ее традицией «мирского» хозяйства, таким же произволом, как и принудительное удержание крестьян в колхозах. В пользу свободных колхозов говорит еще то, что техническое оборудование их гораздо легче и дешевле чем оборудование единоличных хозяйств. Весьма важно, наконец, и соображение, что в колхозах гораздо легче организовать ту общественно-коллективную жизнь, которая сейчас всюду становится нормальной для молодого поколения: клубы, читальни, спортивные площадки и кинематографы. Весьма вероятно, что прошедшая советскую школу холостая молодежь будет в свободных колхозах работать гораздо охотнее, чем в родительских индивидуальных хозяйствах. Но вероятно также и то, что семейные крестьяне, у которых уже подрастают дети, будут охотно выходить в частники. Нашу ненависть к идеократически закупоренным крепостническим колхозам советской России несправедливо и вредно переносить на все формы артельно-кооперативного общаго дела. Весь мир напряженно ищет сейчас перехода от индивидуалистических форм жизни и хозяйствования к формам нового

коллективизма. Искания эти экономически необходимы и духовно праведны.

Что касается промышленности, которой предстоит еще очень большой расцвет, то ясно, что ее придется строить на тех же сложных основаниях не бессмысленной отмены всего, что сделано большевиками, а на утверждении и преобразении уже начатого ими. Все ключевые производства должны будут остаться в руках государства. В частно-владельческом производственном секторе, работа которого должна будет вестись под общим руководством контрольных инстанций государства, важно будет не допустить эксплуатации рабочих новыми предпринимателями. Плановость будет играть очень значительную роль. Самую трудную, но и самую важную задачей будет устройство в новой жизни психологии идеологически развращенного рабочего-пролетария. Одним продолжением уже начатого большевиками улучшения его внешней жизни — квартирами, клубами, больницами, домами отдыха — этой проблемы не разрешить. Выпавший на долю, как социологически, так и экономически мало состоятельной марксистской доктрины громадный политический успех явно объясняется тем, что у нея был свой пафос и своя трудовая этика, по-своему осмысливавшие и срывая рабочие будни и праздничные, пролетарские баррикады. Мифология марксизма в глазах будущей России окажется скомпрометированной и отмененной. Уже и сейчас Россия живет не марксистским, а совершенно иным пафосом. Если из формулы этого нового пафоса — «мы владеем шестой частью всего земного шара и отстраиваем родину пролетариата на страх буржуазным врагам» — выбросить оба дореволюционных момента — марксистское противопоставление буржуазии пролетариату и империалистическое «царствуй на страх врагам», то получится прекрасная, слегка измененная формула будущего строительства: «Россия владеет шестой частью всего мира, какой восторг отстраивать и защищать свою родину во славу мира и процветания человечества». Окончательно замкнуть все еще не ликвидированную марксистскую мечту мирового пожара во славу пролетарского интернационала патристическим пафосом всенародно преобразующего труда, вот та, требующая фантазии и педагогического дара зада-

ча, над которою придется много поработать будущей власти. И тут простого продолженія начатаго большевиками дѣла окажется недостаточно.

Разрабатывать природныя богатства Россіи, строить заводы и фабрики, выпускать по тысячѣ автомобилей и тракторов в секунду — очень хорошо, но дѣлать все это для того, чтобы на путях навязшей в зубах всемірной пролетарской революціи привести всѣ явленія міра и всѣ людскія сознанія к общему знаменателю марксистской идеологіи и пролетарскаго счастья без Бога, но с радио и граммофоном — ужасно скучно. Всѣ мало-мальски духовные люди, побывавшіе за послѣднее время в Россіи, единогласно свидѣтельствуют о том, что большевистская власть не только по злой волѣ, но и невольно накладывает на всѣ проблески и побѣги как будто нарождающейся новой жизни тяжелую печать убогаго унынія, что весь ужас большевистской Россіи в том, что в ней мертвы чувства красоты и поэзіи. Мнѣ кажется, что верховною, воспитательною, но не агитационною задачей будущей власти будет пробужденіе этих чувств. Новый русскій трудовой націонализм, который, Бог даст, смѣнит пролетарскій патриотизм, будет держаться на чувствах живой влюбленности в Россію, на безконечно радостном ощущеніи этой единственной по своим размѣрам и богатствам, по своей красотѣ и обаятельности, по своей безспорной талантливости и неиспользованности своих возможностей странѣ. Счастье быть русским, быть сыном и создателем цѣлаго міра, у котораго все есть, которому не нужно громоздить великих, но и проклятых исторических событій, чтобы добиваться своего мѣста под солнцем, которому можно мирно и вольно цвѣсти под ним всѣм своим благодатным бытіем — вот то чувство, на котором только и можно праведно строить новую національную жизнь.

В эмиграціи в послѣднее время все сильнѣе звучит тема русскаго націонализма и русской національной революціи. На растаніе этой темы вполне понятно, как в связи с поворотом большевистской идеологіи к (во многом оскорбительной) идеѣ

пролетарской родины, так и с обостреніем націонализма во всем мірѣ. В том, что силою, которая смѣнит, а, может быть, и сломит большевистскую диктатуру, будет сила горячаго національнаго подъема, сомнѣваться не приходится. Подъем этот можно однако безоговорочно привѣтствовать лишь при условіи его безусловной русскости и его связанности с духом и плотью Россіи. Самая значительная черта русскаго духа его всемірность и всемірность, широта и глубина его дыханія. Самая значительная черта русской государственной плоти — многоплеменность и многоязычность Россіи, представляющей собою не націю, а цѣлую семью націй. Сворачивать в тупик великорусски-славянофильскаго обрусительнаго шовинизма эпохи Александра III, мало чувствительной как к Петровскому окну в Европу, блистательному Петербургу, так и к экзотическому образу сказочной персидской княжны, значит проявлять величайшую нечувствительность к облику и генію Россіи. Из этого никак, конечно, не слѣдует, чтобы геній русскаго патриотизма был обязан предоставлять всѣм населяющим Россію народам не только право на самоопредѣленіе, но и право на отдѣленіе. Вести русское государство может, конечно, лишь русское, точнѣе великорусское племя. В этом водительствѣ должна твердо звучать тема имперской великодержавности. О том, в каких государственно-правовых формах должны быть в будущей Россіи связаны великодержавность и федерализм, говорить в данной статьѣ невозможно. Мнѣ важно указать лишь на ту двупланность русской національной идеи, которая одна только гарантирует ея русскость. Пользуясь терминологіей Г. П. Федотова, можно сказать, что у каждаго русскаго человѣка чувство любви к своей великорусской, или украинской, крымской или сибирской родинѣ должно быть нераздѣльно связано с чувством общерусскаго, имперскаго отечества.

Заканчивая свои раздумья о будущем обликѣ Россіи и чистосердечно спрашивая себя, осмысленно ли призывать всѣ живыя силы эмиграціи к его осуществленію — я не могу скрыть от себя и не хочу скрывать от читателей главнаго недостатка

моей статьи: в ней нѣтъ никаких указаній на тѣ пути, которые могли бы привести к осуществленію моих предчувствій и устремленій. Если я, тѣм не менѣе, написал все то, что написалось, то лишь по глубокой увѣренности, что для всѣх политических дѣятелей эмиграціи — вождей и рядовых работников — прежде всего важно духовное ощущеніе той Россіи, за которую только и стоит бороться и которая в С.С.С.Р. уже сейчас так же существует, как облик милаго лица на непроявленной пластинкѣ. Преслѣдующее меня, как я признавался вначалѣ, жестокое отталкиваніе от обѣих Европ сыграло роль проявителя. Подлинное лицо рождающейся в совѣтской Россіи Россіи живо стоит перед глазами. Вѣра в возможность его историческаго воплощенія непоколебима. Жива потому и надежда, что, если не отводить глаз и неустанно крѣпить волю, то найдутся и конкретные пути борьбы и побѣды.

Федор Степун.

Аура коммунизма

Отвратительна атмосфера, образовавшаяся вокруг русскаго коммунизма, и мучительно невѣрны всѣ сужденія о нем, самыя противоположныя сужденія. Всѣ реакціи на коммунизм происходят как бы в искусственной средѣ, при отсутствіи свободнаго дыханія. Реакціи большей части русской эмиграціи ошибочны и извращены. Но по другому ошибочны и извращены реакціи *intellectuels* Западной Европы. Ужасна атмосфера, созданная коммунизмом, потому, что в ней ничто не рассматривается по существу, и что в ней почти невозможно рассмотреть истину. Иностранец, пріѣхавшій рассматривать совѣтскую Россію, при всем желаніи истины рассмотреть не может. Правда, иностранцы проявляют иногда большое легкомысліе в своих сужденіях о Россіи. Но самыя противоположныя сужденія путешествовавших по странѣ совѣтов одинаково могут быть вѣр-

ными и невѣрными, как и сужденія русских, пріѣхавших оттуда. Если цѣлостная истина вообще с трудом доступна людям, то она совѣм недоступна по отношенію к опыту осуществленія коммунизма в Россіи. Атмосфера вокруг русскаго коммунизма насыщена пропагандой, которая ведется с необычайным искусством. Слишком много в реализаціи коммунизма показательнаго и примѣрнаго. Иностранцам удалось даже внушить ту мысль, что в Россіи в прошлом никакой культуры не было, что это была дикая страна и что впервые культура насаждается коммунистической властью. В это повѣрили люди, восторгавшіеся русской литературой и русской музыкой. Французских писателей лѣваго направленія удалось даже убѣдить, что в совѣтской Россіи, в противоположность странам фашистским, существует свобода слова и мысли. Во французской печати пишут статьи, в которых утверждают, что Стасова, чекистка, — святая, Радек — великій и очаровательный чело-вѣкъ и т. п. Нравственный ореол старых русских революціонеров перенесли на большевиков, в то время как они нравственно стояли ниже не только прежних поколѣній революціонеров, но и социалистов-революціонеров и меньшевиков, так как считали всѣ средства дозволенными для достиженія своих цѣлей, послѣдніе же все-таки стѣснялись в средствах. К русским коммунистам, чуждым всякой сантиментальности, существует сантиментальное отношеніе издалека. Таким слюнявым сентиментализмом отличается, напримѣр, Гюенно, когда он пишет о русском коммунизмѣ. Отношеніе западных людей к русскому коммунизму и к совѣтской Россіи до такой степени лишено свободы, что нѣкоторые люди, симпатизирующіе русскому коммунизму, хотя и не коммунисты, готовы повторять за сталинистами, что Троцкій измѣнник революціоннаго коммунизма, контр-революціонер и чуть ли не защитник капитализма, хотя, в дѣйствительности, он единственный, оставшійся вѣрным идеѣ интернаціональнаго коммунизма. Атмосфера, образовавшаяся вокруг коммунизма, отвратительна тѣм, что она требует рабскаго поклоненія Сталину и совѣтскому правительству, поклоненія господствующей силѣ и власти, и дѣлается совершенно невозможным обсужденіе идейной сто-

роны коммунизма. Все в сущности опредѣляется тактикой и всѣм интересуются лишь в отношеніи к тактикѣ. Этот примат тактики был уже у Ленина. И наче и быть не может, если основной проблемой стало завоеваніе и охраненіе власти. Власть порождает утилитарное отношеніе ко всему. *)

Тяжелая, давящая атмосфера вокруг коммунизма, вокруг проблем коммунизма и социализма, имѣющих мировое значеніе, связана с тѣм, что группа людей, людей идейных, пожелавших осуществить коммунистическое общество, в котором видѣли справедливость и правду, захватила в свои руки власть над самым большим в мірѣ государством. Поэтому коммунизм не есть только революція, мировая революція, коммунизм есть также государство, желающее быть сильным, есть также власть, желающая, во что бы то ни стало, охранять себя. За коммунистами, мечтавшими о совершенном социальном строѣ, скрыты всѣ богатства огромного государства, армія, пушки, хорошо, слишком хорошо организованная политическая полиція и пр., и пр. И коммунисты других стран чувствуют за собой финансовую, военную, полицейскую силу огромного государства. Для Ленина проблема социальной революціи была прежде всего проблемой завоеванія и организации власти. Сила государства должна стать орудіем социальной революціи. В этом предшественником Ленина был Ткачев. Для этого нужно было себѣ усвоить не только традиціи революціонной интеллигенціи, но и традиціи русской исторической власти, начиная с великих Князей Московских, с Іоанна Грознаго и до Петра Великаго и власти императорской. Ленин преуспѣл, но этим своим успѣхом он вверг коммунизм и задачу социального переустройства міра в атмосферу политиканской лжи, утилитарнаго расчета, организованнаго в мировом масштабѣ шпіонажа, борьбы за власть, не останавливающейся ни перед какими жестокостями. И это атмосфера не только русская, это атмосфера мировая. Западные коммунисты и даже просто сочувствующіе коммунизму и даже сочувствующіе не коммунизму, а совѣтской Россіи уже не мо-

*) Я вполне сочувствую военному союзу Франціи с совѣтской Россіей, но совершенно иначе отношусь к сближеніям на почвѣ культурной.

гут критиковать Сталина, потому что Сталин — власть, не могут выражать сочувствія какой-либо оппозиціи, правой или лѣвой, не могут признать, напримѣр, что Троцкій остался вѣрен традиціям революціоннаго марксизма. Всѣ стали ультра-этатистами, всѣ поклоняются государственному могуществу. Свобода суждений в этой атмосферѣ совершенно утеряна. Даже живущіе на свободѣ западные люди чего-то боятся. Западные *intellectuels*, совсѣм не политики и часто очень наивные в социальных вопросах, лишены всякой самостоятельности в оцѣнках и сужденіях; все, что они говорят, покорно не столько коммунистической идеѣ, сколько коммунистической власти, их мнѣнія официальные, правительственные. Им импонирует не правда, а сила и власть. Любя свободу, они не в силах сказать слова против отсутствія свободы в совѣтской Россіи, они совсѣм потеряли способность обсуждать вопрос о свободѣ по существу. Они говорят так, как говорят люди, ведущіе международную политику и подчиненные ея условной лжи.

Совѣтская коммунистическая Россія в утрированной формѣ раздѣляет нѣкоторыя свойства мировой пореволюціонной эпохи. На ней лежит неизгладимая печать войны. Атмосфера послевоенной эпохи тяжелая и несвободная. Мір имѣет ауру, которую, вѣроятно, имѣют люди послѣ совершенія преступленія, это аура войны и убійства. Эта красно-коричневая аура есть и вокруг русскаго коммунизма, который насыщен испареніями войны. Дѣленіе міра на два лагеря есть чисто военное дѣленіе. В военном лагерѣ не может быть свободы мысли и слова, не может быть никакой мысли, которая не имѣла бы утилитарно-военнаго характера. Таков фашизм, который ненавидит свободу и ненавидит мысль. Но таков же и коммунизм, в нем тѣ же эманации. Правда, это объявляется временным, объясняется необходимостью самозащиты. Но этатизм и милитаризм обладают такими свойствами, что, если вы вступили на их путь, то остановиться и измѣнить направленіе невозможно, вы находитесь во власти этих inferнальных сил. Эманации абсолютнаго государства, всегда готоваго к войнѣ, отравляют всю жизнь. Наивное рабство мысли и совѣсти, предшествующее пробужденію и обостренію сознанія, есть зло исправимое и побѣди-

мое, но рабство мысли и совѣсти, получившее высшую санкцію сознания, есть зло, которое трудно исправить и побѣдить. Сознательная любовь к рабству мысли и совѣсти есть то состояніе, к которому мір, повидимому, идет.

В Россіи происходят сейчас большія измѣненія. Эти измѣненія столь быстры, что все написанное дѣлается устарѣвшим на протяжении нѣскольких мѣсяцев. Есть очень положительное в происходящих процессах, есть и совсѣм отрицательное. Иногда кажется, что происходит незамѣтная контр-революція, которая впрочем совсѣм не есть возвращеніе к старому режиму. Наибольше цѣнным мнѣ представляется постановка проблемы челоуѣка, который был совсѣм задавлен. Вѣроятно, есть экономическіе успѣхи, есть рост народнаго патриотизма, котораго в прошлом у нас не было, вѣроятно, состояніе красной арміи гораздо лучше, чѣм состояніе арміи царской, навѣрное, происходит элементарное просвѣщеніе и цивилизованіе народных масс, которыя находились во тьмѣ, и очень повысилась активность русскаго народа. Проект новой конституціи имѣет большое симптоматическое значеніе.

Положительные социальныя результаты революціи не подлежат сомнѣнію, их могут отрицать лишь эмигранты, находящіеся в состояніи слѣпоты и глухоты, движимые патологическими аффектами ненависти. Но вот что печально, до ужаса печально. Атмосфера вокруг коммунизма, вокруг коммунистической власти остается прежней, аура имѣет плохую окраску. Измѣненія носят не столько идейный, сколько оппортунистическаго характер. Многое связано с боязнью войны, с международной политикой, с волей к сохраненію власти, хотя бы цѣной отказа от коммунизма. Коммунистическая идея постепенно ликвидируется. Если теперь будут сажать в концентраціонный лагерь и разстрѣливать людей «лѣваго» уклона, то это не мѣняет атмосферы, свободы не больше, шпионаж не ослаблен, мысль и совѣсть по прежнему насилуются. Иногда кажется, что через нѣкоторое время совсѣм измѣнится отношеніе к религіозному вопросу, но это не будет религіозная свобода, это будет приказ сверху посѣщать по воскресеньям церкви под угрозой тюрьмы и концентраціоннаго лагеря. Приказы «праваго»

уклона сейчас адресуются из Моквы коммунистам Запада. И коммунисты сдѣлаются милитаристами, имперіалистами и чѣм хотите. В такой атмосферѣ проблема социальнаго переустройства челоуѣческих обществ не может обсуждаться принципиально. Руководствуются не идейными соображеніями, а соображеніями утилитарными, которыя диктуются чудовищным, самодовлѣющим этатизмом, этой страшной болѣзнью нашей эпохи.

Нам могут сказать: только коммунисты попытались осуществить, реализовать свой идеал и потому встали на путь сильной власти, потому стали государственниками, социалисты же гуманитарнаго и свободолоубиваго типа оказались совершенно неспособными что-либо осуществить, не могли реализовать социалистической власти, перевести свои теоріи в практику. Это, безспорно, вѣрно. Но весь вопрос в том, что осуществляется: осуществляется ли то, что хотѣли осуществить, или совсѣм другое? Не произошло ли с коммунизмом что-то аналогичное тому, что когда-то произошло с христіанством, хотя удѣльный вѣс этих явленій различен? Христіанство овладѣло имперіей, имперія склонилась перед крестом, власть стала христіанской. Но в дѣйствительности имперія подчинила себѣ христіанскую церковь. Традиція имперіи страшной тяжестью легла на исторію христіанской церкви и исказила христіанство. Русскій коммунизм овладѣл необъятым русским государством, власть стала коммунистической. Но в дѣйствительности русское государство со своими старыми традиціями власти страшной тяжестью легло на коммунистическую власть, подчинило ее своим методам управленія, внушило коммунистам свою волю к могуществу. Коммунисты осуществили свою власть, но не осуществили коммунизма. Получился трансформированный старый русскій этатизм с элементами коммунизма и элементами фашизма. Третій Интернаціонал оказался трансформацией старой русской мессіанской идеи. Маркс был соединен с Іоанном Грозным. Народ, энергія котораго была освобождена революціей, все же по прежнему остается жертвой чудовищной гипертрофіи государства. Челоуѣчскій матеріал этатизма измѣнился, это не дворянство и не купечество, а рабоче-крестьянскія массы, но осуществляется этатизм, который из переходнаго состоянія дѣла-

ется состоянием постоянным и как бы нормальным. Этим в значительной степени определяется тяжесть атмосферы коммунизма, в его ауре есть эманации Иоанна Грозного и властителей империи. Но самое абсолютное государство не абсолютно, самая тираническая власть не всемогуща. В России происходят положительные народные процессы, русский народ освобожден революцией для несоизмеримо большей активности, чем в старой императорской России, и власть принуждена это учитывать и с этим сообразоваться. Психологический климат русского коммунизма ставит прежде всего вопрос духовный и моральный, а не политический и социальный.

Николай Бердяев.

Русская земля

Не поймет и не оценит
Гордый взор иноплемennyй,
Что сквозит и тайно свѣтит
В наготѣ твоей смиренной...

Тютчев.

В нашем интеллигентском сознании прочно укоренилось представление о природе России под влиянием поэзии, философии и т. д. Наше интеллигентское представление основывается скорее на эстетическом созерцании красот природы, чем на практическом знакомстве с особенностями нашей страны или на деятельном участии в повседневной борьбе народа за его существование. Отсюда высокая оценка природы России, которую мы находим, как в своей душе, так и в высказываниях наших соотечественников. Но, если обратиться к самому русскому народу и выслушать его мнение по данному вопросу, то оценка природы России будет отнюдь не положительной. Напротив, в народной душе мы уловим глубокое недовольство своей родной страной. В народном представлении страна эта является удѣлом каторжного, плохо вознаграждаемого труда, страной

голода, холода, людской неправды, государственного и общественного неурядка. Русский народ считает, что судьба обошла его, надѣлив огромной, но суровой и холодной страной. Как контраст народному сознанию мерещатся какие-то другие благодатные края. В душе народа живет смутное воспоминание о какой-то другой первоначальной и счастливой родине, быть может о той родине, из которой он вышел. За горами, за долами, за широкими морями, текут медовые рѣки в кисельных берегах, жизнь легка и приятна и нет там ни плача, ни вздыхания...

История жизни русского народа показывает, что русский человек на протяжении веков ищет другого простора и других земель.

На своем длинном историческом пути русский человек, недовольный своей родиной (и причиною тому не только неурядки и человеческая неправда) стремится во все стороны и ищет свободных, новых земель, удовлетворяющих его естественным привычкам и идеалам. Для русского человека, когда он вступил на обширную русскую равнину, почти все пути были открыты; и на юг, и на север, и на восток, и только одна дорога была наглухо закрыта для него — это дорога на запад. Что же он встретил на пути заселения великой русской равнины? Во всех свободных направлениях он наталкивался на рост тех неблагоприятных природных тенденций, которые намѣтились уже на первоначально обжитых местах: на север — усиление холода, на восток — увеличение сухости и холода, на юго-восток — знойная, сухая лѣта и холодные, мертвящая зима. Чем дальше отрывался русский человек от своего европейского корня, тем во все больше чуждую природную обстановку он попадал. Такова первая своеобразная трагедия русского человека, определяемая непреодолимыми и неустраняемыми основными географическими факторами.

Но прежде, чем согласиться с народом в его оценке природы своей страны, рассмотрим ее географические особенности более подробно.

Пора нам русским понять, что нет и не может быть у нас никакой другой родины, что Россия, плоха ли она или хороша,

наша обетованная земля, что у нас нѣтъ никакой другой надежды. Тысячью органических связей, тѣлесных и душевных, мы прикрѣплены к ней, в ней наше будущее, наше упованіе... В момент величайшей трагедіи, переживаемой нашей родиной, трагедіи, в которой слышатся какіе-то основные и стихійные отзвуки, мы не можем ограничиваться только эстетическим воспріятіем Россіи. Мы должны со всею глубиной научнаго анализа все вновь и вновь передумывать с самаго начала вѣчныя данности Россіи, чтобы хоть отчасти разгадать ея будущую судьбу.

Особенности климата Россіи. Вмѣстѣ с Менделѣевым, мы можем опредѣлить Россію, как страну, лежащую на берегах Ледовитаго океана. Климатическія особенности Россіи опредѣляются в первую очередь таковым ея положеніем. От сѣверной границы — берегов Ледовитаго океана — заходящей почти повсемѣстно далеко за предѣлы полярнаго круга, Россія простирается на юг до пояса гор и нигдѣ не выходит к открытым берегам Индѣйскаго океана. Вездѣ на югѣ она отдѣлена от теплых стран высочайшими горными хребтами, а от теплых южных морей кромѣ того непреодолимыми пустынными пространствами. По своему положенію Россія совершенно открыта холодам сѣвера и наглухо отрѣзана от теплаго юга. На огромном протяженіи с запада на восток, от Балтійскаго моря до берегов морей Тихаго океана Россія представляет своеобразную климатически замкнутую страну, гдѣ природныя условія не остаются неизмѣнными, как с продвиженіем с запада на восток, так и в направленіи с юга на сѣвер. В обоих этих направленіях онѣ становятся все болѣе суровыми. Сравненіе Россіи с Сѣверо-Американскими Соединенными Штатами в корнѣ невѣрно. Одного бѣглаго взгляда на географическое положеніе обѣих стран достаточно, чтобы убѣдиться в этом. Владѣнія заатлантической республики на сѣверѣ кончаются на той широтѣ, с которой начинаются владѣнія Россіи на югѣ.

Одаренность страны естественной теплотой и опредѣленное распределеніе ея является основным фактором, от котораго зависит богатство и разнообразіе форм жизни. Солнечная

теплота и свѣтъ являются основными условіями возможности существованія растений и связанных с ними животных. От всѣх этих факторов зависит, наконец, существованіе человѣка, его хозяйство, культура и исторія. Природа не представляет собою безпорядочнаго и случайнаго нагроможденія различных предметов, а представляется нам, в свѣтѣ современных знаній, в видѣ упорядоченнаго единства, гдѣ каждый предмет занимает свое законмѣрное мѣсто, а каждое явленіе включено в великую цѣпь взаимообусловленностей.

По отношенію к основному климатическому фактору Россія представляет своеобразную страну, не похожую ни на какую другую; в ней уживаются крайніе климатическіе контрасты, а переходы между ними образуют богатую гамму различных климатических оттѣнков. Чтобы понять это своеобразіе и оцѣнить вліяніе климатических условій на жизнь страны, необходимо нѣсколько подробнѣе остановиться на них.

Классическіе учебники метеорологіи начинаются обычно с выясненія основных и так сказать первозданных климатических законмѣрностей, которыя нигдѣ на земном шарѣ в чистом видѣ не осуществляются, а проявляются только в видѣ тенденцій. От них наука переходит к общим и мѣстным нарушеніям. Первозданная законмѣрность распределенія теплоты на земном шарѣ очень проста и вытекает из положенія земли по отношенію к солнцу. Это законмѣрное убываніе теплоты от экватора к обоим полюсам, опредѣляющее климатическія зоны земнаго шара. Распределеніе теплоты в юго-сѣверном направленіи в Россіи только отчасти слѣдует первозданной законмѣрности. Яснѣ всего ее можно видѣть в лѣтніе мѣсяцы и особенно в самом жарком мѣсяцѣ года — іюль. На климатологических картах распределеніе теплоты изображается при помощи линій, называемых изотермами, т.-е. линій, соединяющих точки на земной поверхности, показывающія одинаковыя среднія температуры для одного и того же времени. Мы ограничимся разсмотрѣніем только двух изотерм іюля $+20^{\circ}$ и $+10^{\circ}$ по Цельсію. Первая пролегает в Россіи приблизительно по границѣ между лѣсной и степной полосой, вторая — между лѣсом и тундрой. Обѣ изотермы показывают, что убываніе тепло-

ты от юга к сѣверу в лѣтніе мѣсяцы идет почти правильно по параллельным кругам географической сѣтки. Но нельзя уже здѣсь не отмѣтить очень характернаго отклоненія всѣх изотерм іюля к сѣверу, если разсматривать их пролеганіе с запада на восток. Иначе говоря, чѣм восточнѣе расположена та или другая мѣстность в Россіи, тѣм болѣе высокой средней лѣтней температурой она обладает. Благодаря этому средняя лѣтняя температура в Москвѣ выше, чѣм в Парижѣ или в Лондонѣ, а температура іюля в Якутскѣ очень мало отличается от температуры Лиссабона. Уклоненіе лѣтних изотерм к сѣверу при продвиженіи с запада на восток, вызывается, как извѣстно, повышающейся континентальностью климата в западно-восточном направленіи с удаленіем от Атлантическаго океана к центру материка.

Распредѣленіе теплоты в лѣтніе мѣсяцы представляет однообразную закономерность почти на всем огромном пространствѣ евразійскаго міра, т. е. во всей западной Европѣ, Россіи и Сибири. При этом весь евразійскій материк представляет в лѣтніе мѣсяцы нѣкое климато-температурное единство, а отсюда и біологическое однообразіе, наглядно выражающееся в одинаковости растительных и животных форм, как культурных, так и диких. Это біологическое однообразіе дало основаніе к выдѣленію Европы и Сибири в одну зоо- и фитогеографическую область, носящую научное названіе Евразіи.

Совершенно по другому происходит распредѣленіе теплоты в Евразіи в зимніе мѣсяцы, когда наблюдается кардинальнейшее нарушеніе первозданной закономерности убыванія теплоты от юга к сѣверу. Здѣсь ясно выступает другая закономерность: убываніе теплоты от запада к востоку. Всѣ изотермы января мѣсяца являются очень характерными в этом отношеніи. Мы разсмотрим нѣсколько январских изотерм, причем выберем из них такія, которыя как бы намѣчают границы отдѣльных областей Евразіи. Особенно характерными изотермами января являются: $+4^{\circ}$, 0° , -4° , -16° и т. д. Изотерма $+4^{\circ}$ лежит у берегов Европы далеко на сѣверѣ Атлантическаго океана, затѣм она круто опускается к югу, разсѣкает острова Великобританіи на двѣ части, на Ир-

ландію и на Англію собственно. Далѣе на материкѣ она пролегает приблизительно по границѣ между Франціей и Испаніей. На югѣ Европы она отграничивает далеко вдающіеся в Средиземное море полуострова Апеннинскій и Балканскій и является, таким образом, границей между средиземноморскою областью и Европой собственно. В Россіи эта изотерма захватывает лишь южный берег Крыма и часть Закавказья, Ріон и Ленкорань. Исключая Ирландію, обладающую очень прохладным лѣтом (около $+15^{\circ}$) изотермой $+4^{\circ}$ отграничивается субтропическая область Европы, характеризующаяся вѣчно-зеленой растительностью. В историческом аспектѣ эта изотерма является рубежом между античным греко-римским міром и міром средне-вѣковым и современным европейскіх народностей.

Вторая климатическая область лежит между изотермами $+4^{\circ}$ и 0° . Нулевая изотерма начинается еще дальше на сѣверѣ, около полярнаго круга; рѣзко загибаясь по меридіану к югу, она разрѣзает материк Европы по границѣ между Франціей и Германіей почти вертикально на двѣ части. Эта область характеризуется отсутствіем зимы в нашем русском смыслѣ слова. Земля круглый год, как правило, свободна от снѣга, текучія воды обычно не замерзают и т. п. Это мір Франціи и Англіи и близких к ним стран.

Третья область переходная; она характеризуется непостоянной зимой и отграничена на востокѣ изотермой января в -4° . Она обнимает мір германских и западно-славянских народностей. На востокѣ от этой изотермы лежит другой мір, качественно отличный от всѣх вышеописанных.

Средняя изотерма января -4° имѣет для нас особенное и принципиальное значеніе. В странах, характеризующихся средней температурой самого холоднаго мѣсяца года в -4° и ниже, термометр почти никогда или очень рѣдко, несмотря на ежедневныя колебанія температуры, поднимается выше нуля. Поэтому в этих странах устанавливается в опредѣленный сезон года на болѣе или менѣе длительное время зимній режим с замерзаніем вод, со снѣжным покровом и т. д. Изотерма -4° , если проследить ея пролеганіе, является климатическою границею Россіи, она отграничивает Россію от всего остальнаго мі-

ра на западъ, на югъ, за немногими исключеніями, и на востокъ. У береговъ Европы изотерма января -4° начинается далеко на сѣверѣ, за полярнымъ кругомъ. На долготѣ примѣрно западнаго берега Скандинавіи она рѣзко опускается внизъ почти параллельно меридіану и доходитъ почти до сѣверо-западнаго угла Чернаго моря. Отсюда она дѣлаетъ рѣзкій поворотъ на востокъ, и проходитъ не вдалекѣ отъ Чернаго моря. Средняя температура зимнихъ мѣсяцевъ на долготѣ западной границы Россіи остается, такимъ образомъ, неизмѣнной внаправленіи с юга на сѣверъ почти отъ Одессы до самаго полярнаго круга. Россія отгорожена отъ Западной Европы невидимой, но хорошо ощутимой климатической стѣной. На западъ отъ этой стѣны теплыя, безснѣжныя зимы, на востокъ — холода и морозы. Разница в климатахъ между западною Европою и Россіей не только количественная, но и качественная. Наглядно эта разница выражается в томъ, что в Россіи ясно представлены всѣ четыре сезона года: осень, зима, весна и лѣто. Тогда какъ вся западная Европа за малыми исключеніями (горныя области, Скандинавія) представлена только 3-мя сезонами: осенью, весной и лѣтомъ. Зима в буквальномъ смыслѣ слова для всей западной Европы выпадаетъ. В западной Европѣ кругъ сезонныхъ явленій с нашей русской точки зрѣнія какъ бы не замкнутъ.

Причина вышеописаннаго распредѣленія температуръ в зимніе мѣсяцы, нарушающая первозданную закономерность, лежитъ, какъ извѣстно, в тепломъ морскомъ теченіи Гольфштрѣмъ, который изъ экваторіальныхъ областей Атлантическаго океана несетъ къ берегамъ Европы мощный потокъ нагрѣтой тропическимъ солнцемъ воды. Вліяніе этого теплаго теченія медленно убываетъ с запада на востокъ и обуславливаетъ вышеописанное распредѣленіе температуръ. Вліяніе Гольфштрѣма простирается на всю европейскую Россію до Уральскихъ горъ, и гдѣ оно кончается, зимняя средняя температура опять рѣзко падаетъ внизъ.

Дальше на востокъ убываніе тепла идетъ прогрессивно и достигаетъ своего максимума в Верхоянской котловинѣ. Пролеганіе январскихъ изотермъ в Сибири опредѣляется однимъ в высшей степени своеобразнымъ явленіемъ, а именно тѣмъ, что самая

холодная точка сѣвернаго полушарія не совпадаетъ, какъ бы то полагалось по первозданной закономерности, с сѣвернымъ полюсомъ, а сдвинута къ югу отъ него и помѣщается в Верхоянской котловинѣ. Отъ этого пункта температура января повышается во всѣ стороны, на югъ, на сѣверъ, на западъ и на востокъ, а изотермы описываютъ своеобразныя концентрическіе круги вокругъ полюса холода. Эта мѣстность характеризуется самой низкой средней температурой января -48° . Здѣсь же наблюдались и самыя низкія температуры вообще на всемъ земномъ шарѣ -70° . Такимъ образомъ на далекой окраинѣ нашей родины, в Верхоянской низменности, в дѣйствительности помѣщается міровая полюсъ стужи, настоящее заколдованное царство зимы.

На востокъ отъ полюса холода температура довольно быстро повышается до самыхъ береговъ морей Берингова, Охотскаго и Японскаго, гдѣ наступаетъ опять рѣзкая перемѣна в распредѣленіи температуръ и в пролеганіи изотермъ. Здѣсь изотермы января слѣдуютъ опять не по направленію земной стѣнки, а рѣзко поднимаются кверху почти по меридіанамъ. Здѣсь возстанавливается какъ бы новая климатическая стѣна, напоминающая таковую на западѣ. Это послѣднее нарушеніе вызывается теплымъ морскимъ теченіемъ в Тихомъ океанѣ.

Такимъ образомъ Сибирь представляетъ собою вторую климатически обособленную и замкнутую область в предѣлахъ Россіи. Хотя разница между Сибирью и Европейскою Россіей казалась бы только количественной, она принимаетъ на самомъ дѣлѣ и чисто качественннй оттѣнокъ. А именно, вся Европейская Россія, за исключеніемъ далекаго сѣвера, лежитъ в области с положительной средней годовой температурой. Сибирь же почти вся характеризуется отрицательной годовой температурой. Во всей Сибири в годовомъ балансѣ тепла наблюдается постоянный дефицитъ. Холодъ превалируетъ надъ тепломъ, и это превалированіе особенно сильно в Восточной Сибири. В связи с этимъ стоитъ второе качественное отличіе Сибири отъ Европейской Россіи: это вѣчная мерзлота почвы. В Европейской Россіи это явленіе встрѣчается только в крайнемъ сѣверо-восточномъ углу, но в Сибири линія вѣчной мерзлоты охватываетъ огромную площадь.

Вся Восточная Сибирь, начиная от Енисея, лежит на вѣчном, никогда не тающем ледникѣ, вся эта страна представляет собою, таким образом, огромнѣйшій погреб с никогда не тающим льдом. Но, несмотря на это, на крышѣ этого погреба, на поверхности земли, развивается своеобразная жизнь: шумит дѣвственная сибирская тайга, изобилующая многочисленным и разнообразным животным населеніем; на пустых степных пространствах, превращающихся лѣтом в прекрасныя пастбища, пасутся стада домашних животных, под Якутском возможно своеобразное полеводство и огородничество.

Факты, описанные выше, позволяют в предѣлах так называемой Евразіи (не в евразійском смыслѣ слова) выдѣлить три большія климатическія области, которыя отличаются между собой не только количественными показателями, но и весьма существенными качественными признаками. Первая область, западная Европа, характеризуется средней годовой температурой выше нуля, средней январьской выше нуля или около нуля, отсутствіем зимняго сезона года, отсутствіем вѣчной мерзлоты почвы. Вторая область, европейская Россія, имѣет среднюю годовую температуру выше нуля, среднюю январьскую — ниже нуля, ясно выраженный зимній сезон; вѣчная мерзлота почвы — отсутствует. Третья область, Сибирь, характеризуется цѣлым рядом отрицательных показателей, в ней средняя январьская и средняя годовая температура ниже нуля, зимній сезон превалирует над лѣтним, вѣчная мерзлота почвы захватывает огромную площадь.

Послѣ этой краткой характеристики мы можем с полным правом назвать нашу родину страной зимних холодов. Она отдѣлена от теплых стран юга высокими горными хребтами, а от болѣе умѣренных стран запада и дальняго востока непроницаемыми климатическими стѣнами. Она является страной открытой для сѣверных холодов, в то-же время замкнутой в холодѣ, с мировым полюсом холода внутри себя. Россія равнинная страна в смыслѣ ея геологическаго рельефа и в этом отношеніи Западная Европа имѣет всѣ преимущества перед ней. Но Россія одна из самых горных стран., выражаясь фигурально, в смыслѣ ея климатическаго рельефа. Быстрая смѣна климати-

ческих контрастов обуславливает живописную послѣдовательность ея сезонных ландшафтов, сезонных метаморфоз природы. Двѣ основныя закономерности, наложенные крестом на тѣло Россіи, каждый год ритмически смѣняют друг друга и перестраивают страну каждый на свой лад. Моментами перестройки являются осень и весна, эти наиболѣе динамическіе сезоны русской природы. Лѣтом Россія очень мало отличается в температурном отношеніи от сопредѣльных с ней стран запада и востока, но когда лѣто кончается, быстро наступает грандіозная перемѣна. С запада и востока, на границах Россіи воздвигаются высокія климатическія стѣны, а страна затопляется великим, холодным воздушным океаном. Дно этого океана медленно понижается с запада на восток и на северо-востоке Сибири достигает самой глубокой точки. В сѣверо-южном направлении волны этого океана почти с одинаковой силой бушуют как около полярнаго круга, так и на южных гранях, у подножія гор юга Россіи. Иногда, когда океан этот приходит в сильное волненіе, отдѣльныя волны его перекатываются через высокій западный барьер и достигают Парижа и Средиземнаго моря. И чувствуют тогда европейцы нашу исключительность, нашу обособленность от ихняго міра...

З а к о н о м ѣ р н о с т ь р а с п р е д ѣ л е н і я
в л а ж н о с т и и а т м о с ф е р н ы х о с а д к о в в
Р о с с і и . Вторым важнѣйшим климатическим фактором является влажность и количество атмосферных осадков. Закономѣрное распределеніе теплоты в лѣтніе мѣсяцы предопредѣляет до нѣкоторой степени относительную влажность воздуха, т.-е. насыщенность воздуха водяным газом и готовность его выпадать в видѣ различных осадков. Относительная влажность воздуха зависит от двух первоначальных и основных величин, от абсолютнаго содержанія газов воды в воздухѣ (от абсолютной влажности) и от температуры воздуха. Относительная влажность имѣет огромное значеніе для органическаго міра: растеніе питается минеральными солями, находящимися в почвѣ в слабых растворах. Потребность растений в солях может удовлетворяться только при условіи поглощенія огромнаго количества воды, выходящаго далеко за пределы потребности расте-

нія в самой водѣ. Для каждаго растенія важно, как правильное протеканіе процесса испаренія, так и регулярное снабженіе почвы влагой в видѣ атмосферных осадков.

Распределеніе относительной влажности в Россіи и ея связь с другими климатическими факторами, а также ее вліяніе на растительный покров страны выяснено в русской наукѣ с исчерпывающей полнотой. В частности П. Н. Савицкій данныя русской метеорологіи кладет в основу пониманія «евразійскаго міра», главной особенностью котораго он считает его зональное климатическое и географическое строеніе. В связи с распределеніем относительной влажности и температуры, на сѣверѣ Россіи холодно и сыро. Влага, выпадающая в видѣ различных осадков, не успѣвает ни просачиваться в землю, ни высыхать. Воздух почти на 100% насыщен влагой. В связи с этим — образованіе огромных болот и тундровой растительности. На югѣ же Россіи недостаток влаги — постоянное и типичное явленіе. Этот недостаток все рѣзче сказывается по мѣрѣ продвиженія на юг. В Туркестанѣ огромныя пространства превращены в пустыни. Распределеніе атмосферной влажности в общем слѣдует юго-сѣверной закономерности, подобно распределенію тепла в лѣтніе мѣсяцы. Относительная влажность, по мнѣнію П. Н. Савицкаго, играет такую большую роль в созданіи своеобразія «евразійскаго міра». Но П. Н. Савицким оставлен, к сожалѣнію без разсмотрѣнія другой климатическій фактор, не слѣдующій юго-сѣверной закономерности — распределеніе количества атмосферных осадков. Этот недосмотр роковым образом повліял на всю евразійскую концепцію, придав ей ущербный и искажающій дѣйствительность характер. Мы увѣрены, что не будь этой, допущенной в самом началѣ евразійскаго построенія, ошибки, все это новое и интересное ученіе вылилось бы в другую форму, болѣе пріемлемую для русскаго національнаго сознанія.

Европейская Россія лежит в области вліянія Атлантическаго океана. Господствующими вѣтрами на большей части территоріи являются вѣтры, дующіе с запада, приносящіе воздух, богато насыщенный водяными парами. Наибольшее количество осадков выпадает на Западную Европу, но еще значительное

количество их достигает предѣлов Россіи. Вліяніе западных вѣтров, приносящих эти осадки, можно прослѣдить в Россіи до Уральских гор. С удаленіем от берегов Атлантическаго океана количество осадков замѣтно уменьшается. Наибольшим количеством осадков в Европейской Россіи характеризуется огромный треугольник, основаніем которому служит наша западная граница, а вершина котораго упирается в уральскіе горы около гор. Перми. Внутри этого треугольника среднее количество годовых осадков равно от 500 до 600 куб. мм., т.-е. приближается к западно-европейскому уровню.

Внѣ этого треугольника количество осадков замѣтно и прогрессивно падает в направленіи на юг, на сѣвер и на восток. Убываніе количества осадков идет особенно прогрессивно в направленіи к Туркестану. Здѣсь объѣ закономерности, убыванія относительной влажности воздуха и уменьшенія количества осадков встрѣчаются как бы вмѣстѣ и обуславливают возникновеніе второго полюса в предѣлах Россіи, полюса сухости. В этом отношеніи Туркестан можно сравнить с Верхолянскою котловиной.

Зональное строеніе Россіи. Выясненіе зональнаго строенія Россіи есть блестящая страница русской національной науки. Выводы, достигнутые трудами цѣлаго ряда знаменитых русских ученых, работавших в самую бурную эпоху русской исторіи, были заслонены от глаз русских людей политическими событіями. Но эти выводы и далеко идущіе синтезы являются основоположными не только в специальных областях знанія, но и для общаго мирозозерцанія. Они являются опредѣляющими моментами в пониманіи нашей исторіи, ведущими и указующими для нашей практической дѣятельности.

Основоположником этого научнаго направленія был замѣчательный русский натурфилософ, почвовед Докучаев (род. в 1846 г., умер в 1903 г.). До Докучаева почвоведеніе разсматривалось как специальный отдѣлъ минералогіи и петрографіи. Докучаев доказал, что почва не есть только продукт распада горных пород и их случайное механическое соединеніе. Почва есть опредѣленная биологическая среда. Она до краев переполнена живыми существами или их органами: корнями и клубнями ра-

стей, многочисленными и многообразными животными и бактериями; с гораздо большим правом можно почву назвать биологической средой, чем воду или воздух. В своем «Учении о зонах земного шара» Докучаев дал новую классификацию почв и показал, что образование почв и их залегание подчинено строгой закономерности. Называвший себя «докучаевцем» — Г. Ф. Морозов (ум. в 1920 г.) создал своеобразное учение о лѣсѣ, цѣликом построенное на синтетическом методѣ. Лѣс рассматривается Морозовым не как случайная смѣсь различных древесных пород, но как органическое сообщество определенных видов растений и животных. «Лѣс, по словам Морозова, есть общежитіе болѣе широкаго порядка: в нем не только растенія приспособлены друг к другу, но и животныя к растеніям и растенія к животным... Широкое общежитіе живых существ, взаимно приспособленных друг к другу и к окружающей средѣ, получило в наукѣ названіе біоценозы — и лѣс есть ничто иное, как один из видов такой біоценозы»...

Идеи и методы Докучаева и Морозова вызвали очень интересную попытку русскаго ученаго Берга. В своей замѣчательной книгѣ: «Ландшафтно-географическіе зоны» (СССР, 1930) Берг пытается выдѣлить географическій ландшафт как нѣкую простѣйшую индивидуальную единицу для географической систематики. «Географическій ландшафт есть такая совокупность или группировка предметов и явленій, в которой особенности рельефа, климата, вод, почвеннаго и растительнаго покрова, животнаго міра, а также дѣятельности человѣка, сливаются в единое гармоническое цѣлое, типически повторяющееся на протяженіи извѣстной зоны земли»... Бергу не удалось до конца разрѣшить поставленную задачу, т.-е. с полной убѣдительностью показать реальность существованія ландшафта как географическаго индивидуума. Но труд его плодотворен для познанія Россіи.

Работы русских ученых дают нам в данный момент довольно полную картину зональнаго строенія нашей родины. Оно сводится, в очень краткой схематической формѣ, к слѣдующему. Если мысленно сдѣлать два разрѣза поперек географических зон, то в Западной Сибири разрѣз пройдет через четыре

хорошо развитых зоны: тундру, тайгу, степь и пустыню. В Европейской Россіи мы встрѣчаем нѣсколько серьезных отклоненій. Пустынная зона выклинивается у сѣверных берегов Каспійскаго моря. Тундровая полоса суживается и отступает на сѣвер. Лѣсная зона к Западу дѣлается шире и наконец, у самой западной границы вытѣсняет и степную зону на югѣ и тундровую на сѣверѣ. На пространствах Европейской Россіи как бы встрѣтились два чуждых растительных міра: степная полоса Россіи и таежная часть лѣсной являются как бы авангардами азіатскаго растительнаго міра, наступающаго на Европу, а полоса смѣшанных лѣсом есть далеко выдвинувшійся на восток форпост европейской лѣсной стихіи. Замѣчательно то, что представители европейской флоры заселили в Россіи именно тот климатическій треугольник, который по своим метеорологическим свойствам, именно по количеству выпадающих за год осадков, наиболѣе приближается к западно европейским климатическим условиям. Таким образом, в климатическом и фитогеографическом отношеніи Европейская Россія только в своей средней части относится к Западной Европѣ, ея степная полоса и ея сѣвер ближе по своему зональному строенію к Азій. На распредѣленіе растительнаго покрова Россіи вліяют тѣ двѣ основныя закономерности распредѣленія тепла и влажности, которыя были описаны выше.

Попытки дальнѣйшаго проведенія синтеза, начатаго Докучаевым и Морозовым, в настоящее время там, в коммунистической Россіи, оборвались. Этот перерыв кажется нам не случайным; он обусловлен тяжелым духовным и политическим кризисом, переживаемым нашей родиной. Грандиозный научный синтез должен был, по замыслу его творцов, охватить не только неодушевленную природу, растительный и животный мір, но и человѣка с его хозяйством, бытом, исторіей и культурой. Само собою понятно, что грубо-материалистическая догма, воцарившаяся в Россіи, не могла допустить свободнаго развитія этого новаго ученія. В Россіи столкнулись, если можно так выразиться, два материализма. Один, описанный выше, является удивительным и рѣдко достижимым в наукѣ синтезом, создаваемым на основаніи глубокаго и детальнаго изученія природы.

Он строго научно обоснован, лишен каких-либо спекуляций. Свои общія утверждения он строит на наблюдении, опыте, на современном научном фундаменте.

Совершенно другое представляет собой марксистский, так называемый диалектический материализм, созданный людьми, не имевшими никогда никакого отношения к научному естествознанию. Диалектический материализм, в отличие от докучаевского, является отвлеченным, рационалистическим и насильственным по отношению к реальному миру кабинетным измышлением. Он является следствием своеобразной мозговой аберрации, при которой гегелевский отвлеченный идеализм обернулся материализмом.

В столкновении этих двух учений вся правда, а если правда есть сила, то и сила, а с ней и надежда на победу, были на стороне первого учения. Устаревший, ортодоксальный диалектический материализм должен был уступить место молодой обоснованной захватывающей науке. В изучении и познании России, в выработке нового мирозерцания Докучаев и Морозов должны победить Маркса и Ленина.

Здесь в изгнании мы должны поднять знамя новой русской науки; это знамя жизни, знамя борьбы за будущую Россию, залог нашей победы.

Крестьянское хозяйство в России. Путь к дальнейшему синтезу, к включению человеческого общества в кругооборот жизни природы, лежит, по нашему мнению, через сельское хозяйство. Для этого включения, необходимо, во-первых, применение докучаевского метода, т.е. нахождение такой элементарной, даже механически неделимой единицы хозяйства, все части и отдельные компоненты которой были бы связаны между собой органическим единством и смогли бы быть в тесной органической связи с географическим ландшафтом. Во-вторых, необходимо найти в этом элементарном индивидууме его, так сказать, душу, которая сдерживает это единство и дает ему направляющее, целесообразное движение.

Ясно, что ни чисто юридическое определение, основанное на человеческой семье и отношениях между людьми, ни чисто экономическое, разбирающее хозяйство только с экономиче-

ской точки зрения, не могут нас удовлетворить. Эти определения заставили бы нас возвращаться в сферу только лишь человеческих отношений и, таким образом, изолировали бы крестьянское хозяйство от единства природы. Чтобы понять истинную сущность крестьянского хозяйства, необходимо усвоить синтетический взгляд на вещи, как это сделал впервые Докучаев с почвой, а Морозов с лесом. Нужно научиться сразу одним взглядом видеть и человеческую семью и домашних животных, находящихся на служении у человека, и культурные растения, которые человек выращивает и от которых зависит его существование, и наконец, почву, которую он обрабатывает. Поэтому мы даем следующее, может быть, необычное определение крестьянскому хозяйству, которое должно служить предварительной рабочей гипотезой, требующей научной проверки.

Крестьянское хозяйство представляет собою элементарную экономическую единицу — индивидуум, в котором все отдельные компоненты, человеческая семья, различные виды домашних животных и культурных растений находятся в состоянии симбиотического сожительства; в это сожительство мы должны включить и почву, как определенную биологическую среду, по выше приведенным соображениям. Короче говоря, крестьянское хозяйство есть своеобразное симбиотическое сообщество между человеком, животными, растениями и почвой. Через почву, растения и животных оно включается в мир природы, а через крестьянскую семью в человеческое общество, в его культурную и государственную жизнь.

Понятие «симбиотическое сообщество» взято нами из биологии. Под симбиозом понимается в биологии такая форма сожительства между живыми существами, обычно принадлежащими к различным систематическим категориям, при котором два или несколько симбионтов пользуются в своей жизнедеятельности взаимно услугами друг друга.

Анализ крестьянского хозяйства, анализ отношений между его отдельными членами показывает, что симбиоз между человеком, домашними животными и растениями проявляется настолько сильно, что жизнь каждого из них невозможна вне крестьянского хозяйства. Последнее представляет собой настоль-

ко крѣпко и органически сросшееся сообщество, что мы можем его сравнить в нѣкотором отношеніи с живой клѣткой, в которой человекъ играет роль ядра, регулирующаго жизнь клѣтки. Наблюденія за жизнью крестьянскаго хозяйства показывают, что даже возникновеніе поваго крестьянскаго двора происходит аналогичнымъ біологическому размноженію путемъ. Каждое новое крестьянское хозяйство как бы рождается из нѣдр материнскаго организма в целом видѣ и только, как таковое, можетъ правильно функционировать.

Вышеприведенное опредѣленіе даетъ возможность по новому классифицировать крестьянскія хозяйства, а именно, пользоваться при опредѣленіи различныхъ типовъ хозяйства двумя основными признаками, по составу входящихъ в него животных и растительныхъ видовъ (морфологическій признак) и по характеру отношеній между отдѣльными членами сообщества (физиологическій признак). Мы дадимъ здѣсь краткое описаніе основныхъ типовъ хозяйства в Россіи, при чемъ будемъ пользоваться при опредѣленіи этихъ типовъ обоими признаками.

На сѣверѣ Россіи, в зонѣ тундры, крестьянское хозяйство представлено в формѣ парабіотическаго хозяйства тундро-кочевническаго типа. Комитентами его являются три существа: 1) олений мохъ или правильнѣе лишайникъ ягелъ, 2) сѣверный олень и 3) человекъ, — это самоѣдское оленеводческое хозяйство. Анализъ этого сообщества показываетъ, что симбіотическіе моменты выступаютъ здѣсь в очень слабой степени, парабіотическіе же преобладаютъ. Здѣсь дѣло идетъ в общемъ об очень простыхъ взаимоотношеніяхъ: сѣверный олень питается ягеломъ и только тамъ можетъ существовать, где этотъ ягелъ имѣется в достаточномъ количествѣ. Человекъ существуетъ от сѣвернаго оленя, но не несетъ почти никакихъ заботъ по уходу за этимъ животнымъ. Сѣверный олень парабіотируетъ, такъ сказать, на ягеле, а человекъ на оленѣ.

Дальше на югъ, в таежной полосѣ, мы встрѣчаемся с нѣсколькими типами хозяйства. У различныхъ лѣсныхъ охотничьихъ племенъ выработался примитивный, смѣшанный типъ хозяйства, гдѣ еще сильны элементы парабіоза, но уже ясно намѣчаются симбіотическія тенденціи. В таежной же полосѣ Европейской

Россіи возникаетъ настоящее полеводческое хозяйство, в которомъ ясно выступаютъ симбіотическія отношенія. Это хозяйство мы называемъ примитивнымъ симбіотическимъ хозяйствомъ таежнаго типа. Оно характеризуется экстенсивной подсѣчной или огневой системой земледѣлія, малымъ количествомъ видовъ домашнихъ животныхъ и культурныхъ растений, входящихъ в симбіозъ. Изъ домашнихъ животныхъ здѣсь выступаетъ характерная пара: лошадь и корова, которыя играютъ опредѣляющую роль в симбіотическомъ хозяйствѣ. Изъ полеводческихъ культуръ уже здѣсь намѣтилась не менее характерная стройка: рожь, овесъ и ячмень. Очень характерной особенностью этого хозяйства является отсутствіе заботы человека о почвѣ. Именно это послѣднее обстоятельство заставляетъ это хозяйство отнести къ смѣшанному, переходному между парабіотическимъ и симбіотическимъ.

В подзонѣ смѣшанныхъ лѣсовъ и в лѣсо-степной полосѣ создаются, наконецъ, вполне благоприятныя климатическія, почвенныя и біосоціологическія условія для возникновенія высшаго типа симбіотическаго хозяйства, которое характеризуется, в совершенныхъ своихъ выраженіяхъ, многопольной системой полеводства, правильнымъ плодосмѣномъ, тщательнымъ уходомъ за почвой. Количество видовъ домашнихъ животныхъ и культурныхъ растений, входящихъ в симбіозъ достигаетъ здѣсь очень большой величины и все хозяйство отличается большой сложностью и разнообразіемъ. К сожалѣнію, мы не можемъ в краткой журнальной статьѣ описать подробнѣе этотъ высшій типъ крестьянскаго хозяйства.

В болѣе южной, степной полосѣ казалось бы должно развиваться симбіотическое хозяйство еще болѣе сложное, еще болѣе совершенное. Но здѣсь с сельскимъ хозяйствомъ повторяется совершенно то же явленіе, что с растительнымъ міромъ. Несмотря на значительное увеличеніе годовой суммы теплоты, несмотря на лучшія и болѣе плодородныя почвы, какъ растительный міръ, такъ и сельское хозяйство претерпѣваютъ обратную эволюцію, они замѣтно редуцируются. Причиной этому является выступленіе новаго неблагоприятнаго климатическаго фактора — уменьшеніе относительной влажности воздуха и количества атмосферныхъ осадковъ.

В распределении типов сельского хозяйства проявляется северо-южная закономерность. Как проявляется другая основная географическая закономерность — западо-восточная по отношению к сельскому хозяйству? Этот вопрос сводится фактически к проблеме, как возникло в Восточной Европе симбиотическое крестьянское хозяйство; но проблема эта является частью еще более широкой проблемы — возникновения русского государства.

Тип хозяйства восточного славянина был типом, выработавшимся в Западной Европе. С этим типом хозяйства и вступило славянское племя на русскую равнину. Но здесь оно встретило непреодолимую преграду: оно натолкнулось на климатическую стѣну, нами выше описанную. На восток от этой стѣны примитивно-паразитическое хозяйство, сформировавшееся на Западе, существовать не могло. Оно должно было перестроиться, переродиться, чтобы иметь шансы выжить в болѣе тяжелой климатической обстановкѣ. Крестьянское хозяйство должно было поневоле превратиться в симбиотическое хозяйство, в котором выражалась бы забота человека о пропитании домашних животных во время продолжительной и холодной зимы, когда земля покрыта снѣгом, а рѣки и озера замерзают на долгое время. Необходимо было укрытие для скота от холода, снѣжных бурь и нападений хищников. При введении этих новых симбиотических элементов в хозяйство сдѣлался иным весь его экономический баланс. Прежде, чѣм осуществить эту сложную перестройку, восточные славяне пытались идти по линии наименьшаго сопротивления. Первые поселения восточных славян находились на берегу Черного моря, по нижнему течению Дуная, Днѣстра, южного Буга и Днѣпра. Самым восточным предѣлом славянской экспансии служил северо-западный узел кавказских гор, т.е. все области по климату близкия Западной Европе.

Эти первоначальные попытки заселения русской равнины не могли однако привести к образованию устойчивых государственных организаций, так как натолкнулись на серьезные препятствия в лицѣ встречнаго потока различных кочевых народностей, двигавшихся в обратном направлении из Азии. Славян-

ское земледѣльческое население было оттѣснено обратно на запад или на север.

Вторая попытка была сдѣлана в болѣе северном направлении, она была болѣе удачна и привела к возникновению первого русского государства на среднем Днѣпрѣ, Киевской Руси. Возникновение и длительное существование этого государства стало, вѣроятно, возможно потому, что крестьянин уже выработал в главных чертах новый тип хозяйства, т.е. к моменту возникновения Киевскаго государства крестьянское хозяйство сдѣлалось, вѣроятно, симбиотическим.

Дальнейшая эволюция и усовершенствование этого типа дало возможность русскому крестьянину быстро в историческом смыслѣ слова двинуться на север и на восток.

В русской литературѣ распространено мнѣние, что заселению русским народом степной полосы препятствовал встречный поток кочевых азиатских народностей; не отвергая этого факта, мы должны к этому прибавить еще и то, что русский крестьянин сам с болѣею охотой селился в лѣсной полосѣ по цѣлому ряду весьма существенных хозяйственных соображений: его хозяйство возникло в Западной Европе, в странѣ, изобилующей лѣсами, с которыми всегда было связано самыми тѣснѣйшими узами его существование.

На востокъ эта зависимость от лѣса сдѣлалась еще сильнѣе, еще настоятельнѣе, благодаря суровому климату этой страны. Крестьянин нуждался в деревѣ для постройки жилых и служилых помѣщений, для отопления и варки привычной пищи; всѣ его сельско-хозяйственные орудія, начиная с грабель и кончая сохой и телѣгой были сдѣланы из дерева.

Сельско-хозяйственное освоение земель, лежащих между Окой и Волгой, дало возможность возникнуть и развиваться здѣсь второму варианту восточно-славянскаго государства, Московской Руси, которая, несомнѣнно, как вначалѣ своего существования, так и во все время своего историческаго роста опиралась на крестьянское хозяйство и, как сельско-хозяйственная держава, побѣдила кочевую степь и тайгу и превратилась в величайшую имперію.

Освоение огромных пустующих и первобытных земельных

пространств не закончено еще русским народом не только в азиатской части, но и в европейской. Заселение идет в последнее время ускоренным темпом. Но еще и в настоящее время можно наблюдать ряд явлений, которые служат яркими иллюстрациями к тому, что было сказано выше. Еще до сих пор на территории Европейской России уживаются представители двух различных миров, азиатского и европейского. Эти две враждебные стихии как бы примирились и распределили зоны своего влияния.

Европейский человек со своим определенным европейским типом хозяйства до сих пор еще занимает больше или меньше сплошной массой пока только среднюю полосу России, тот огромный треугольник, который отличается наиболее европейским климатом и западно-европейским растительным и животным миром. До сих пор западно-европейский человек только с большим трудом усваивает чуждую ему азиатскую стихию степи и тайги. Густота населения различных областей России показывает, какое огромное значение для хозяйственной деятельности человека, а следовательно, и для его истории и культуры имеют вышеописанные климатические условия. До сих пор наиболее густо населенной областью России является юго-западная правобережная Малороссия. Отсюда густота населения падает во всех направлениях, на юг, на север и на восток, но она удерживается все время на довольно высоком уровне во всей полосе смешанных лесов и в подзолы лесостепи.

В самое последнее время русский народ перешагнул и через следующую климатическую ступень и появился, как сельский хозяин в Сибири. Но здесь, кажется нам, он еще не успел выработать нового типа хозяйства, приспособленного к еще более суровым условиям природы.

Путь России. Русское государство началось, как западно-европейское государство. В своем росте оно встретило с другим, чуждым, азиатским миром и вступило с ним в многогодовую борьбу. Основную разницу между двумя столкнувшимися мирами мы пытались показать на элементарнейших проявлениях климата, растительного, животного мира и на основной хозяйственной деятельности человека, на сельском хозяйстве.

Эту разницу можно, по желанию, усмотреть в истории, в культурном облике и т. д. двух миров. Эта разница зависит от основных и противоположных начал, определяющих жизнь запада и востока. Это динамическое начало Запада и статика Востока. Русская история представляется нам процессом вторжения западно-европейского динамического начала в азиатскую статику и постепенного преобразования азиатского мира. Динамическая сила Западной Европы и социальная энергия давно переросли границы Европы и расплескались по всем материкам, по всему земному шару. Но эта энергия большей частью проявляется не как созидательная сила, а как сила поработавшая, грабительная, оголяющая землю. И только в одном месте европейское динамическое начало проявляется в виде органического роста, роста в чуждую стихию. В этом росте, пусть искаженно и неполно, все-таки проявляется забота человека о земле, о процветании жизни... Поэтому путь России иной, чем путь Западной Европы. В своем движении на восток она должна все вновь и вновь пересматривать и переделывать основные основы своего существования, свою государственность и свой общественный и хозяйственный строй. Только при условии какой-то высшей организованности, при неустанном труде и неисчерпаемом терпении могут быть преодолены стихийные препятствия. Историческое существование России представляется нам подобным вхождению на высокую гору, одна вершина которой лежит на Янзе, а другая на берегах Аральского моря. Вхождение это только еще началось, несмотря на тысячелетнее существование России. Конечный этап еще далеко впереди. Исторический процесс России еще далек до своего завершения, а культура до своего окончательного раскрытия и оформления. Русская жизнь находится в перманентном становлении. Этот процесс, чуждый западу, дает надежду, что в результате неустанных трудов, неизсякаемого терпения, ясного сознания наших обязанностей, — на просторах России возникнет новое человеческое общество, новый мир и новая культура. Но история России показывает, что русский человек (разумеется под «русским человеком» и правительством, и общественностью, и все слои населения) часто не выдерживает своего тяжелого назначения, теряет историческую

перспективу, впадает в своеволие и растрчивает в нѣсколько дѣт накопленные вѣками богатство и опыт. В недалеком прошлом мы были свидѣтелями буйнаго припадка этого своеволия...

В настоящее время, когда один за другим сходят с исторической и жизненной сцены люди прошлой эпохи с разбитыми надеждами и отчаяніем в сердцах, на смѣну им идет новое поколѣніе. По всему широкому зарубежному фронту раздаются молодые новые голоса. В этом нестройном хорѣ можно уловить по крайней мѣрѣ один общій мотив, одно общее требованіе: «Дайте нам новую идею Россіи, укажите нам программу живой и захватывающей дѣятельности!»... Милые юноши, изучайте Россію, ее природу, исторію, быт народа, ее культуру, и если вы не слѣпы от рожденія, то перед вашими глазами возстанет новая идея Россіи и конкретная программа вашей работы на нее.

С. Бѣлозеров.

Хозяйственное строительство

Как извѣстно, хозяйственное строительство совѣтской Россіи стоит в послѣдніе годы под знаком «индустриализаціи». Это ведет к быстрому росту городского населенія. В концѣ 1920-х годов, параллельно с ним, росло также и населеніе сельское, хотя и не в таких темпах. В началѣ 1930-х г.г. рост сельскаго населенія приостановился и началось прямое обезлюденіе деревни. Сказанное поясняется слѣдующими цифрами:

Даты	Городское Сельское населеніе		Всего
	в милліонах душ		
На 1 апреля 1927 г.	26,7	121,2	147,9
На 1 апрѣля 1930 г.	30,7	127,8	158,5
На 1 января 1933 г.	40,3	125,4	165,7

Данные эти основаны на «исчисленіях». Научно постанов-

ленная перепись населенія не производилась в СССР с конца 1926 г. Иными словами, вполне точными приведенныя выше данныя считаться не могут. Но общее представленіе о происходящих сдвигах дают и они. Официально признанный факт уменьшенія с 1930-го по 1933-ій год сельскаго населенія можно признать, в своем родѣ, поразительным. Нѣтъ сомнѣнія, что в нем отразились тѣ страданія (недоѣданіе, мѣстами голод, эпидеміи), которыя в наибольшей мѣрѣ выпали в началѣ 1930-х годов именно на долю сельскаго населенія. О том же свидѣтельствует и официально признанный факт абсолютнаго и относительнаго уменьшенія общаго прироста населенія в началѣ 1930-х г.г., по сравненію с концом 1920-х годов. В абсолютных величинах, в період 1927-1930 г.г. прирост этот составлял, в расчетѣ на мѣсяц, 294 тысячи человек, а в годы 1930-1933 — 218 тысяч. В относительных величинах различіе будет, конечно, еще большим. Но параллельно с этим замедленіем прироста, процент городского населенія во всем населеніи страны поднялся с 18,1% в 1927 г. до 19,4% в 1930 г. и 24,3% в 1933 г. Для послѣдних трех лѣт мы не располагаем суммарными данными. В рядѣ наиболѣе крупных городов количество населенія пошло за это время вниз, в связи с паспортными ограниченіями, введенными в самом концѣ 1932 года. Так, напримѣр, в Москвѣ на 1 января 1933 г. считалось 3.663 тысячи, а на 17 февраля 1935 г. — только 3.618 тысяч жителей. Иными словами, за 2 с лишним года населеніе столицы Совѣтскаго Союза не только не увеличилось, но уменьшилось на 45 тысяч душ. Уменьшеніе это продолжалось и в теченіе послѣдняго года (1935-1936). То же явленіе мы наблюдаем в С.-Петербурѣ — Ленинградѣ. На 1 декабря 1932 г. его населеніе составляло 2.908 тысяч человек. Уже к 1 апрѣлю 1933 г. оно спустилось до 2.839 тысяч. Отлив населенія не остановился на этом. На 1 января 1935 г. в сѣверной столицѣ проживало всего лишь 2.740 тысяч человек, т.е. на цѣлых 169 тысяч меньше, чѣм за 25 мѣсяцев перед тѣм. В крупных городах Европы (да и то не вездѣ) нѣчто подобное можно было наблюдать лишь в моменты самаго остраго кризиса. Нужно, однако, думать, что в итогѣ по всей странѣ городское населеніе СССР и доля его

во всем народѣ росли и в самые послѣдніе годы, хотя и не так быстро, как то было в період 1930-1933 г.г. Характерныя, в этом отношеніи, данныя опубликованы недавно о городах Дальняго Востока. За один 1935 год населеніе краевого центра — Хабаровска — выросло болѣе, чѣм на 30 тысяч человек, и достигло 170 тысяч душ (в 1926 г. в этом городѣ проживало 44 тысячи человек, в 1933 г. — 102 тысячи). Рост Комсомольска на Амурѣ выразился за истекшій год 15 тысячами. К началу 1936 г. в нем числилось 40 тысяч населенія. На 1 января 1933 года его было 15 тысяч, в 1926 г. города этого не существовало вовсе. Во Владивостокѣ число жителей увеличилось за послѣдніе три года на 60 тысяч (на 1 января 1933 г. их было 190 тысяч, на 1 января 1936 г. — 250 тысяч). Этот рост дальне-восточных городов представляет одну из черт в той картинѣ оживленія Востока, которая развертывается одновременно с общей индустриализаціей страны.

Однако, сдѣланнаго на русском Востокѣ к настоящему времени отнюдь нельзя признать достаточным в каком бы то ни было смыслѣ. Для сужденія по вопросу о том, дѣлает ли в послѣдніе годы успѣхи сельско-хозяйственная колонизація Зауралья, мы вообще не имѣем данных. К сожалѣнію, в отношеніи ко многим районам не приходится сомнѣваться, что колонизація смѣнилась в них «деколонизаціей», в связи с «ликвидацией кулачества, как класса», и тѣм фактом, что всѣ сколько-либо зажиточные элементы населенія были принуждены покинуть насиженные мѣста. В области колонизаціи промышленно й коммунисты добились в Зауральѣ одного настояще крупнаго успѣха: очень быстрого развитія Кузнецкаго бассейна, с его угольной промышленностью, грандіозным, уже дѣйствующим металлургическим заводом («Кузнецкстрой») и рядом других, связанных с названными отраслей индустрии. В итогѣ за 1935 г. Кузбасс дал 14,2 млн. тонн угля (13,3% всей совѣтской добычи истекшаго года). В 1913 г. соответствующія цифры составляли: 0,77 млн. тонн по добычѣ, 2,7% в общерусской продукціи угля (не считая Польши). Эволюція населенности важнѣйших городов Кузбасса характеризуется слѣдующей таблицей (в тысячах душ):

	На 17 декабря 1926 года	На 1 января 1933 года
Сталииск (Кузнецкстрой) ..	не существовал	240,0
Прокопьевск	10,7	117,0
Кемерово	21,5	105,0
Анжеро-Судженск	29,9	100,0

Помимо названных, можно указать еще ряд городов Кузбасса, с нѣскольکو меньшим населеніем, которые дают, однако, такой же темп прироста, так, напримѣр, Ленинск-Кузнецкій (Кольчугино), Бѣлово и т. д. Здѣсь перед нами большое, «масшосовое» явленіе стремительнаго подъема богатѣйшаго каменноугольнаго бассейна. В меньших масштабах ту же картину дает и эволюція Карагандинскаго бассейна в центральном Казахстанѣ (Киргизской степи). Практически говоря, добыча угля в этом пространственно небольшом, но очень удобном для разработки бассейнѣ до середины первой пятилѣтки не производилась вовсе. В 1934 г. она достигла 1,8 млн. тонн. Здѣсь возник совершенно наново город Караганда, с населеніем в 116 тысяч человек на 1 января 1933 г. Но город этот — единственный для большого района. Тут нельзя констатировать подъема, идущаго одновременно из нѣскольких центров, отдѣленных друг от друга десятками и даже сотнями километров, как мы наблюдаем то в Кузнецком бассейнѣ. По сравненію с ним, подъем Караганды — болѣе «частичный» и пространственно болѣе ограниченный.

В началѣ 1930-х годов казалось, что такое же стремительное развитіе, какое выпало тогда на долю Кузнецкаго бассейна, станет в ближайшее время удѣлом и болѣе восточной — Иркутско-Ангарской — области, с ея громадными угольными залежами (Черемхово), наибольшими в мѣрѣ ресурсами бѣлаго угля, желѣзной рудой и т. д. Развитію этому придется приписать большое значеніе и в чисто оборонном смыслѣ, поскольку оно не только усилило бы русскій элемент в Восточной Сибири, но и послужило бы одной из индустриальных баз защиты Русскаго Дальняго Востока. Осуществленіе Иркутско-Ангарскаго проекта было, в значительной мѣрѣ, подготовлено. Но в рѣшительную минуту коммунистическая власть отказалась от немедленнаго осуществленія его в сколько-либо

широких масштабах. Здесь сказались ее «истощание», слабость ее в разрешении важнейшей для России народно-хозяйственной проблемы. Несмотря на все усилия, сделанные страной в истекшие годы ради целей индустриализации, или — вкратце — благодаря неразумной растрате этих усилий (ср. потери, понесенные при «коллективизации») — коммунистическая власть оказалась неспособной радикальным образом изменить, в пределах обозрваемого периода, экономическую обстановку Восточной Сибири. Между тем, государственные интересы и, в частности, соображения обороны настойчиво диктуют необходимость таких изменений. Они выдвигают мотив, который, в географическом его существе, может быть назван евразийским: необходимость в равной степени освоить западные и восточные части государства, иными словами, передвинуть на Восток центры населенности и центры индустрии. В вопросе Иркутско-Ангарского проекта коммунистическая власть — пока что — капитулировала перед трудностями. Тем самым она открывает свой фланг для резчайшей евразийской критики, призванной указать на опасность для государства такой капитуляции.

Самым неблагоприятным образом отражается на экономическом развитии русского Востока железнодорожная политика коммунистов. Если промышленное их строительство, в общем, гораздо шире дореволюционного, то в области строительства рельсовых путей отношения носят прямо обратный характер. За годы первой пятилетки (1928-1933) общее протяжение русской железнодорожной сети увеличилось с 76,9 до 82,6 тыс. км., т.е. на 5,7 тыс. км. (при плане увеличения ее на 17 с лишним тысяч км.). Иной речью, Сталин с соратниками ввел за эти пять лет в эксплуатацию приблизительно столько же новых железных дорог, сколько С. Ю. Витте открыл, в свое время, для движения за один лишь 1899 г. (эта последняя величина выражалась 5,3 тыс. км.). Собственно говоря, Турксиб являлся и является единственным крупным железнодорожным сооружением эпохи пятилеток. В последние годы, протяжение новых железных дорог, вводимых в эксплуатацию, далеко не достигает даже 1.000 км. в год, т.е. стоит на уровне наиболее застойных лет «старого режима». Сколько шума бы-

ло произведено в последнее время в советской прессе по поводу открытия для «временного» движения ж.-д. линии от Караганды до озера Балхаша (493 км.). В эпоху Витте, да затем и перед самой революцией, русская сеть обогащалась по временам добрым десятком линий такого протяжения за один год. Почти полное (если мерить большим масштабом) отсутствие нового ж.-д. строительства в современной России тяжело всего отзывается, конечно, на интересах тех мест, которые в наибольшей степени нуждаются в таком строительстве. Иными словами, оно бьет больнее всего по интересам русского Востока. Всецело занятая повышением провозоспособности существующей сети, коммунистическая власть оказывалась до сих пор совершенно не в состоянии поставить широкие, творческие задания в сфере железнодорожного включения новых экономических районов. Через юго-восточную часть Казахстана протянулась одна лишь ниточка Турксиба. Между тем, прилегающая к нему притяньшанская и приалтайская части этой страны, по естественным данным своим, заслуживают, по меньшей мере, того, чтобы иметь ж.-д. сеть не менее густую, чем имеют, скажем, Заволжье и Приуралье. Северный и центральный Казахстан до сих пор пересечен только одной большой линией, да и то «ступикового» типа, а именно линией Петропавловск (на Сибирской магистрали) — Караганда — Балхаш. И поныне нет «Южно-Сибирской» магистрали: Семипалатинск — Ақмолинск, с выходом на южный Урал, которая строилась уже в дореволюционный период. И это при том условии, что центральный и северный Казахстан острее всего нуждаются в постройке десятка линий такого размера. К северу от Великой Сибирской магистрали водоразделы, с их лесными и другими богатствами, вовсе лишены путей сообщения. Что касается транспортного значения здешних рек (нижнего Иртыша, средней и нижней Оби, среднего и нижнего Енисея с их притоками), то и оно сильно выиграло бы от пересечения их железнодорожной магистралью. Лена до сих пор никак не соприкасается с рельсовым путем, что затрудняет, в известной мере, развитие в ее бассейне даже такой, относительно мало зависящей от усовершенствований в транспорте отрасли, как золотопромышленность. На огромном

участкѣ Сибирской магистрали от Красноярска до Читы проблемы рельсовых путей остаются, в сущестѣ, в том же положеніи, в каком оставили их Витте (строитель магистрали) и Столыпин (проложившій на ней вторую колею). На так называемой «Байкало-Амурской магистрали (БАМ), которая должна обогнуть упомянутое озеро с сѣвера, работы ведутся с энергіей только на дальне-восточных ея участках. О широком развертываніи их в предѣлах Восточной Сибири пока ничего не слышно. В нѣкоторых частях Зауралья коммунистическая власть строит в сравнительно широких размѣрах автомобильныя дороги. Так, напримѣр, в 1935 году строилось не менѣе пяти таких трактов, ведущих от Сибирской магистрали к границам Танну-Тувинской и Монгольской народных республик. Внѣ всякаго сомнѣнія, мѣропріятіе это связано с задачами защиты этих республик от натиска японскаго империализма. Не менѣе, чѣм по трем направленіям, прокладывались в прошлом году тракты от Турксиба к предѣлам Синь-Цзяна — одно из проявленій политики, ориентированной на укрѣпленіе совѣтских позицій в Западном Китаѣ. Но даже и здѣсь строительство трактов не устраняет нужды в желѣзных дорогах. В других же, болѣе удаленных от границы частях Зауралья, отсутствіе смѣлаго, да и вообще какого бы то ни было, почина в области желѣзнодорожнаго дѣла, по-прежнему, обрекает эти земли на полный застой и упадок.

Наряду с проблемой развитія Востока, стоит в совѣтском хозяйствѣ вопрос развитія Сѣвера. Одно из крупных мѣропріятій в этом направленіи — Мурманскую ж. д. — Россія совѣтская унаслѣдовала от Россіи царской. Но только в совѣтскій період дорога эта стала давать плоды, которые от нея ожидалась (развитіе незамерзающаго порта на Кольском заливѣ, открытіе и эксплуатация минеральных богатств Хибинских гор и т. д.). К 1 января 1933 г. населеніе города Мурманска выражалось 55 тысячами душ, что отнюдь не мало для поселенія, лежащаго на добрых два градуса широты сѣвернѣе полярнаго круга и не насчитывавшаго тогда и двух десятков лѣтъ существованія. По недавно полученным свѣдѣніям, за истекшіе с 1 января 1933 г. три года число жителей этого города бо-

лѣе, чѣм удвоилось, обнаружив прирост на 56 тысяч человек. Населеніе Кировска (Хибиногорска), центра добывающей промышленности Хибинских гор, за то же время увеличилось с 26,8 до 37,1 тыс. душ. В рабочем поселкѣ Мончегорскѣ, основанном совѣм недавно на берегу озера Имандра (строительство Кольскаго мѣдно-никелеваго комбината), «населеніе увеличилось в 1935 г. почти в 10 раз».

В болѣе восточных, а также в еще болѣе сѣверных частях Арктики коммунисты не могут похвастать к настоящему времени ничѣм подобным заполярному городу со 110-ью с лишним тысячами жителей, каковым является Мурманск. Но опредѣленные экономическія и колонизаціонныя достиженія могут быть зарегистрированы и в этих ея частях. Русское населеніе энергично продвигает свои форпосты на сѣвер, на широком фронтѣ от Шпицбергена на западѣ до земли Врангеля и Чукотскаго полуострова на востокѣ. На Шпицбергенѣ положено начало русскому угольному промыслу. Количество постояннаго русскаго населенія выражается тут приблизительно 2 тысячами душ, при том, что количество такого же норвежскаго населенія спускалось здѣсь в годы кризиса до 300 душ. На землѣ Франца Юсифа основано постоянное поселеніе за 80-м градусом широты. В нем в зиму 1935-1936 г. зимовало 30 человек. В 1931 г. положено начало полярной станціи на крайне-сѣверной оконечности Новой Земли — мысѣ Желанія. Населеніе этого двойнаго острова поднялось со 120 чел. в 1914 г. до 255 чел. в 1929-1930 г. С 1930 г. постоянное человѣческое жильѣ существует и на Сѣверной Землѣ, открытой на порогѣ мировой войны, к сѣверу от мыса Челюскина. Сѣть поселеній стала гуще, чѣм она была раньше, на всѣх берегах Полярнаго океана от Новой Земли до мыса Дежнева. Как извѣстно, в послѣдніе годы стали болѣе или менѣе регулярными плаванія кораблей сѣверным морским путем из Баренцова моря в Тихій океан и в обратном направленіи. Достиженіе это имѣет первоклассное экономическое значеніе, как в дѣлѣ оживленія Сѣвера, так, специально, и в вопросѣ преодоленія той разсѣченности русскаго побережья на нѣсколько изолированных друг от друга участков, которая ослабляла и ослабляет положеніе Рос-

сии на морѣ. Но нельзя сказать, чтобы коммунисты отдавали себѣ дѣйствительный отчет в значеніи этой проблемы. Так, на примѣр, на 1936 г. намѣчено провести сѣверным морским путем сквозное плаваніе 8 пароходов: 6 — из Ленинграда во Владивосток и 2 — в обратном направленіи. Даже если эта программа будет осуществлена, она представит собою лишь слабую подготовку к проведенію тех массовых перебросок грузов (не десятком, а сотнями кораблей) по сѣверному морскому пути, которых уже в ближайшем будущем могут потребовать и хозяйственныя и военныя обстоятельства.

Из отдѣльных фактов, относящихся к экономическому освоенію Сѣвера, отмѣтим слѣдующіе. На нижнем Енисеѣ возник новый «заполярный» город, центр лѣсопромышленности, управляющій свою продукцію морским путем на Запад — Игарка. В началѣ 1935 г. в ней было 11 тысяч жителей. К востоку от нижняго Енисея начато промышленное строительство в районѣ Норильских гор. Для нужд начатаго постройкой Норильскаго полиметаллическаго комбината проложена небольшая ж. д. от площадки строительства до пристани на р. Пясинѣ. Пясина — наиболѣ сѣверная из крупных рѣк. В 1934 г. впервые в истории по ней были пущены пароходы. На протекающей далѣе к востоку арктической рѣкѣ Хатангѣ это произошло в 1935 г. В настоящее время в устьѣ послѣдней создается новый полярный центр — Нордвик — «возлѣ богатѣйших залежей каменной соли и предполагаемых мѣсторожденій нефти». В районѣ нижней Лены морской порт создан в бухтѣ Тикси. Проектируется сооруженіе такого же порта в устьѣ рѣки Индигирки и заведеніе на ней рѣчного транспорта.

Перейдем теперь к рассмотрѣнію отдѣльных важнѣйших отраслей совѣтскаго народнаго хозяйства. Тут приходится отмѣтить, что термин «хозяйственное строительство» едва ли применим к сферѣ совѣтскаго сельскаго хозяйства, в том видѣ, какой оно приобрѣло в годы пятилѣток. Тут скорѣе можно говорить о «хозяйственном разрушительствѣ». Даже на июнь 1935 г. когда положеніе уже нѣсколько улучшилось, поголовье скота в СССР составляло, по сравненію с 1929 г. (т.-е. кануном «сплошной коллективизаціи»): по лошадям — 46,8%,

по крупному рогатому скоту — 72,4%, по овцам и козам — 41,5%. Посѣвныя площади за годы первой пятилѣтки возрасли, но тѣневой стороной этого возрастанія является чрезвычайно низкая урожайность. Как извѣстно, основной результат пятилѣток в сферѣ сельскаго хозяйства — это почти полное вытѣсненіе мелкаго хозяйства и замѣна его крупными хозяйствами бюрократическаго типа, в формѣ колхозов и совхозов. Интенсификаціи хозяйства такая замѣна способствует мало, но открывает, однако же, нѣкоторыя возможности, отсутствующія при господствѣ мелкаго хозяйства. Это касается, в особенности, примѣненія сложных машин в земледѣліи. Чтобы держать колхозы всецѣло в своей власти, коммунисты, как извѣстно, сосредоточили их на «машинно-тракторных станціях», которыми и обслуживаются колхозы. Нельзя отрицать, что пронизываніе машинной техникой русской деревни способствует повышенію технической культуры страны, несмотря на тяжесть тѣх социальных условий, в которых оно происходит. Накопленіе в молодых кадрах сельскаго населенія соответствующих технических навыков имѣет, в числѣ другого, большое оборонное значеніе.

Но, конечно, областью строительства по преимуществу была в эти годы в СССР промышленная область.

I. По производству электроэнергии Россія продвинулась с 15-го мѣста среди стран міра в 1913 году на 11-ое — в 1925 г., 10-ое — в 1928 г., 6-ое — в 1932 г., 4-ое — в 1933 г. и 3-ье — в 1935 г. При размѣрѣ выработки в 25,8 млрд. киловатт-часов, впереди нея по этому признаку были в истекшем году Германія и Соединенные Штаты. Такой ход эволюціи нужно оцѣнить несомнѣнно, как большой успѣх. Но достигнут он, главным образом, энергичным использованием наличнаго оборудования. Электровооруженность страны, по прежнему, остается слабой. Лишь по плану на 1937 г. (выполненіе котораго в этом вопросѣ представляется сомнительным) установленная мощность совѣтских электростанцій должна нѣсколько превысить мощность англійских электростанцій в ея уровнѣ 1932 г. (10.900 тыс. квт. против 10.750 тыс. квт.). Между тѣм, по производству электроэнергии СССР опередил Англію уже в

1935 г. Иными словами, в советском хозяйстве рискованно невелики резервы электромощностей. Весьма невелик также процент гидроэнергии («блага угля») в общем производстве электрической энергии. В 1932 г. в СССР он выражался 7,3%. Даже в Германии, весьма бедной белым углем, он достигал в том же году 17,1%. В Соединенных Штатах, по районным станциям, он составлял 41%, в Японии, Италии, Канаде приближался к 100%. В незначительности использования в СССР энергии падающей воды, сказывается недостаточное, по-прежнему, участие русского Востока и русского Севера в русской экономической жизни. Ибо как раз на Восток и Север сосредоточены наибольшие русские буроугольные ресурсы (Памиро-Алай и Тянь-Шань, Алтай, Саяны, Средне-Сибирские речки, с одной стороны, Карелия и Кольский полуостров, с другой). Даже по плану на 1937 г. доля гидроэнергии в русском электрическом балансе не должна превысить 19,5%.

II. В 1935 г. русская угольная промышленность дала стране 106,7 млн. тонн этого минерала. Это обеспечило ей 4-ое место в мире, которое она занимала уже и в 1932 г. (в 1928 и 1913 г.г. она занимала 6-ое место). Цифра 1935 г., по абсолютной величине, в три с лишним раза превышает цифру 1913 года. И несмотря на это, она уступает продукции двух, взятых порознь, европейских стран, каждая из которых и по пространству и по населению гораздо меньше России. Мы говорим об Англии и Германии. В крайне кризисный 1932 г. первая произвела 212,6, а вторая 132 млн. тонн угля (считая вместе с буром, но в переводе его в каменный). В цифре 1935 г. Донецкий бассейн берет на свою долю 68 млн. тонн (63,7% всей продукции). Между тем, запасы Донецкого бассейна охватывают менее 10% всех исчисленных к настоящему времени русских каменноугольных залежей (менее 10 млрд. тонн из общей суммы в 1.200 млрд.). Это означает, что лишь незначительная часть русских производительных сил по части каменного угля используется сколько-либо интенсивно. И незатронутыми разработкой, в первую очередь, оказываются, опять-таки, богатства Заобской и Заенисейской Сибири, и, наряду с ними, уголь северного Урала (Печорский бассейн).

III. Нефти было извлечено в 1935 г. из недр России — СССР 26,8 млн. тонн. По этой части Советский Союз устойчиво занимает во все последние годы 2-ое место в мире, уступая только Соединенным Штатам. Но нефти в СССР не хватает. Добыча ее не поспевает за развитием тракторного, автомобильного и самолетного дела в стране. Вывоз нефти за границу падает в последнее время от года к году. С 6 млн. тонн в 1932 г. он снизился до 4,9 млн. т. в 1933 г., 4,3 млн. т. в 1934 г. и 3,2 млн. т. в 1935 г. И все-таки внутренние потребители не снабжаются нефтяными продуктами в достаточной мере. Как говорил в начале 1936 г. В. И. Межлаук, «уже в текущем году работы по зяблевой вспашке не были полностью выполнены из-за недостатка лигроина». В обстановке недостатка нефтяного топлива, очень резко ощущаемого страной и руководителям советского хозяйства, ясно, что надежды на избавление от этого дефицита можно возлагать, главным образом, на Восток. Сколько бы новых промыслов ни открывалось в Баку, Бакинский район, без поддержки со стороны, не может ответить всем требованиям. Грозненский район находится в истощении и упадке. Возможности Майкопских промыслов недостаточно велики для того, чтобы оказать решающее влияние на положение нефтяной промышленности в стране. Остается надеяться на восточные районы (Эмба, Урал, Сахалин). Самый примечательный факт, к ним относящийся, из числа зарегистрированных в течение 1935 г., заключался в начале работ на промысле Ишимбаево (к югу от Уфы), в позапрошлом году еще не существовавшем. Промысел этот дал в 1935 г. 400 тысяч тонн нефти.

IV. Чугуна за минувший год выплавлено в Советском Союзе 12,5 млн. тонн. По чугуну, говорил 21 декабря 1935 г. С. Орджоникидзе, «мы оспариваем второе место у Германии, включая и Саар». По сравнению с прошлым, это означает существенную перемену декораций. В 1913 г. выплавка чугуна в тогдашней Германии превосходила в 4 с лишним раза выплавку его в тогдашней России (19,3 и 4,6 млн. тонн). Но относительность таких побед, как возможность состязаться по абсолютным размерам продукции с Германией, страной узко «европейских» масштабов, с первого же взгляда ясна каждому, кто возьмет на

себя труд вдуматься в существо вопроса. Вѣдь Россія, по новейшим подсчетам, сосредотачивает в себѣ около половины всѣх мировых запасов желѣзной руды. И если Германия и сейчас успешно конкурирует с ней по части производства черного металла, то исключительно потому, что запасы эти не втянуты в дѣло. Очень значительная их часть находится в Доуральѣ (Курская магнитная аномалія, Керчь, Кривой Рог). Урал издавна извѣстен своей высокосортной рудой. В годы первой пятилѣтки огромныя скопления цѣнных желѣзных руд открыты во многих пунктах Сибири. В русской же черной металлургіи рѣшающую роль продолжают играть доменные заводы Юга, выдвинувшіяся к ней еще в концѣ XIX-го столѣтія. На востокъ огромный Магнитогорскій завод увеличивает свою продукцію на фонѣ стационарности или даже прямого упадка прочей (унаследованной от прошлаго) черной металлургіи Урала. Еще в 1934 году он выплавил 1.150 тысяч тонн чугуна. Приблизительно таких же масштабов производительность Кузнецкаго металлургическаго завода на Алтаѣ. Постройка обоих этих заводов, осуществленная в годы пятилѣток, должна разсматриваться, как первый шаг к металлургическому освоению Востока. Полную значимость шаг этот получит в том случаѣ, если за ним послѣдуют дальнѣйшіе шаги.

V. Нелегко дать единую и скатую формулу, которая обрисовала бы состояніе машиностроительной отрасли в страцѣ. Как извѣстно, отрасль эта состоит из огромнаго количества разнообразных, часто друг с другом несхожих вѣтвей. Не так давно Сталин выразил увѣренность, что нѣтъ такой машины, которой не могли бы построить большевики. Но какія машины и в каком количествѣ они производят на самом дѣлѣ? То указаніе, что вся продукція совѣтскаго машиностроения оцѣнивалась в 1935 г. в 12,1 млрд. руб. — говорит немного, так как остается не вполне ясною дѣйствительная покупательная способность этого «счетнаго» совѣтскаго рубля. Приходится перейти к отдѣльным частным вопросам. Во всем мировом машиностроении ведущую роль играют теперь автомобильная индустрія. В этой сферѣ достиженія Совѣтскаго Союза до сих пор весьма не велики, несмотря на весь шум, поднятый

вокруг строительства совѣтской автомобильной промышленности и реальную значительность затрат, в нее вложенных. В минувшем году автомобильные заводы Союза выпустили всего на всего 19,2 тысяч легковых машин. Даже Германия, пока что не могущая похвастать рекордными достижениями в сферѣ автомобильнаго дѣла, произвела в 1935 г. 201,4 тыс. таких машин, т.-е. в 10 с лишним раз больше. В Америкѣ выпуск легковых автомобилей одной лишь фирмой «Форд» снова приближается к полутора миллионам в год. Что значит перед этой величиною совѣтская цифра! Нѣсколько благополучнѣй обстоит дѣло с продукціей грузовых машин. Отечественное производство их в 1935 г. составило 77,8 тыс. штук. Германия может противопоставить этому продукцію в 38,9 тыс. штук. По заявленію С. Орджоникидзе, по грузовым автомобилям СССР в 1935 г. «занял второе мѣсто, уступая лишь Соединенным Штатам Америки». Еще в 1934 г. он занимал в этом отношеніи третье мѣсто. Географически совѣтская автомобильная промышленность сосредоточена до сих пор в Ленинградѣ, Ярославлѣ, Москвѣ и Горьком (Нижнем Новгородѣ). Иную рѣчь, далѣе Нижняго на восток она не проникает. Но с тѣм большей энергіей она вывозит на Восток свои издѣлія. По тракторной промышленности в Совѣтском Союзѣ сдѣлано больше, чѣм по автомобильной. В его народном хозяйствѣ мы находим комбинацію, неслыханную в экономикѣ других стран міра: количество выпущенных на рынок тракторов устойчиво стоит впереди количества произведенных автомобилей. Это явленіе — налицо и в 1935 г. Как мы видѣли, все автомобильное производство Союза измѣрялось в минувшем году 97,0 тысячами штук. Тракторов за тот же період выпущено 112,2 тысячи физических единиц. Эта цифра обеспечивает Союзу первое мѣсто в мировой тракторной промышленности. Это мѣсто коммунисты считают своим уже с самого начала 1930-х годов. Как извѣстно, исторически тракторная индустрія была колыбелью производства танков и до сих пор является основной экономической его базой. По этой статьѣ Совѣтскій Союз превосходит всѣх возможных своих противников. Если только в Россіи найдутся талантливые конструкторы и хорошіе организаторы, именно в этой сферѣ

она в состоянии пріготовить неожиданности, весьма неприятныя для ея противников. Тракторные заводы и цехи существуют в СССР в Ленинградѣ, Харьковѣ, Сталинградѣ и Челябинскѣ. Таким образом, промышленность эта распространилась дальше на восток, чѣм автомобильная, и в лицѣ Челябинскаго завода перевалила через Урал.

VI. Заслуживающія вниманія вещи сдѣланы в послѣдніе годы в СССР по части химической промышленности. Так, напримѣр, введеніе в промышленный оборот хибиногорских апатитов — фосфорно-кальцевой соли, могущей служить сырьем для производства суперфосфата и др. подобных продуктов — несомнѣнно составит славную страницу в исторіи русской науки и техники. До начала 1930-х г.г. эта руда не добывалась вовсе. Уже в 1933 г. апатитовая промышленность Кольскаго полуострова дала 700 тысяч тонн, а в 1934 г. — 1 млн. 200 тыс. тонн этой руды. Тогда же было вывезено за-границу болѣе 425 тыс. тонн апатитовой руды и концентратов. Иными словами, в кратчайшій срок на совершенно лустом мѣстѣ создана новая отрасль индустріи, сдѣлавшая соответствующія русскія предприятия независимыми от ввоза иностраннаго сырья. Нѣчто подобное произошло и в промышленности калийных солей. Только в концѣ 1920-х годов стал ясен удѣльный вѣс открытія калийных солей (сильвинита) в старом русском солепромышленном районѣ Соликамска — на западном склонѣ Урала. К настоящему времени залежи эти должны считаться крупнѣйшим мировым мѣстороженіем данной отрасли. Разработка сильвинита была начата в 1931 г., когда его было добыто около 100 тыс. тонн. В 1935 г. добыча измѣрялась 1.300 тыс. тонн.

VII. Совѣтская золотопромышленность впервые существенно превзошла довоенный уровень в 1933 г. В названном году она дала желтаго металла болѣе чѣм на 100 млн. зол. руб. В 1934 г. ея продукція выразилась 152 млн. руб., в 1935 г. (по предварительным подсчетам) — 177 млн. руб., что приблизительно равносильно утроенію довоеннаго производства. Совѣтская золотая промышленность перегнала «по величинѣ продукціи Америку». Добыча золота уже и сейчас сосредоточена исключительно на Востокѣ. Бѣда только в том, что успѣхи ко-

лонизаціи, связанные с развитіем этой добычи, обыкновенно не бывают устойчивыми: в особенности, золотыя россыпи имѣют, как извѣстно, свойство истощаться в короткій срок. Как бы ни обстояло дѣло в этом вопросѣ — цѣлый ряд районов русскаго Востока, от Башкиріи до Тихаго океана, переживал в послѣдніе годы и продолжает переживать и сейчас золотую горячку. Она усиливается тѣм, что, в отличіе от подавляющаго большинства других отраслей совѣтской экономической жизни, к добычѣ золота в послѣдніе годы допущен частник — в видѣ «старателя». Во многих мѣстах Забайкалья, Якутіи, Приморья и т. д. развитіем золотодобычи стимулируется значительное строительство. В особенности показательны в этом отношеніи условія Колымскаго края. На Колымѣ, этой величавой и во многих отношеніях доселѣ таинственной рѣкѣ крайняго сѣверовостока, развернулась широкая добыча золота. Путь к Колымѣ проложен от Охотскаго моря. На берегу моря возник порт Ногаево и город Магадан. Строительство мастерских, школ, дорог приняло небывалые для этого края размѣры.

В области тяжелой промышленности такіе примѣры можно было бы значительно умножить. В длинном рядѣ вопросов использования естественных промышленных сил русская жизнь, за послѣдніе годы, сдвинута с мертвой точки. Этого далеко нельзя сказать с такой категоричностью о сферѣ промышленности легкой. По словам В. В. Куйбышева, сказанным в самом началѣ 1935 года, за нѣсколько дней до его смерти, в ней «показатели использования сырья почти по всѣм отраслям ниже уровня 1928-1929 г.г.». Иною рѣчью, в легкой индустріи наблюдался за послѣдніе годы в СССР не прогресс, но прямой техническій регресс. Это объясняется, конечно, тѣм, что в годы пятилѣток легкая промышленность, производящая предметы потребленія, ткани и тому подобное, не привлекала к себѣ сколько-либо значительнаго вниманія власти. Нѣкоторый сдвиг в этом отношеніи замѣчается только в самое послѣднее время. Расширеніе продукціи, как легкой, так и пищевой промышленности самым непосредственным образом упирается в проблемы развитія сельскаго хозяйства: это послѣднее поставляет необходимое им сырье. В существующих в настоящее время в Со-

вѣтском Союзе условіях, подлинный расцвѣт легкой и пищевой промышленности возможен лишь в том случаѣ, если удастся добиться высокой экономической производительности колхозной и совхозной системы. Во многих пунктах до реализаціи этой цѣли еще далеко.

Тяжелая же промышленность, на нѣкоторых участках фронта, стоит уже и теперь под знаком расцвѣта. И как раз у тяжелой промышленности есть в исторіи Россіи особая евразійская миссія. Обширныя пространства русскаго Востока и Сѣвера почти совершенно негодны для земледѣлія. Добывательское хозяйство экстенсивнаго типа (охота, рыболовство и пр.) может прокормить в них только очень рѣдкое населеніе. Но по части возможностей для развитія тяжелой промышленности, добычи угля, руд, металлов, многія из этих областей одарены природой с исключительной щедростью. Вопрос будущаго этих районов и краев является, в очень многих случаях вопросом пасаженія в них тяжелой промышленности. Только тяжелая индустрія может пробудить к новой жизни эти страны. Только она может сдѣлать экономическое преуспѣваніе в равной степени достояніем русскаго Востока, как и русскаго Запада, русскаго Сѣвера — не меньше, чѣм русскаго Юга. И это тѣм болѣе, что как раз основныя русскія земледѣльческія области, в которых до сих пор и сосредотачивалось, по преимуществу, русское народное хозяйство, относительно бѣдны ресурсами для развитія тяжелой промышленности. В этом отношеніи старыя русскія земледѣльческія центры и новыя (в смыслѣ новизны своего экономического развитія) внѣ-земледѣльческія окраины могут и должны дополнять и дополнить друг друга. Здѣсь не может быть и не будет «метрополии» и «колоній», областей-эксплоататоров и эксплуатируемых стран — есть и будет экономически равноправный во всѣх своих частях и в то же время внутренне законченный евразійскій мір. Чѣм дальше будет продвигаться вперед его развитіе, тѣм с большей силой будет вырисовываться — также в сферѣ промышленности — существенная несопоставимость Россіи, как особаго и в предѣлѣ самодовлѣющаго міра, с отдѣльными европейскими странами — об-

разованіями гораздо болѣе дробных и «фрагментарных» масштабов.

Совѣтскій Союз находится не болѣе, как в началѣ этой эволюціи. Несмотря на отдѣльные успѣхи, контраст между освоенным Западом и совершенно пустынным Востоком, во многих случаях, остается огромным. Русскій народ, в своей подавляющей массѣ, и теперь народ исключительно «равнинный». Между тѣм, удесятая населеніе Урала и Алтая, в их горнопромышленных частях, наново заселяя Хибины, создавая горнопромышленныя колоніи в за-енисейских и дальне-восточных областях, русскій народ призван в гораздо болѣе, чѣм доселѣ, степени стать также и горным народом. В этих суровых и трудно доступных районах он должен найти ту полноту естественных ресурсов для великопромышленнаго развитія, которой часто ему недостает на коренной его территоріи.

В одинаково интенсивном освоеніи богатства и возможностей как русскаго Запада, так и русскаго Востока, заключается, по сказанному выше, один из разрѣзов грядущаго разрѣшенія «евразійской проблемы» русской исторіи. Истекшіе годы произвели сдвиг в этом направленіи. Но тѣм острѣе почувствовались дѣйствительныя размѣры, дѣйствительная грандіозность проблемы. Все сдѣланное по этой части до сих пор должно звучать, как призыв к совершенію несравненно большаго.

П. Савицкій.

Прага, март 1936 г.

Россія сегодня

В эти дни рѣшающих сдвигов, мѣняющих лицо революціонной Россіи, понятен наш общій напряженный интерес к совершающемуся там. Но понятна и чрезвычайная трудность правильной оцѣнки и общаго охвата событій. Мы видим куски и осколки жизни в отраженіи наших собственных взглядов. При таких условіях соотвѣтственная оцѣнка русскаго процесса становится дѣлом весьма рискованным. Читатели «Новаго Града»

не посядут на нас, если мы, вмѣсто собственной схемы, предложим им свободную запись бесѣд с человеком оттуда, совѣм недавно оставившим Россію. Конечно, и его взгляд на Россію сегодняшняго и завтрашняго дня есть неизбежно взгляд частный и не свободный от односторонностей. Однако, он имѣет преимущество, или даже два: сформироваться в непосредственной реакціи на окружающую жизнь и быть, по нашему мнѣнію, типическим для огромнаго круга совѣтских людей. Оговоримся сейчас же, какого круга: молодежи, вышедшей из деревни и с нею связанной, молодого поколѣнія крестьянства, прошедшаго через городскую культуру и оставшагося вѣрным деревнѣ, т. е. того класса, которому как будто бы принадлежит будущее. Говоря привычными формулами, наш собесѣдник большевик, но анти-коммунист, за Октябрьскую революцію, но против революціи колхозной. Он сам не выдает своих взглядов за настроеніе всей современной деревни; но говорит от имени ея передового, ведущаго слоя, — нынѣ, волею Сталина, загнаннаго в оппозицію. Прибавим к этому, уже от нашего имени, что ни один класс, как бы многочислен он ни был, не имѣет привилегіи представлять Россію. Россія живет в единствѣ не только всѣх составляющих ея частей, но и всѣх поколѣній, прошлых и будущих, и это единство иногда может быть доступнѣе одинокому мыслителю или художнику, чѣм сотням милліонов ея кровных, вѣрных, но часто близоруких сыновей.

I

— Поговорим сначала о хозяйствѣ. Хотя Вы сами признаетесь, что лучше знаете деревню, но нам хотѣлось бы сначала услышать Ваше мнѣніе о новой промышленности.

— Мнѣ пришлось извѣздить всю Россію, в том числе и новые центры промышленности, созданные пятилѣткой. Несомнѣнно, что органически они не вошли еще в новое хозяйство, не слились с ним, что для овладѣнія ими не достает свѣдущих рабочих, а еще болѣе талантливых и свободных в своем творчествѣ организаторов. Общее мнѣніе деревни о промышленном строительствѣ двух пятилѣток таково: дѣло это, быть может, и очень нужное, но находится в руках «никудышных хозяев»,

разорителей страны. Однако, «впустую» эта промышленность не построена: она не будет заброшена, как памятник причуды тиранической власти. Из года в год она, подобно скелету, будет обростать живой хозяйственной тканью, все тѣснѣе связываясь с потребителем.

Особенно это относится к промышленности, обслуживающей сельское хозяйство. Когда читаешь в зарубежной печати выдержки из совѣтских газет о цѣлых кладбищах заброшенных тракторов, о недостаткѣ частей для сельско-хозяйственных машин, о бессмысленной растратѣ средств и труда в погонѣ за технической интенсификаціей сельскаго хозяйства — не надо забывать, что вся эта «самокритика» говорит не об общем явленіи, а об исключеніях, правда, довольно частых. Я лично убѣдился в превосходной работѣ тракторов в Центральной Россіи, на Украинѣ, в Западной Сибири. Правда, жизнь вносит большіе коррективы в отвлеченные планы власти. Колхозы вступают в соглашенія с ближайшими ремонтными центрами и на основѣ «обмѣна» продуктов на инструменты и орудія, «снабжаются» добротными частями молотилок и хорошим прицѣпным инвентарем и проч. Все зависит от того, в чьих руках колхоз, и в какой мѣрѣ его члены заинтересованы в интенсификаціи колхознаго хозяйства.

— Раз уж мы перешли к деревнѣ, скажите, как Вы, агроном, оцѣниваете прежде всего технической уровень сельскаго хозяйства в Россіи.

— За время революціи с остротой, совершенно невѣдомой ни прежней Россіи, ни западному крестьянину, обнаружилось стремленіе рационализировать и улучшать хозяйство, будь оно ремесленно кустарное или земледѣльческое, — и непрѣмьно на основаніи «паучных данных». Книги и брошюры по сельскому хозяйству, животноводству и проч. зачитываются до дыр и в деревнѣ онѣ на вѣс золота. От прежняго скептицизма к книжкѣ не осталось и слѣда. Лишь бы книжка была дѣльной и написана специалистом. Не по дням, а по часам растет уваженіе к старым опытным кадрам деревни. Поиски стариков — овцеводов, льноводов и вообще прежних хранителей поколѣніями накопленнаго опыта, сохранившихся от истребленія, происходят не по приказу власти. Движеніе это шло снизу.

Деревня тщательно оберегала таких ревнителей и только теперь на верхах спохватились и узаконили это бытовое явление. Величайшим уважением окружают и молодого агронома, который не занимается показательным блефом, а реально помогает крестьянину в его работѣ. Зато новоиспеченные городскіе руководители колхозов, особенно в первый період их образованія, никаким уважением не пользовались. Пришлых из города руководителей крестьяне откровенно презирали и подчинялись им только из страха ссылки.

— Как Вы относитесь к колхозной системѣ?

— Я, как социалист (или, как теперь говорят, — солидарист) и агроном, убѣжденный сторонник коллективизации сельскаго хозяйства. Но это допустимо лишь путем добровольной кооперации. На этот путь деревня становилась в эпоху Нэпа. В 1928 году кооперация была уже очень сильна, в самых разнообразных формах. Крестьянин входил иногда в 4-5 кооперативных организаций. Кооперативными были часто и сбыт и инвентарь, все, кромѣ земли. Сталинская коллективизация все это сорвала.

— Каково сейчас матеріальное положеніе деревни?

— Выкачиваніе сельско-хозяйственных продуктов производится в размѣрах очень больших — до 80 процентов всей продукции — и часто обрекает на голод членов колхозов, в особенности мелких. Нормы выдачи в соответствии с «трудоднями» превращались временами в голодный паек. Положеніе нѣсколько смягчилось с разрѣшеніем имѣть в единоличном распоряженіи клочки усадебной земли. В общем хозяйственном оборотѣ эти «усадебные» участки имѣют гораздо меньшее значеніе, чѣм им придается заграничными псевдо-экономистами.

— Повышена или понижена продукция при колхозной системѣ?

— Здѣсь имѣется все время борьба двух тенденцій: улучшенной техники и сквернаго хозяйничанья. Колхозник не заинтересован в успѣхѣ своего труда. При ослабленіи надзора мы наблюдали в началѣ насильственной коллективизации случаи прямого саботажа, порчи урожая. Погибшая на корню жатва, вѣдь, сберегала труд уборки. Все-таки и при таких условіях урожайность стояла на довоенном уровнѣ. Я считаю, что это

было огромным регрессом, так как в эпоху деревенскаго Нэпа мы имѣли урожайность, которая на много превышала довоенную. В странѣ накопились огромные запасы творческой хозяйственной энергии, искусственно зажатой сталинским госкапитализмом. Малѣйшее раскрѣпощеніе инициативы, не столько индивидуальной, сколько мелких хозяйственных, прочно сколоченных, объединеній — даст невиданный рост производительности.

— Не воспитывает ли новое крѣпостное право в деревнѣ ненависть не только к власти, но и к городу вообще?

— Отношеніе деревни к городу, очень напряженное при военном коммунизмѣ, стало дружественно нормальным накануне насильственной коллективизации деревни. Тяга из деревни в город рѣзко упала. Ненависть к городу, выкачивающему хлѣб, рѣзко обострилась только с момента введенія «новой барщины».

— Удержатся ли, по Вашему мнѣнію, колхозы при свободном выходѣ из них?

— Колхозы в их нынѣшнем «сталинском» состояніи не имѣют шансов удержаться. В случаѣ предоставленія крестьянству выбора, «новая барщина», как ее называют крестьяне, безусловно прекратится. Но я думаю, что и единоличное землевладеніе не привьется в пореволюционной Россіи: слишком противорѣчат этому, как новый быт, так несомнѣнно впитанная страной увѣренность в выгодность усилія, к о н е ч н о, д о б р о в о л ь н а г о, не сопровождаемаго террором и бездарным нахрапом невѣжественных руководителей.

— Какова Ваша программа будущаго аграрнаго устройства Россіи?

— Я скажу не от своего только имени: мы в Россіи принципиально против всякой собственности на землю. Так думают 80-90 процентов совѣтских людей. Земля ни при каких условіях не должна быть предметом частнаго оборота. При сохраненіи национализации земли возможны разныя формы землепользованія. Россія велика и требует большого разнообразія хозяйственных форм.

Мое убѣжденіе в преимуществах коллективнаго хозяйства заставляет вѣрить в будущее свободной кооперации или колхо-

зов. Однако, при нынешнем настроении крестьянства, в случае катастрофического срыва режима, крестьяне сразу побегут из колхозов и безусловно раздѣлят землю. Кооператорам придется начинать сначала.

Совхозы, т.е. крупныя государственныя хозяйства, надо оставить в отдѣльных случаях, как хозяйства показательныя в районах населенных, а на окраинах рационализировать.

— Как Вы смотрите на будущее национализированной индустрии?

— Национализация должна сохраниться. Мы вовсе не хотим возвращаться к Нэпу. Частный оборот выгоден для жуликов. Я не отрицаю того, что сдѣлано в пятилѣтку, не считаю преувеличеніем даже темпы ея. Дезорганизована промышленность исключительно благодаря дурному управленію. Но русский народ сумѣет выдѣлать безкорыстных и знающих организаторов. Часть предприятий возьмут в свои руки органы мѣстного самоуправления. Мелкая кустарная промышленность, конечно, получит свободу. Но будущность ея может быть обезпечена только кооперацией.

II

— Перейдем к политикѣ. Нам хотѣлось бы прежде всего представить себѣ, как управляется современная Россія, особенно столь близкая вам деревня. Что такое в дѣйствительности сельскій совѣт?

— Современные совѣты, конечно, не выборныя учрежденія и не имѣют никакого вліянія. Еще 7 лѣт тому назад шла нѣкоторая борьба в сельских и рабочих совѣтах. Проводили иногда своих деревенских или заводских людей. Но судьба их чаще всего была плачевна. Они кончали тюрьмой и ссылкой. Теперь, если крестьяне и хотят кого-нибудь выбрать в совѣт, всѣ отказываются. Как правило, подтверждается список коммунистической ячейки. В него включаются и безпартийные, но безпартийные угодные коммунистическому начальству. Однако, и для них это может быть источником разных неприятностей. Свободнѣ других держатся на выборах женщины, которыя меньше рискуют.

— Из кого состоит коммунистическій актив деревни?

— Районная ячейка состоит обычно человек из 60-70. Она управляет всѣми селами, входящими в состав района. Район приблизительно равен одной трети бывшаго уѣзда. Руководящій состав весь пришлый. В селѣ всѣм верховодит секретарь ячейки (а не предсѣдатель сельсовѣта). Невѣрно думать, что коммунисты опираются в деревнѣ на мѣстную молодежь. Молодежь настроена к ним часто враждебно.

— Как велик идейный костяк партіи?

— Я думаю, что честных коммунистов не болѣе 10 процентов. Преобладают сейчас шкурники. В комсомолѣ процент убѣжденных комсомольцев еще меньше, чѣм в партіи. Большинство идет в комсомол ради карьеры или ради возможности учиться. Впослѣдствіи многіе комсомольцы, получив образование, уходят из партіи. Но партія окружена кольцом шкурников, стремящихся попасть в нее. Это не так легко; кандидатов строго отбирают, требуют поручителей, выдерживают на испытаніи до 5, даже до 10 лѣт.

— По какому принципу принимают в партію?

— Еще этой осенью принимали по социальному происхожденію, по рекомендаціи. Менѣ всего по знанію марксизма. Обычно безпартийные лучше знают Маркса. Если докопаться до идейнаго ядра в политическом запасѣ коммуниста, то окажется, что он сводится к требованію 100-процентной социализаціи.

— Каково отношеніе населенія к партіи?

— Настроеніе скорѣе враждебное. Если даже причислять к партійным приспособляющихся и шкурников, то их будет не болѣе 20 процентов. Остальные 80 процентов населенія ненавидят коммунистов. Черта, раздѣляющая двѣ Россіи в отношеніи к марксизму, очень четкая.

— За что крестьянство ненавидит коммунистов?

— Главным образом за грабеж и безхозяйственность. Народ говорит про них: «На яму хламу не напасешь». Не жертвы озлобляют, а их безцѣльность, расточеніе народнаго добра. Жестокость сама по себѣ не очень возмущает. Даже сочувствуют строгим наказаніям воров и дѣйствительных преступников. Особенно возмущает крестьян показная сторона хо-

зайства, все, что дѣлается для рекламы и пропаганды. Что касается коммунистическаго міровоззрѣнія, то народ, конечно, против марксизма, но не против матеріализма.

— Почему, по Вашему мнѣнію, партія проявляет такую безхозяйственность?

— И система дурна и люди. Люди подбираются по вѣрности извѣстному плану. Сильные и честные люди к ним не идут.

— Не распространяется ли ненависть к коммунистам и на совѣтскую интеллигенцію?

— Безусловно нѣт. Врачи, учителя, агрономы пользуются уваженіем в деревнѣ. Народ считает их за своих. Да и коммунистов в этой средѣ мало. Среди учителей коммунистов не болѣе 2-3 процентов, комсомольцев — не болѣе десяти. Среди агрономов и врачей нѣт и этого.

— Каково вообще политическое развитіе деревни?

— Деревня чрезвычайно выросла и прекрасно разбирается в политикѣ. Об этом можете судить потому, как читают газеты. Читают их в огромном количествѣ. Болѣе всего «Правду», потом «Извѣстія». «Правду» предпочитают потому, что она дает на день раньше многія правительственныя сообщенія. Деревня больше всего интересуется официальными декретами, которые ея прямо касаются. Обсуждают каждое слово, стараются найти юридическую базу для отстаиванія своих интересов. Для чтенія газет собираются обыкновенно по группам и свободно обмѣниваются мнѣніями. Читают критически, даже черезчур. Есть тенденція не вѣрить ничему, а иногда и понимать все наоборот. Интересуются тѣм, как живут в Европѣ, и, читая о страданіях европейскаго пролетаріата, не только не вѣрят, но идеализируют Запад. Смотрят в кино сцены из жизни европейских безработных, убѣждаются, что безработные одѣты лучше наших рабочих.

— Не скажете ли чего-нибудь о совѣтском управленіи в городѣ?

— Совѣтскій аппарат извѣстен. Это аппарат бюрократическій. Совѣты сведены к фикціи. В этой системѣ особое мѣсто занимает ОГПУ (нынѣ ДГПКВД). Главные агенты власти в городѣ: политическій представитель ОГПУ и секретарь

партійнаго комитета. Кто из них сильнѣе и вліятельнѣе, это зависит от человѣка.

— Вы, слѣдовательно, не думаете, что компартія связана с населеніем. Если страна ее ненавидит, каким образом Вы представляете конец партійной диктатуры?

— Катастрофическій взрыв, к сожалѣнію, имѣет за собой большую вѣроятность. Однако, он означает такое море крови и такія разрушенія, так как партія, конечно, не сдастся без боя, что этого исхода нельзя желать для Россіи. Особенно в условіях надвигающейся военной опасности. Я предпочел бы, чтобы партійная диктатура была изжита в порядкѣ эволюціи.

— Но так называемаго дворцоваго переворота Вы не исключаете?

— Дворцовый переворот в Россіи может легко стать сигналом к общему возстанію, и тогда он сведется к первому случаю. Слишком много накопилось ненависти. То, что я называю эволюціей, скорѣе предполагает сохраненіе преемства власти, которая постепенно переходит в руки людей, согласных распустить или реформировать компартію и назначить свободные выборы в совѣты. Совѣтскій аппарат возьмет власть. В этом и будет состоять сущность переворота. Даже при этих условіях я не считаю исключенным взрыв низоваго террора против вчерашних палачей.

— У нас часто говорят, что совѣтская система может функционировать только при условіи партійной диктатуры.

— Я с этим не согласен. В самом совѣтском аппаратѣ найдутся люди, способные вести Россію и без коммунистов. Я вѣрю в силы и сознательность народа. Мы видим таких людей во всѣх отраслях жизни. Сейчас им только мѣшают работать. Придя к власти, они сразу дадут почувствовать Россіи, что пришел настоящій хозяин.

— Какія перемѣны в совѣтском строѣ Вы считали бы необходимыми?

— На первое время я сохранил бы цѣликом нынѣшнюю систему выборов. Улучшенія можно будет проводить потом. Наша система имѣет то преимущество перед прямыми выборами, что народ выбирает своих людей по их достоинствам, а не по партійным ярлыкам. Съѣзды совѣтов должны быть рѣд-

кие, но они реально контролируют правительство. Правительство, каково бы ни были его происхождение, ответственно перед съездом советов.

Как Вы относитесь к демократическим свободам?

— Я стою за свободу. Безусловно необходимо дать свободу печати. Однако, не всякой. Печать контр-революционная или защищающая капитализм не должна быть допущена. То же и с партиями. Я против единой правящей партии, партий может быть несколько. Но контр-революционных мы не потерпим. Мы не позволим опять закабалить народ и развратить его.

— Кто это вы?

— Мы молодой революционный актив страны. Мы все, стоящие на почве революции, но отрицающие коммунизм. Новая советская интеллигенция. Между собой мы легко сталкиваемся на почве реальных нужд страны. Если хотите, это будет диктатура актива, но имеющая временный характер. Ее задача — облегчить установление в народ пореволюционной солидарности.

III

— Нам хотелось бы услышать ваше мнение по национальному вопросу в России. Вы много поехали по России. Вы работали в Великороссии, на Украине, в Туркестане, в Сибири. Встречались ли Вы с симптомами сепаратизма?

— Я отрицаю опасность сепаратизма для России. На Украине (и в русских и в украинских районах) я везде чувствовал себя дома, — хотя и «в разных комнатах». Ко мне относились, как к своему, хотя я плохо говорю по украински. Доклады меня просили читать по русски. Язык там никого не стесняет. Среди советских работников больше русских, да и доклады на собраниях чаще читаются по-русски.

— А каково настроение среди «нацменов» Туркестана?

— В общем я наблюдал, что они лучше относятся к Советскому Союзу, чем само русское население. Они, действительно, многое получили от революции. Басмаческое движение питалось ненавистью местной знати. Это движение сейчас не имеет почвы в населении. Среди служащих русской элемент преобладает. Русские фактически управляют страной. Но в

председатели советов обыкновенно проводят туземцев. Бывают и судьи нацмены.

— Ваше впечатление от Сибири?

— В Сибири сейчас 35 миллионов жителей, главным образом русских. Работая среди бурят, я мог убедиться, что они довольны советской властью.

— Существует ли в России еврейский вопрос?

— Нет. Антисемитизма в России сейчас не существует. Никогда крестьяне не жаловались при мне на евреев агрономов. Ругают евреев обыкновенно неудачники. Хотя есть профессии, где, по разным причинам, евреи представали особенно густо. Много их почему-то в хлебосоюзе. Я помню, был конгресс математиков. Половина съезда была из евреев.

— Что делать с национальными меньшинствами после ликвидации коммунизма?

— Оставить все как есть. Только расширить пределы свободы, децентрализации. Можно оставить даже «право на отделение», которое стоит в советской конституции. Конечно, в переходное время правительство может употребить силу, чтобы сохранить единство страны. Но в дальнейшем, если какая-нибудь народность проявит решительное нежелание оставаться в Союзе, она может выйти, после плебисцита.

— Вы не считаете, что отделение Украины может быть роковым для Великороссии по причинам экономическим?

— Нет. Россия очень могущественна и все равно, будет иметь выход к Черному морю. И Донецкий бассейн останется в Великороссии. Украина потеряет больше.

— Сепаратисты еще рассчитывают на внешних врагов России. Как стоит этот вопрос? Будут ли красноармейцы из крестьян защищать родину — или там возникнут пораженческие настроения?

— В России чрезвычайно возросло сознание своего человеческого и национального достоинства. Вражда к власти остается в силе, но массы понимают, что нельзя играть судьбой страны. Перед лицом внешней опасности громадное большинство будет за оборону.

— Поговорим теперь о культурѣ. О народном образованіи прежде всего.

— Я думаю, что в общем оно поставлено прекрасно. Среди дѣтей школьнаго возраста неграмотных уже нѣтъ. Для всѣх обязательна 4-лѣтняя школа. Многие посѣщают семилѣтку и даже десятилѣтку. В каждом районѣ есть 1 десятилѣтка и 2-3 семилѣтки. Школьная сѣть, мнѣ кажется, теперь в 5-6 раз гуще, чѣм до революціи. Много школ устроились по бывшим имѣніям, построены и новыя здания.

— А что дѣлается для образованія взрослых?

— Множество всяких курсов, особенно технических, которые усердно посѣщаются. На них, конечно, приходится заниматься и общей грамотностью. Так в Россіи еще недавно насчитывалось до милліона трактористов, прошедших специальные курсы. Есть и культурные клубы. Не всѣ клубы превратились в очаги хулиганства, конечно. А затѣм примите во вниманіе такія средства для расширенія культуры, как радио, газеты, سینема. В каждой деревнѣ есть нѣсколько радіопріемников. В среднем один аппарат на 10 дворов. Есть районы радіозированные сплошь. Газет читают так много, что их не хватает, несмотря на полутора-милліонные тиражи. Синема есть в каждом районѣ. Существуют и передвижныя. Много новых театров. В репертуарѣ преобладают старыя пьесы. Новыя пьесы, большею частью, плохія, тенденціозныя. В драмѣ ставят приблизительно одну новую пьесу на двѣ старых.

— Каковы главные пробѣлы совѣтскаго образованія?

— Об исторіи свѣдѣнія очень слабыя. Даже из русских классиков не всѣ читали Толстого, Достоевскаго. Молодежь интересуется больше Тургеневым и Пушкиным. Есть писатели, изъятые из библіотек: Салтыков-Щедрин и Есенин (Есенин принадлежит к любимым поэтам). Старых русских социалистов не марксистскаго толка мало знают.

— Вы были студентом вузов в 20-х годах. Каковы Ваши впечатлѣнія о высшей школѣ?

— Всѣ мы, или почти всѣ, учились на стипендіи, которая дается на 5 лѣт. Среди студентов по моим наблюденіям, при-

шедшіе с рабфаков были самые серьезныя. Лабораторныя занятія у нас преобладали над лекціями раза в 2-3. Учились усердно, но с 1929-1930 г.г. общественная нагрузка чрезвычайно мѣшала. Комсомольцев среди студентов было мало. Какихнибудь 10-15 процентов. Я помню случай на курсах, когда среди 500 агрономов было всего 28 коммунистов. За то в нѣкоторых специальных учебных заведениях (напримѣр военных) партійная прослойка подымается до 80-90 процентов. Присутствіе партійцев и доносчиков вносило недоверіе и осторожность в отношенія. В разговорах хитрят, косятся друг на друга, пока лед не сломан и не найден общій язык.

— Каковы идейныя стремленія молодежи?

— Большинство думает о своей карьерѣ. Но есть и энтузіасты общаго блага. Я думаю, таких около 15 процентов. Есть люди, относящіеся критически к политической дѣйствительности. Возмущаются жестокостью правительства. Главным образом, безполезной жестокостью. В увлеченіи техникой и строительством силен спортивный интерес (парашютизм). Но есть и мотивы служенія. В Арктику идут работать ради служенія. Существуют и кружки среди молодежи. Я знал в 1927-1929 г.г. кружок толстовцев. Большинство из них сидят сейчас по тюрьмам за отказ от воинской повинности и многое другое. Знал я кружок, гдѣ читали Толстого, Бердяева, Крапоткина.

— Каково положеніе религіи и церкви в Россіи?

— Я сам человек нерелигіозный, но отношусь к религіи без ненависти. В деревнѣ огромное большинство соблюдает церковныя обряды, как старики, так и молодежь. Вѣнчаются почти всѣ в церкви. Храмов в деревнѣ закрыто не много, — может быть, десятая часть. Большинство церквей закрыты в эпоху коллективизаціи, но потом были открыты вновь. В городѣ, конечно, другое: там закрыто до 80 процентов церквей. В деревнѣ посѣщать церковь совершенно безопасно. В городѣ опасность несомнѣнная, и она возрастает в зависимости от профессіи. Рабочему и солидному спецу можно ходить в церковь, для совѣтскаго служащаго это трудно. Безусловно невозможно для педагога или командира красной арміи.

— Каково положеніе духовенства?

— Священники хозяйства своего не имѣют, а живут на

счет общины, которая и несет тяжесть их налогов. Остались среди духовенства только люди идейные. Есть одинокие из бывших монахов, есть и молодые. Ставят иногда и из простых крестьян. Пьянства среди них не наблюдается. Живут примѣрно и хорошо молятся, но проповѣдуют мало. Вліяніем на народ не пользуются. Власть систематически удаляет всѣх выдающихся людей среди духовенства. Чуть появится сильный проповѣдник, его сейчас же сажают и ссылают. Без всякой вины, просто за вліяніе.

А каково внутреннее отношеніе к церкви населенія?

— Молодежь к религіи индифферентна. Но воинствующих безбожников мало, даже среди комсомола. Есть, конечно, явления, которыя указывают на силу религиозных настроеній. Я сам наблюдал в 1930 г. в Волчанском районѣ, в Бѣлой Церкви, массовое паломничество к какому-то чудотворному источнику.

— А что Вы знаете о сектантствѣ?

— В 1927 г. сектантов считалось по всему Союзу около 5 милліонов. За годы коллективизаціи сектанты и старообрядцы сильно пострадали в числѣ мнимых кулаков. Послѣ усилились баптисты. Они проявляют особенную ревность в проповѣди. Их ссылают. Разстрѣливают рѣдко, большей частью за контр-революціонные разговоры.

— Какія мѣры, по Вашему, необходимы для улучшенія образованія и урегулированія положенія религіи в государствѣ?

— Прежде всего снять коммунистическій надзор и гнет над школой. Обеспечить болѣе рациональное расходование средств. Особенно коренных реформ я не предвижу. В высшей школѣ необходимо сохранить нѣкоторый контроль правительства. Недопустимо, чтобы профессор на казенныя деньги вел пропаганду реставраціонных идей.

Религія должна быть совершенно свободна, но не пользоваться покровительством. Церковныя зданія надо вернуть вѣрующим, но ни копѣйки государственных средств на поддержаніе культа. Духовенство должно быть уравнено в правах со всѣми гражданами. Но я бы держал священников под особым надзором, так как они представляют собой, по моему мнѣнію, в данное время, контр-революціонный элемент.

Индустріализм, коммунизм

и утрата личности

Нам довелось жить в знаменательную историческую эпоху перехода к новому экономическому порядку и вмѣстѣ с тѣм к новому духовному строю жизни. Высокое развитіе техники и взаимозависимость экономической жизни всѣх народов обязывает к организаціи хозяйственной дѣятельности, как единого цѣлаго, к плановости ея и осуществленію многих требованій социализма. Правда, наиболѣе распространенная социалистическая партія (соціалдемократія) терпит во многих странах, вслѣдствіе своего доктринерства, узости и фанатической нетерпимости, тяжкія поражения; на мѣсто ея побѣдоносно выступают другія общественныя теченія, но силою необходимости они принуждены осуществлять многое из того, чего требует социализм. Когда новая форма экономического порядка будет осуществлена, возможно, что человечество станет создавать грандіозныя матеріальныя богатства, которыя могут быть средством для пышнаго расцвѣта индивидуальной духовной жизни и высокаго подъема духовнаго творчества; возможно однако и то, что развитіе общественной жизни пойдет по иному пути, ведущему к паденію духовнаго творчества и такому приниженію личности, что не для кого будет существовать богатству.

Признаки упадка личнаго, индивидуальнаго бытія человека появились в самых различных странах: в Совѣтской Россіи, в Соединенных Штатах Америки, в Германіи. Поэтому можно предполагать, что современная культура содержит в себѣ много различных условій, таящих в себѣ тенденцію деперсонализации человека. Из них я рассмотрю лишь односторонній коммунизм и индустріализм, т.-е. чрезвычайное развитіе промыш-

ленной дѣятельности, связанное с преувеличенною оцѣнкою ея значенія, как, напримѣр, в Соединенных Штатах Америки.

Чрезвычайное развитіе промышленности в Соединенных Штатах, кипучая активность американцев, быстрый темп жизни требует развитія двух способностей: воспріятія внѣшняго міра и быстрого отвѣта на это воспріятіе дѣйствіем во-внѣ. При этих условіях внутренняя душевная жизнь остается мало развитою: фантазированіе, мечтательное настроеніе, философское умозрѣніе не свойственны американцу; на это у него нѣтъ времени. Соціальныя функціи человѣка развиваются и выдвигаются на первый план, темп осуществленія их очень ускоряется, но они принимают стандартизованный характер и становятся безличными; индивидуальное общеніе человѣка с человѣком, вживаніе одного лица во внутренній, единственный и незамѣнимый мір другого лица ослабляется, способность к нему отмирает. Особенно замѣтно это в таких общественных учрежденіях, как, напримѣр, большіе магазины, рестораны, почта, гдѣ ежедневно выполняется множество функций: служащіе в них вырабатывают безличное отношеніе к кліентам, и кліенты пользуются услугами их также безлично, едва замѣчая их внѣшность настолько, чтобы ориентироваться при сношеніях с ними. На первый взгляд эта безличность кажется очень полезным приспособленіем: она ведет к значительной экономіи сил. Однако отсюда возникает опасность распространенія безличнаго отношенія на всѣ случаи общенія людей, опасность отмиранія внутренней жизни и превращенія человѣка в робота. Остаток личнаго отношенія символизируется еще привѣтливою улыбкою, но и она стандартизована и потому могла бы быть воспроизведена роботом.

Не только при выполненіи профессиональных обязанностей, но также и в остальных сторонах жизни современная цивилизація выдвигает на первый план соціальное общеніе, оставляя мало мѣста общенію индивидуальному: встрѣчи с людьми происходят преимущественно в самых разнообразных обществах, клубах (напримѣр, в Соединенных Штатах), на съѣздах, официальных приѣмах, обѣдах, раутах и т. п. Отношенія лю-

дей в этих собраніях глубоко отличаются от индивидуальнаго общенія. Чтобы отдать себѣ отчет в этом, представим себѣ то глубокое, интимное проникновеніе в индивидуальную, своеобразную внутреннюю жизнь, которое возникает на почвѣ любви одного лица к другому, особенно в семейной жизни, в отношеніях жениха и невесты, мужа и жены, родителей и дѣтей, братьев и сестер, дѣдушек, бабушек и внуков; единственныя, неповторимыя и незамѣнимыя по своей цѣнности переживанія возникают в этой атмосферѣ индивидуальнаго общенія каждый день. Не менѣе высокую цѣну имѣют индивидуальныя связи, возникающія на почвѣ дружбы, и даже простое пріятельство вносит в жизнь много свѣта и тепла. Совсѣм иной характер имѣет общеніе людей в политическом клубѣ, научном обществѣ, на съѣздѣ, вообще в собраніи объединенном общими цѣлями, интересами или ученіями, выразимыми в отвлеченных понятіях. Здѣсь человѣкъ является не как индивидуум, а как соціальная единица, элемент или орган соціальнаго цѣлаго. Переживанія могут быть чрезвычайно сильными и значительными, особенно у вождей, учителей, артистов, которые приковывают к себѣ общее вниманіе и приобрѣтают славу, вліяніе, положеніе своим общественным творчеством; они воспринимаются обществом, как индивидуумы, и сами переживают свою дѣятельность, как индивидуальное творчество, но всѣ остальные, которые слѣдуют за ними, превращаются в однородную массу, и задача соціальнаго вліянія вождей и учителей состоит в том, чтобы выработать у многих лиц одинаковые взгляды, вкусы и дѣйствія. Такая цивилизація стандартизует не только вещи, но и многія духовныя проявленія человѣка.

По мѣрѣ того, как соціальное общеніе начинает господствовать над индивидуальным, и все большее количество функций человѣка социализируется, все болѣе упрочивается привычка смотрѣть на человѣка не как на единственнаго и незамѣнимаго в своем личном своеобразіи Петра Ивановича Х, а как на экземпляр группы, выразимой общим понятіем: инженер, профессор математики, полицейскій, шахтер. В этом своем соціальном аспектѣ человѣкъ цѣнится за опредѣленные каче-

ства, дѣлающія его пригодным для выполнения точно установленных функций; индивидуальное своеобразие его все меньше цѣнится и не замѣчается; мало того, в тѣх случаях, когда оно ярко выступает и выдѣляется из общаго стандартнаго фона, оно кажется отталкивающим, заслуживающим осужденія, как это прекрасно изображено в романѣ Синклера Льюиса «Babbitt». В русской литературѣ о «дегуманизаци» человѣка, возникающей под вліяніем крайняго индустриализма, давно уже говорит Н. А. Бердяев. В германской литературѣ недавно заговорил об этом граф Кейзерлинг.

Стандартизація и социализація поведенія очень упрощает и потому облегчает жизнь. Лев Толстой со свойственным ему мастерством обрисовал чувство успокоенія и облегченія, которое испытал Николай Ростов, вернувшись из Москвы на театр военных дѣйствій в свой полк: «Тут в полку все было ясно и просто. Весь мір был раздѣлен на два неравные отдѣла: один — наш Павлоградскій полк, а другой — все остальное. И до этого остального не было никакого дѣла». «Выдумывать и выбирать нечего, только не дѣлай ничего такого, что считается дурным в Павлоградском полку; а пошлют, дѣлай то, что ясно и отчетливо опредѣлено и приказано, — и все будет хорошо». Ростов поставил себѣ цѣлью «служить хорошо и быть вполне отличным товарищем и офицером, т.-е. прекрасным человѣком, что представлялось столь трудным в міру, а в полку — столь возможным».

Свободное исканіе совершеннаго нравственнаго добра, истиннаго міропониманія, подлинной красоты таит в себѣ опасности срыва в пропасть, возлагает на человѣка личную, индивидуальную отвѣтственность, требует сильнаго, независимаго характера. Неудивительно, что многіе люди готовы отдать свое первородство за чечевичную похлебку, отказаться от развитія своей индивидуальности и низвести себя на степень клѣтки социальнаго блага, лишенной всякой самостоятельности. Вступленію на путь такого униженія личности содѣйствуют распространенныя в наше время философскія ученія, неспособныя выработать понятіе индивидуума, как абсолютно цѣн-

ной, неповторимой и незамѣнимой сущности; таковы материализм, бихевиоризм, позитивизм, так называемая «научная философія» и т. п.

Там, гдѣ государство сознательно вступило на путь полнаго подчиненія индивидуума обществу и социализаціи всѣх функций человѣка, является тенденція принудить всѣх граждан принять одно и то же казенное міровоззрѣніе: в С.С.С.Р. діалектическій материализм обязателен для всѣх профессоров, учителей, журналистов, служащих; в Германіи является тенденція придать идеологіи расизма значеніе обязательнаго міровоззрѣнія. Длительное господство такого режима ведет, как это наблюдается в Совѣтской Россіи, к глубокому упадку философіи: движеніе философской мысли вперед прекращается, философское изслѣдованіе бытія, вслѣдствіе привычки к готовым формулам и обязательности их, исчезает и замѣняется доказательствами посредством цитат из канонизированных авторов, цѣлыя фразы или части фраз становятся стереотипными и повторяются во всѣх книгах и статьях с удручающим однообразием. Дальнѣйшим фазисом такой эволюціи должно быть полное исчезновеніе философской мысли и замѣна ея рѣчевыми рефлексами; наконец, и эти рефлексы должны отпасть и функція выработки міровоззрѣнія может замѣниться указаніем на символ, вродѣ серпа и молота, свастики и т. п.

Естественным слѣдствіем такой эволюціи является стремленіе государства подчинить себѣ всѣ журналы и газеты и допускать только казенную прессу, как это уже осуществлено в Совѣтской Россіи. Интерес населенія к такой прессѣ падает; постепенно она должна превратиться в информационныя листки с объявленіями, сообщеніями о фактах общественной жизни и т. п.; кромѣ того, она может еще играть роль средства для дрессировки граждан, вырабатывающей у них новыя привычки, требуемыя частными измѣненіями в области техники, в порядкѣ общественной жизни и т. п.

Искусство при таком направленіи эволюціи подчиняется задачѣ исполнять «соціальный заказ», как это наблюдается уже в Совѣтской Россіи. Оригинальное художественное творче-

ство, ставящее человека лицом к лицу с последними тайнами мироздания, способное перевернуть всю душу человека и направить развитие его на новые пути, невозможно в таком обществе: где нет свободы индивидуального искания, там не может возникнуть «Божественная Комедия», «Гамлет», «Фауст», «Братья Карамазовы». Искусство, как и философия, становится средством выработки у граждан единообразного, для всех обязательного миропонимания. Но и эта роль принадлежит ему лишь в начальном периоде такой эволюции. Когда эта цель будет достигнута и внутренняя душевная жизнь личности будет настолько опустошена, что всякое лицо будет низведено на степень только средства для выполнения общественных функций, тогда и роль искусства станет еще более подчиненною: оно будет низведено на степень лишь забавы, игры.

Человек, с опустошенною внутреннею жизнью, сохраняет преимущественно два типа функций: рецептивные и моторные, т.е. восприятие внешнего мира и мускульные реакции на него. Соответственно этому искусство, низведенное на степень забавы, будет состоять из романов со «счастливым концом», балетных спектаклей, кинематографических представлений со стремительною сменою действий. Такие рецептивные забавы не более содержательны, чем зрелище спортивных состязаний или погоня на автомобиль с быстрою сменою впечатлений без сосредоточения и углубления в них, вызывающего расцвет внутренней душевной жизни. Моторные игры, футбол, теннис и т. п. и всевозможные спортивно-моторные состязания уже теперь занимают много места в жизни человека, а тогда они расцветут еще более пышно.

Общество, в котором личность рассматривается не как абсолютно ценный индивидуум, имеющий цель в самом себе, а как только средство для процветания коллектива, утрачивает идею неотъемлемых прав личности: отношения государства к индивидууму определяются в нем не правом, а социальною целесообразностью; любое вмешательство в жизнь личности считается допустимым, если оно признано полезным для коллектива.

Есть два мощных фактора, выступающих на защиту прав личности: христианская религия и семья. Христианство признает абсолютную ценность личности, сотворенной по образу Божию; оно утверждает, что, кроме жизни в биологическом смысле, есть еще более высокая сверхбиологическая цель деятельности человека; выше общества, нации, государства оно ставит отношение человека к Богу и к абсолютным ценностям истины, нравственного добра, красоты, вечной и совершенной жизни в Боге. Высшие творческие деятельности человека осуществляются не иначе, как на основе безкорыстной любви к Богу и абсолютным ценностям, к числу которых принадлежит также и ценность личности; подлинная, т.е. безкорыстная любовь возможна только, как свободное проявление человеческого духа. Поэтому, согласно христианскому мировоззрению в его последовательно продуманной форме, существуют такие области жизни человека, в которых насильственное вмешательство извне кощунственно.

Христианская религия защищает неотъемлемые права человека, исходя из абсолютного достоинства личности, имея в виду идеал достижения ею абсолютного совершенства. Семья гораздо непосредственнее, чем религия, отстаивает права своих членов на основе любви к ним и конкретного переживания абсолютной ценности их; далее, на этой почве естественно возникает признание за каждою личностью таких прав, нарушение которых недопустимо ни в каком случае. Отсюда понятно, что эволюция общества, отвергающая самоценность личности, сопровождается борьбою против христианства и против семьи. Бешеная ненависть советских коммунистов к христианству и жестокая борьба их против религии известна теперь всем. Семью они также стараются принизить и разложить, распространяя учение о том, что любовь есть не более, как удовлетворение физиологической потребности, и стремясь оторвать детей от родителей путем воспитания их в приютах или, по крайней мере, путем вовлечения их во всевозможные комсомольские и пионерские организации, клубы и т. п.

Когда индивидуальные связи человека с человеком ра-

сторгнуты, личность в ее индивидуальной внутренней жизни обезличена, а ценность общества безмерно преувеличена, тогда естественно является такое вмешательство государства в личную жизнь, как насильственная стерилизация субъектов, потомство которых может оказаться экономически или биологически убыточным для общества. Дальнейшая степень вмешательства государства в личную жизнь будет состоять в том, что все размножение будет регулироваться правительством. Искусственное оплодотворение, применяемое теперь в скотоводстве, может быть использовано и для управления размножением человечества. Тогда в обществах, увлекающихся идеей чистоты расы, сотни тысяч самок могут быть оплодотворены сменем нескольких образцовых представителей расы или, может быть, даже одного вождя. Остальным гражданам половые функции могут быть предоставлены в видъ «забавы», не ведущей за собою никаких осязательных послѣдствій. При таких условиях эта функция у громаднаго большинства человеческих особей атрофировалась бы и они превратились бы в бесполовых рабочих, как это наблюдается у муравьев, термитов, пчел. Ил. Мечников давно уже писал о возможности такой эволюции, при которой произойдет «раздѣленіе людей на наиболѣе и наименѣе плодovitых или даже и вовсе бесплодных». ¹⁾

Такому направлению развитія человеческого общества способствуют псевдо-научныя теории современной евгеники, не усматривающей сверхбиологических цѣлей и функций человека. Исходя из чисто натуралистического міропониманія, она цѣнит только здоровье и силу средняго человека и упускает из виду, что эпилепсія, исторія и т. п. уклоненія от нормы, может быть, являются, в условиях земного ограниченнаго бытія, неизбежными спутниками гениальности, творящей новыя высшія ценности. Я вовсе не утверждаю при этом, будто всякій гений есть душевно и тѣлесно больное существо. Я имѣю в виду только то, что гений рождается в семьѣ, в которой упроченное равновѣсіе средняго типа жизни нарушено и потому возможно

¹⁾ Ил. Мечников, Закон жизни. По поводу нѣкоторых произведеній Л. Толстого. «Вѣсти. Европы», 1891, сент., стр. 252.

появление нѣскольких индивидуумов с болѣзненными разстройствами и одного счастливаго исключенія, посетителя новой, оригинальной формы творчества, обогащающаго жизнь всего человечества. Если это вѣрно, то управление размноженіем на основѣ теорій современной науки приведет только к пониженію духовности человека и выработкѣ расы биологически здоровых и шаблонно «красивых» посредственностей. Впрочем, это именно и нужно тому обществу, в котором отвергнута абсолютная ценность индивидуальной личной жизни и поставлена цѣль превратить человека только в подчиненный орган коллектива.

Дальнейшая степень развитія в этом направленіи будет состоять в том, что государство сочтет себя в правѣ уничтожать идиотов. Вступив на этот путь, нельзя уже остановиться и найти границу допустимаго: уничтоженію станут подвергаться неизлѣчимо больные, дѣти, родившіяся слабыми, болѣзненными и уродливыми (как это было в Спартѣ), наконец, старики, как это практикуется у нѣкоторых первобытных народов. Одно калифорнійское племя расправлялось со стариками очень просто: дряхлаго отца семейства, неспособнаго принести вязанку дров из лѣсу, валили на пол, клали ему на шею палку и два человека садились по краям ея, надавливая ее, пока старик не задохнется. ²⁾ Культурное человечество, конечно, не будет применять таких варварских приѣмов: оно изобрѣтет средства безболѣзненнаго умерщвленія бесполезных членов общества и даже позаботится об эвтаназіи их (блаженной смерти).

Возможен слѣдующій парадокс историческаго развитія человечества. В современном, сравнительно бѣдном обществѣ, с развитым институтом частной собственности неимущіе больные, старики и т. п. предоставлены своей участи, они страдают и умирают свободно; коррективом против этих бѣдствій являются личныя индивидуальныя отношенія человека к человеку, семейная любовь, дружба, пріятельство, побуждающія оказывать помощь страждущим иногда из послѣдних средств и сил;

²⁾ См. *Westermarck, Ursprung und Entwicklung der Moralbegriffe*. I т., 324 с.

на этой почвѣ признанія цѣнности всякой личности в современном обществѣ все болѣе развивалось челоуѣколюбие вообще и заботы о созданіи общественных организаций для помощи больным, старикам, неспособным к труду. Общество, в котором будет отмѣнено право частной собственности, создаст при высоком развитіи техники колоссальныя богатства; но если оно вступит при этом на путь социализаціи всѣх функций челоуѣка, ведущій к ослабленію индивидуальных связей, личные стимулы помощи страдающему индивидууму, как таковому, упадут, а заботы о цѣлесообразном, т.е. выгодном коллективу использованіи общественного имущества чрезмерно возрастут, и отсюда возникнет практика уничтоженія бесполезных обществу лиц. Возможен даже и такой общественный порядок, при котором опредѣлено число особей, выполняющих тѣ или иныя общественныя функции, наиболѣе выгодныя для коллектива; как только, при измѣнившихся условіях, число их окажется слишком большим, избыток особей, именно тѣх из них, которыя менѣе приспособлены к дѣятельности, уничтожаются. Недавно, при обсужденіи вопроса о средствах борьбы с безработицею, одно лицо высказало мнѣніе, что современный экономическій кризис легко можно преодолѣть слѣдующей простокмѣрою: рабочіе, достигшіе сорокапятилѣтняго возраста, становятся менѣе способными к труду; их надо уничтожать, тогда безработных не будет. В высоко развитом социальном строѣ термитов этот пріем ограниченія числа особей уже осуществлен: если в гнѣздѣ количество воинов слишком велико, часть их перестает получать пищу и таким образом обрекается на умирание от голода. В Совѣтской Россіи к этому пріему прибѣгают в отношеніи ко всѣм лицам, которыя считаются психологически неприспособленными к коммунистическому строю, как священники, бывшіе помѣщики, фабриканты и т. п.; они зачисляются в разряд лишенцев и теряют право получать продукты из кооперативов, что в странѣ, гдѣ почти уничтожена свободная торговля, неизбѣжно ведет к голоданію. Если такой голодающій унесет с поля пучек колосьев или из колхознаго амбара горсть зерен, он подвергается опасности разстрѣла

вслѣдствіе доноса не только односельчан, но даже и собственного сына, дочери или внука. В самом дѣлѣ, в странѣ, гдѣ цѣнность коллектива абсолютирована, шпіонство и доносительство прославляются, как добродѣтели. В Совѣтской Россіи дѣти, предавшія членов своей семьи путем доноса, получают особыя награды и удостоиваются всяческих похвал, как лица, поставившія интересы общества выше личных отношеній.

С ужасом думая об обществѣ, в котором личные индивидуальные отношенія почти утрачены, я вовсе не собираюсь проповѣдовать отказ от машинной промышленности и возврат к единоличному ручному труду, а также вовсе не желаю пробудить преувеличенный страх к социализму или коммунизму. Человѣческая природа чрезвычайно пластична и способна к многосторонности: высокое развитіе социальной организованности, требуемое современной промышленностью и переходом к осуществленію нѣкоторых сторон социалистическаго идеала, вполне совмѣстимо с сохраненіем и даже углубленіем личных индивидуальных отношеній, духовной свободы и индивидуальнаго творчества. Чтобы осуществить синтез социального и индивидуальнаго развитія, необходимо отстаивать цѣнности индивидуальнаго общенія, семьи, дружбы, пріятельства, поддерживая все, что содѣйствует углубленію внутренней душевной жизни.

Разрабатывать идеал, сочетающій социальныя и индивидуальные цѣнности, можно только на основѣ міровоззрѣнія, свободнаго от односторонности, как атомистическаго индивидуализма, так и универсализма, отрицающаго цѣнность индивидуума. Христіанское міровоззрѣніе именно содержит в себѣ синтез высоких сторон индивидуализма и универсализма: оно утверждает абсолютную цѣнность индивидуальной личности, но открывает, что совершеннаго осуществленія своей индивидуальности личность может достигнуть не иначе, как на основѣ любви к Богу и ко всѣм другим личностям, на основѣ единокорнаго стремленія всѣх существ к достиженію полноты жизни путем соборнаго творчества.³⁾

3) См. мои книги «Свобода воли» и «Цѣнность и бытіе. Бог и Царство Божіе как основа цѣнностей».

Сторонники иерархического персонализма признают, что человеческое общество есть личность высшего порядка, т.е. стоящая на более высокой степени развития, чем входящие в ее состав люди, и каждый член общества обязан отдавать часть своих сил на служение целому. Однако, из положения, согласно которому всякая личность абсолютно ценна, вытекает следующее парадоксальное следствие: личность составляющая часть социального целого, поскольку она есть абсолютная ценность, равна социальному целому по своему достоинству и не должна быть низводима на степень только средства, только органа целого. Конечная цель всякой личности, участие в соборном творчестве, реализующем абсолютные ценности, достижима не иначе, как путем свободных исканий и усилий каждой личности. К этой цели ведет не инвентаризация, а индивидуальное воспитание каждой личности, приобщающее к абсолютным ценностям истины, нравственного добра, красоты, полноты соборной жизни. Для использования досуга, который явится при возрастании материального богатства, необходимо уже теперь приобщать народные массы к духовным благам культуры. Высшее образование должно в ближайшем будущем стать доступным каждому лицу, и цель его должна состоять в том, чтобы подготовить каждое лицо, сообразно его способностям, к активному, хотя бы и скромному участию в высших формах творчества в области техники, науки, искусства, религиозной жизни.

Осознать и осуществить способы развития свободной индивидуальной личной жизни необходимо потому, что мы стоим на распутье исторического процесса: от нашего выбора зависит, начнем ли мы строить нечто вроде гнезда термитов, где каждое существо превращено только в орган целого, или же созидать общество свободных личностей, одушевленных любовью к социальному целому, но вместе с тем и к индивидуальному личному бытию.

Н. Лосский.

Идеи и жизнь

КОРПОРАТИВНЫЙ СТРОИ В УЧЕНИИ ОТМАРА ШПАНА И ЕГО ШКОЛЫ

Задолго до расистского переворота в Германии, когда в немецкой научной литературе почти не приходилось встречать таких понятий, как «правящий отбор» или «государство в качестве отдельной корпорации» (Staat als Stand), известный австрийский экономист Отмар Шпан уже учил о необходимости переустройства национального хозяйства на началах самоуправления хозяйственных корпораций под строгим контролем правящего отбора. Шпан решил занять эту позицию, так как предвидел, что проблема корпоративного хозяйства станет актуальной в Германии и Австрии как только, нормальная эволюция капитализма будет приостановлена назревающей вспышкой экономического национализма.¹⁾ Впоследствии учение Шпана, борюясь между прочим и за идеалы романтической схоластики, было подхвачено плеядой молодых австрийских экономистов, объединенных в венском обществе «друзей корпоративного строя», и вылилось в стройную теорию об автономном, но все же «контролируемом» хозяйстве. По мере развития европейских событий и обострения мирового кризиса, Шпан и его школа все острее сознавали отсталость современной научной терминологии и отсутствие решимости у авторитетных экономистов пересмотреть уже устаревшее классическое учение о хозяйственном строе. В частности Шпан принадлежит к числу тех экономистов, которые впервые заговорили о необходимости противопоставить интегральному коллективизму какую-либо форму «управляемого хозяйства», сохраняющего частно-хозяйственную основу.²⁾ Правда, экономическая мысль в Германии и Австрии не остановилась на классификации хозяйственных систем, предложенной Шпаном и его школой, но смелая попытка венцев сочетать экономический либерализм с универсализмом оказала значительное влияние на позднейшее учение о новых капиталистических, идеократических и,

¹⁾ См. Othmar Spann, Der wahre Staat. Leipzig 1921. Теперь 3-ье издание, Verlag G. Fischer. Jena 1931.

²⁾ См. Othmar Spann, Taxe und lebendige Wissenschaft. 3. Auflage. Verl. Fischer. Jena 1929.

отчасти, недемократических формах управляемого хозяйства. Чтобы понять общий характер австрийского корпоративизма и иметь возможность противопоставить его итальянскому фашизму, необходимо дать более актуальную классификацию важнейших форм управляемого хозяйства, в основу которых находились бы теория Зомбарта о «стиль» национального хозяйства, зависящем от направляющей идеи данного строя, и учение Шпана о государстве в качестве верховного организатора производственных отношений при любой системе хозяйства.

События последних 5-6 лет в Германии и С.А.С.Ш. показали, что «зрелая» фаза капитализма переходит в условиях форсированной эволюции в систему «организованного хозяйства на частно-хозяйственной основе», которая определяется научной литературой как связанная или социальная стадия капиталистического строя. В условиях этой системы борьба финансового капитала, частно-хозяйственный монополий и мощных профессиональных союзов смягчается и регулируется экономической политикой государства, рационализированной в интересах оптимальной автаркии. Государственное вмешательство в техническое и бытовое регулирование народного хозяйства со стороны частного сектора принимает весьма сложные формы административного протекционизма и государственной конъюнктурной политики, постепенно охватывая весь комплекс хозяйственных отношений. Появляется целый ряд таких сложных экономических феноменов, как тонко организованная система государственных субвенций частному хозяйству, контроль над внешней торговлей и девизными расчетами, подчинение финансовой и валютной политики государства интересам оптимальной самодостаточности, регулирование платежного баланса, борьба государства с депрессией и безработицей различными методами конъюнктурной политики и проч. Подобная «связанная» фаза капитализма, наблюдавшаяся в Германии незадолго до расистского переворота, является наиболее либеральной формой «управляемого» хозяйства и имеет тенденцию эволюционировать в сторону более радикальной и авторитарной стадии капитализма, которую можно было бы назвать «регулируемым хозяйством на капиталистической основе». Конечно, границы между связанным и регулируемым капитализмом чрезвычайно текучи. Но все же подлинная плановость могла бы проявиться при капитализме лишь в том случае, если экономическая политика государства, будучи уже рационализированной, не только стала бы намечать постепенное подчинение частного хозяйства «направляющей идее» цѣлаго, но и превратилась бы в прямое орудие социально-экономического плана, вырабатываемого каким-либо государственным учреждением или автономным экономическим советом под контролем государства. Расширение доли государства в национальном доходе является при этом неизбежной предпосылкой. Тенденция связанного капитализма эволюционировать в сторону такой, более автори-

тарной системы, которую нельзя назвать интегральным, плановым хозяйством только потому, что техническое и бытовое регулирование не поглощаются планом, уже проявлялась в Германии накануне фашистской революции и находит частичное отражение в экономических «опытах» Рузвельта и Кемаля Ата-Турка.

Экономическая действительность знакомит нас на ряду с этим новыми, по существу антилиберальными, формами капиталистического строя еще с двумя типами цѣлостного «идеократического» хозяйства на частно-хозяйственной основе, в котором весь комплекс хозяйственных отношений пронизывается цѣлостной идеей правящего отбора. Любая из этих форм управляемого хозяйства национал-идеократии выпадает из рамок капиталистического строя, так как принцип рентабельности замѣняется цѣлостной идеей олигархии, сохраняя лишь подсобное значение, а организация труда и владение частной собственностью превращаются правящим отбором в сложную систему «воспитания» в духе господствующего цѣлостного мировоззрения. Наименее авторитарной формой регулируемого хозяйства национал-идеократии является «корпоративно-цѣлостная» система итальянского фашизма, в которой наблюдается скрытое управление хозяйством в интересах цѣлостного мировоззрения фашистской идеократии при помощи иерархии лояльных власти корпораций. Более авторитарный характер выявляет «авторитарно-цѣлостный» строй германского национал-социализма, осуществляющий политизацию хозяйства через государственных инспекторов труда и партийную иерархию, проникающую в частный сектор под видом внеклассового «фронта труда» и фабричных ячеек расистского правящего отбора. Назревающая иерархия корпораций имеет в этом строе лишь подсобное значение.³⁾ Менее авторитарным, чем любое идеократическое хозяйство, явилось бы, в случае осуществления, «авторитарно-корпоративный» строй, проповедуемый австрийскими универсалистами во главе с Отмаром Шпаном. В условиях этого строя, сохраняющего оптимальную автономию хозяйственных корпораций, экономика должна была бы избегать подчинения политикѣ, и социально-экономический план, вырабатываемый Центральным Советом корпораций, регулировался бы направляющей идеей планируемого хозяйства вне прямого давления со стороны политического мировоззрения правящего отбора. Подробному разбору этой системы и посвящается настоящий очерк.⁴⁾

³⁾ См. мои статьи «Германский национал-социализм как социально-экономическое явление», «Новый Град» № 8. 1934 г. и «Крестьянская проблема в Средней Европе», «Новый Град» № 10. 1935 г. Париж.

⁴⁾ Важнейшие положения программы Шпана, см. в талантливой книжке Wilhelm Longert'a, *Liberale oder organische Staats- und Wirtschaftsordnung?* Erneuerung Verlag. Berlin 1931. В послед-

Учение Отмара Шпана о корпоративном строе, оказавшее большое влияние на экономическую мысль в Германии и Австрии, нередко смешивается с учением итальянского фашизма о целостном корпоративном хозяйстве. Даже виднейшие расистские экономисты Федер и Бухнер, повидимому, склонны считать Шпана и его последователей фашистами немецкого толка. Конечно, переход от корпоративной системы Шпана к фашистскому строю не представлял бы, с политической точки зрения, непреодолимой трудности. Но все же между идеократией, подчиняющей экономику политике, и правящим отбором, не навязывающим хозяйству своего мировоззрения, имеется большое различие. При внимательном чтении важнейших работ ближайших учеников Шпана, австрийских экономистов Вальтера Гейприха и Вильгельма Анджез, не остается сомнения, что корпоративный строй вьнцев лорывает с основными положениями синдикализма, отталкивается от фашизма и приближается к идеалам авторитарной демократии.⁵⁾ Если различие между системой Шпана и фашизмом заключается прежде всего в отказе австрийских университетов от идеи политизации хозяйства, то разрыв Шпана с синдикализмом объясняется иным толкованием корпоративного строя, который в учении вьнской

нее время в русской зарубежной литературе делаются попытки создать новую классификацию новейших систем хозяйства в духе какого-либо «дуализма». Так, некоторые экономисты различают между «органическими» и «неорганическими» системами хозяйства; другие рассматривают любой хозяйственный строй с точки зрения «хозяйствующего субъекта», делая различие между индивидуализмом и коллективизмом. Думается, что эти попытки не встретят общего признания. Конечно, любую форму целостного хозяйства можно считать «органической», но, придерживаясь подобной классификации, мы лишаем себя возможности учесть различие между фашизмом и национал-социализмом, не говоря уже о полной невозможности противопоставить американскую систему итальянской, или найти общее между советским хозяйственным строем и его идеократическими типами на Западе. Еще более спорной представляется нам классификация, построенная на противопоставлении индивидуализма коллективизму. Здесь не только было бы затруднительно разобраться в отдельных формах экономического индивидуализма, но даже и говорить о характере того или иного «хозяйствующего субъекта». Сторонники этой классификации стали бы утверждать, что системы фашизма и национал-социализма являются «индивидуалистическими» (т.-е. одной из форм капитализма), в то время как мы, исходя из идеи «стиля», полагаем, что любая форма целостного хозяйства регулируется правящим коллективом. Ведь, нельзя же, например, отрицать, что весь комплекс хозяйственных отношений в Италии подлежит, согласно новому закону о корпорациях, действительному регулированию со стороны главы правительства и представителей идеократии внутри корпоративной иерархии.

⁵⁾ См. Walther Heinrich, Das Ständewesen. Verlag G. Fischer. Jena 1932 и W. Andreae, Staatssozialismus und Ständestaat. Verlag G. Fischer. Jena 1931.

школы не должен выражаться в поглощении государства корпоративным хозяйством. Очень ярко эта мысль высказана в талантливом труде Гейприха, в котором мы находим между прочим следующее положение: «Противники корпоративной идеи указывают на невозможность построить государство на корпорациях, так как хозяйство не является фактором при создании государственной власти. Критика эта касается ложного учения синдикалистов. Подлинный корпоратизм настаивает на самостоятельном возникновении государства и допускает корпоративное строение общества и государства без полного раскрытия корпоративной идеи в экономикѣ.»⁶⁾

Весьма многогранным и глубоким является расхождение австрийского корпоративизма с итальянским фашизмом. Программа австрийских универсалистов отрицает, в отличие от корпоративной системы Италии, всякую прямую связь между государством и хозяйством, считая иерархию профессиональных объединений простым выявлением корпоративного начала в национальном хозяйстве, которое должно в их системе принять форму самостоятельной, хотя и «контролируемой» корпорации. Терминологию Шпана и его школы несколько усложнена двойным употреблением слова «корпорация»; с одной стороны, «национальное целое» распадается в условиях корпоративного строя на ряд «самочинных корпораций» в виде корпоративного государства, корпоративной церкви и т. д.; с другой стороны, народное хозяйство, принявшее форму корпорации, состоит из множества хозяйственных групп населения, не имеющих прямого отношения к корпоративному строю целого. Чтобы не смешивать второе понятие с первым, немецкая научная литература противопоставляет термину «корпорация» (например, *Wissenschaft als Stand*) термин «профессиональная или хозяйственная корпорация» (*Berufsstand*). Если отбросить идею политизации хозяйства и внимательно всмотреться в корпоративный строй фашистской Италии, то мы увидим, что фашизм занимает промежуточное положение между синдикализмом и австрийским универсализмом. С одной стороны, корпоративное государство фашизма имеет «самочинный» характер и не вытекает из иерархии хозяйственных организаций, как этого хотели бы синдикалисты; с другой стороны, целостное фашистское государство поглощает «национальное целое» и превращает хозяйственные корпорации, наделяемые оптимальной свободой в системе австрийского универсализма, в государственные органы, обладающие весьма призрачной автономией. Ведь, не следует забывать, что «корпоративное государство» Муссолини пользуется иерархией лояльных власти корпораций, чтобы смягчить, а отчасти даже и замаскировать управление хозяйством во имя целостной идеи правящего отбора. Служебное значение хозяйственных

⁶⁾ См. Walther Heinrich, Das Ständewesen. Verlag Gustav Fischer. Jena 1932.

корпораций в системѣ фашизма подчеркивается новѣйшей эволюціей корпоративнаго строя Италіи, смысл которой заключается в надѣленіи корпораций, включающих в свой состав представителей правящаго отбора, законодательной, нормировочной и исполнительной функций в области регулированія производства. Если пользоваться терминологіей Шпана, то слѣдует признать, что центральной проблемой итальянскаго фашизма является не только корпоративное хозяйство, но и корпоративное строеніе общества, выражающееся в іерархіи равноцѣнных, но неравных по своему социальнo-экономическому положенію сословій, и превращеніе государственной власти в отдѣльную «корпорацию», обладающую цѣлостным мировоззрѣніем. Сторонники фашизма обыкновенно ставят в упрек націонал-соціализму, что политизация хозяйства в Германіи происходит непосредственно через іерархію государственных и партійных органов, а не через хозяйственные корпорации, обладающія относительной автономіей; тот же упрек и, пожалуй, не без нѣкотораго основанія дѣлают австрійскіе универсалисты и корпоративному строю фашистской Италіи. Безусловно управленіе хозяйством смягчается в Италіи нѣкоторой самостоятельностью корпораций, но все же разница между обоими идеократическими теченіями заключается не столько в подчеркиваніи или замалчиваніи корпоративнаго начала в экономикѣ, сколько в большей или меньшей степени государственнаго вмѣшательства в хозяйство и в нѣсколько ином пониманіи социальнo-связанной собственности. В общем можно сказать, что хозяйственный строй расцѣпкой Германіи является значительно болѣе «авторитарным» (и даже, пожалуй, болѣе цѣлостным), чѣм строй итальянскаго фашизма.

Но, если австрійскій универсализм отталкивается от фашизма, то почему же Шпан и его школа не в силах это внушить даже столь благожелательным к ним критикам, как клерикалы-католики, которые, согласно энцикликѣ Пія XI «*Quadragesimo anno*» от 15 мая 1931 года обязаны поддерживать любое корпоративное движеніе в католических странах? Почему и им сдается, что вѣнское общество друзей корпоративнаго строя, быть может, и помимо своей воли, играет роль проводника тоталитарнаго строя в Австріи? Думается, что корень недоразумѣнія заключается в слѣдующем. Австрійскіе универсалисты, руководимые Шпаном, не сочувствуют политизации хозяйства со стороны какой-либо идеократіи, но выступают с большей рѣзкостью против марксизма и либерализма.⁷⁾ Критики марксистской доктрины и открытое высказываніе против капитализма и формальной демократіи сблизили Шпана и его послѣдователей с видными теоретиками націонал-соціализма и фашизма, которые видѣли в

⁷⁾ См., напримѣр, W. *Heinrich*, *Staat und Wirtschaft. Erneuerungs Verlag*, Berlin 1931; Othmar *Spann*, *Die Irrungen des Marxismus*. Erneuerungs Verlag, Berlin 1931.

австрійской вѣнской школѣ весьма цѣннаго союзника в борьбѣ с господствующим либеральным и марксистским мировоззрѣніями. Да и сейчас в Третьем Рейхѣ романтизм и корпоративизм Шпана, пожалуй, ближе и понятнѣе идеологам расизма, чѣм менѣе романтическое и органическое ученіе «неогегельянца» Зомбарта, хотя и сближающагося с доктриной націонал-соціализма в своем послѣднем трудѣ о «германском социализмѣ».⁸⁾ И еще одно важно: желаніе Шпана придать всему «національному цѣлому» корпоративный характер заставляет его конституировать «государство» в качествѣ самостоятельной корпорации, входящей в національное цѣлое на правах независимаго верховнаго арбитра и контролера других корпораций, возникших самостоятельно для выполненія различных функций социальнаго организма націи. Никакого сближенія с фашизмом и вообще с цѣлостной системой эта точка зрѣнія в себѣ не таит. Наоборот, она может укрѣпить независимость хозяйства, религіи, науки и других сфер культуры, ибо выполненіе правящим отбором, хотя и очень важных, но все же строго опредѣленных функций прямой администраціи, верховнаго руководства и общаго контроля как бы даже предохраняет національное цѣлое от поглощенія его цѣлостным государством. В этом явленіи, в нежеланіи надѣлать свой правящій отбор цѣлостным мировоззрѣніем, коренится весьма глубокой пункт сближенія Шпана и его школы с авторитарной демократіей. Политическія требованія австрійскаго универсализма сводятся, в конечном итогѣ, къ созданію независимаго ордена «профессіональных» правителей, являющихся специалистами по различным вопросам національной культуры. В этой своеобразной обстановкѣ, среди правящаго отбора и автономной арміи, которая тоже послѣдовала бы корпоративному строенію цѣлага, сохранилось бы нѣкоторое народоправство в области религіи, хозяйства, науки, так как государство не только не стало бы вмѣшать самоутвержденію всѣх остальных корпораций, но и отдало бы им часть своих функций, превратив эти корпорации в органы самоуправления, контролируемые верховной властью. Если бы Шпан и его ученики не настаивали на выдѣленіи правящаго слоя в самостоятельную корпорацию, напоминающую касту «природных вождей», хотя бы и лишенных цѣлостной доктрины, то их корпоративный строй фактически совпал бы с программой тѣх теченій авторитарной демократіи, которыя отвергают подлинный синдикализм и настаивают на смягченном и замаскированном регулированіи національнаго хозяйства через іерархію автономных корпораций.

Как же рисуется австрійским универсалистам организациа хозяйства в корпоративном строѣ будущаго? В виду того, что государство становится организатором хозяйства и может руководить только организацией себѣ подобной, то національное хозяйство должно

⁸⁾ См. Werner *Sombart*, *Deutscher Sozialismus*, Berlin 1934.

приобрести форму контролируемой корпорации, обладающей само-бытностью и полной «суверенностью» при техническом выполнении своей основной функции — что выражается немецким термином «Sachsoverenenität». Организация народного хозяйства, ставшая отдельной корпорацией, выразится в образовании цёлой сёты публично-правовых корпораций (Berufsstände), способных взять на себя, наряду с чисто хозяйственными функциями, также и задачи государственного и культурно-общественного характера. Корпорации должны быть организованы по территориальному признаку и по «производственным циклам», т.е. по отраслям промышленности. Наряду с ними будут возникать профессиональные объединения различных специалистов и подсобные корпорации по признаку сырья. Если взять в качестве конкретного примера производство соды, то в условиях корпоративной строя возникает цёлая иерархия хозяйственных корпораций, имеющих прямое или косвенное отношение к данной отрасли химической промышленности. Организация производства соды примет приблизительно следующий вид: содовые фабрики в провинции, местное и областное объединение производителей химического сырья, различные территориальные организации химической промышленности, областное и центральное объединение всех отраслей обрабатывающей промышленности и химический отдел центрального совета хозяйственных корпораций.

Несмотря на некоторую децентрализацию народного хозяйства, которая скажется в образовании цёлой сёты корпораций, можно предполагать, что иерархический принцип корпоративного строя, подчеркиваемый Шпаном, и наличие в каждом данном случае только одной официально признанной корпорации облегчат правящему отбору вмешательство в хозяйство и придадут экономическому строю австрийского универсализма почти цёлостный характер. Нужно подчеркнуть, что и Верховный Совет хозяйственных корпораций, являющийся руководящим центром корпоративного хозяйства, возник бы в системе Шпана не только в качестве органа самоуправления, но и как учреждение смешанного типа, включив в свой состав представителей государства, церкви, науки и других «самобытных» корпораций национального цёлага. Можно сомневаться, что активное участие правящего отбора, корпоративной бюрократии и армии в Центральном Совете хозяйственных корпораций не ограничит самоуправления хозяйства и не приведет его к подчинению политическим цёлям правящего отбора. Интересно отметить, что и социальная программа австрийского универсализма имеет много общего с фашистской хартией труда, допускающая профессиональное движение рабочих только в недрах корпоративной иерархии, отрицающей марксистский принцип классовой борьбы. В этом отношении фашистское законодательство оказывается, пожалуй, даже больше «либеральным», так как Шпан и его шко-

ла не идут на создание отдельных синдикатов, довольствуясь образованием рабочей секции при каждой данной корпорации, что должно, по их мнению, обезличить рабочим некоторое влияние на общие судьбы национального хозяйства. Впрочем, различие между социальными программами Шпана и фашизма имеет формальный характер; вряд ли приходится сомневаться, что и рабочие синдикаты фашистской Италии являются при мёртвостях, касающихся регулирования производства, простым подотделом хозяйственных корпораций, имеющих при этом не самобытный, а чисто государственный характер.

Из всего вышеизложенного следует, что корпоративный строй австрийского универсализма занимает промежуточное положение между фашизмом и корпоративным строем авторитарной демократии. Несмотря на натянутые отношения Шпана с преемниками Дольфуса, приведшие к уходу некоторых видных представителей «Вьнской школы» в ряды условных расистов, «христианское, корпоративное и авторитарное» государство, пришедшее на смену австрийской республике, теснейшим образом связано с идеологией Шпана и его последователей.

Между конституцией покойного Дольфуса в ее первоначальной редакции и программой Шпана имела только одна существенная разница: представление коммунальным органам права выбирать авторитарного правителя и создание Федерального Сейма (Bundestag), обязанного сотрудничать с правительством при выработке общих законов. До известной степени можно сказать, что Дольфус предпочел программу Рудольфа Штейнера, отвергавшего идею правящего отбора и стремившегося к авторитарной демократии. В то время как Шпан и Гейрих рекомендовали надёлить каждую сферу культуры автономным верховным советом, центральное объединение которых составило бы высший корпоративный орган национального цёлага, Дольфус отдал предпочтение проекту Штейнера, предлагавшему выделение трех автономных корпоративных советов, которые представляли бы интересы государства, хозяйства и «культуры» в деле общего законодательства. Впрочем, и тут Дольфус сделал некоторую уступку Вьнской школе, объединив эти советы в Федеральный Сейм, рассматривающий законопроекты правительства, подвергшиеся предварительному изучению со стороны Государственного Совета и подлежащей высшей корпоративной организации. Федеральный Сейм состоит в настоящее время из 20 представителей Государственного Совета, назначаемых правителем, из 20 представителей Экономического Совета, 10 представителей Совета Культуры и 9 представителей членов-государств, назначаемых местными губернаторами. Право законодательной инициативы составляет монополию правительства: Сейм не может вносить никаких поправок; он или принимает правительственный законопроект или его полностью отвергает. Бюджет же не может быть отвергнут цёлком: здесь возможны только поправки.

Слѣдовательно, Дольфус придал австрійскому корпоративному движению, находившемуся по дѣяніем Шпана, менѣе «аристократическій» характер. Что же касается «подконтрольнаго пародоправства», то тут Дольфус оказался болѣе консервативным. Не слѣдует забывать, что Вѣнская школа предоставляла всѣм корпоративным частям національнаго цѣлаго не только право самоуправленія, но даже и в тѣх случаях, когда их автономное законодательство могло бы нарушить интересы націи, право законодательнаго почина. Напротив, в системѣ Дольфуса мы не только не видим принципа широкаго самоуправления корпорацій, но даже и в дѣлѣ общаго законодательства авторитарное правительство обладает монополіей на право законодательной инициативы. Характерно, что конституція канцлера Дольфуса покоится на католической идеологіи, лежащей в основѣ и универсализма Шпана. Правда, примат государства нигдѣ не нарушается Шпаном и его школой, и корпорація духовенства подлежит в их системѣ контролю правящаго отбора в интересах націи, но религія все же признается ими важнѣйшей функцией національнаго цѣлаго. В этих условіях всегда можно было бы ожидать превращенія авторитарнаго правительства в теократію, которая, по всей вѣроятности, приняла бы цѣлостный характер. Все же Дольфус пошел в этом отношеніи дальше Шпана, открыто оперев свой корпоративный строй на папскую энциклику «*Quadragesimo anno*» и провозгласив «божественное происхожденіе» своей диктатуры.

Дальнѣйшее развитіе австрійскаго корпоративизма доставленнаго Дольфусом на рельсы условной авторитарной демократіи, все болѣе отклоняется не только от программы Шпана, но и от идеологіи самого Дольфуса. Правящій отбор Австріи, составившійся из слиянія клерикальной партіи канцлера Шушнига с фашистскими формациями князя Штаремберга, постепенно пріобрѣтает характер своеобразной націонал-демократіи; созданныя хозяйственныя корпораціи, монополизующія отдѣльныя отрасли національнаго хозяйства, начинают опредѣляться параллельными политическими организаціями правящаго отбора; самоуправленіе хозяйства может превратиться в фикцію. Однако, каковы бы не были послѣдствія дальнѣйшей эволюціи австрійскаго корпоративизма, ученіе Шпана и его школы войдет в исторію корпоративнаго движенія не только в Австріи и Германіи, но, пожалуй, даже и во всей Центральной Европѣ.

Б. С. Ижболдин.

ДУХОВНЫЙ ПУТЬ ФРАНЦУЗСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Два года тому назад, на страницах этого журнала, Н. А. Бердяев дал исчерпывающій очерк «Исканій социальной правды молодой

Франціи». Мы не станем возвращаться к характеристикѣ этих движений, а лишь напомним послѣдующіе этапы их развитія. Напомним, что основное настроеніе тѣх или иных интересующих нас группировок — это «разрывъ» с буржуазным міром с одной стороны, с другой — борьба с марксизмом на этико-религіозной почвѣ.

Но мы намѣреваемся нѣсколько расширить рамки нашего изслѣдованія, чтобы коснуться, хотя и вкратцѣ, старшаго поколѣнія, которое сотрудничает с молодежью и опредѣлило свои позиціи послѣ «февральских дней».

Событія 6 февраля 1934 года, которыя столь глубоко потрясли политическую Францію, отразились, конечно, и на идейном фронтѣ — но не в смыслѣ какой-либо партійной акціи, а, наоборот, в смыслѣ ея отрицанія. Появился цѣлый ряд «плановъ», «манифестовъ» и «деклараций», призывающих к примиренію враждующих сторон и к ликвидаціи конфликта. Интересным примѣром этой попытки является «план 9-го іюля» с предисловіем Жюль Ромэна, предлагающій экономическую и правительственную реформу влѣ партійных умозрѣній.

На католическом социальном флангѣ выплывает приблизительно в то же время коллективная брошюра за подписью Жака Маритэна, Шарля дю Боса, Жильсона и многих представителей науки и профессуры, под заглавіем «Во имя Общаго Блага». Эта брошюра призывает христиан объединиться на духовной почвѣ, не становясь ни на сторону тѣх, которые борются во имя материалистической доктрины Маркса, ни на сторону тѣх, которые хотят «пресѣчь коммунизм» во имя презвѣнія к трудящимся. Если опасно коммунистическое наступленіе, не менѣе опасен фашистскій лагерь, который «компрометирует идею порядка, авторитета, дисциплины слишком узким пониманіем національнаго интереса, безчеловѣчным отношеніем к достоинству трудящихся масс» и который «взирает на религію как на средство, ведущее к захвату мірскаго власти».

Нельзя «выбирать наименьшее из двух зол», необходимо прійти к утвержденію ювѣчных цѣнностей, к преодолѣнію всѣх форм социальнаго и политическаго зла, все равно, идут ли онѣ справа или слева. С одной стороны, — «бунтующіе», с другой стороны — буржуазные «благонамѣренные» (*bien-pensants*). Ни с тѣми, ни с другими христианин не может идти в ногу.

Этот «нонконформизм», это рѣзкое отмежеваніе себя от «благонамѣренныхъ» является одним из главных мотивов послѣ-февральских дней.

В это время специально изучаются труды религіозных и социальных мыслителей и особенно княга Жака Маритэна «*Du Régime Temporel et de la Liberté*». Переводятся на французскій язык и

читаются с напряженным вниманием книги и статьи Бердяева. Молодой бельгиец Раймонд де Беккер, талантливый публицист и энергичный деятель, организует так называемое «коммунитарное движение» и «технику духовного действия». На этой же почве, уже известная читателю движению «Esprit» и «Ordre Nouveau» продолжают свою работу.

Дело, конечно, идет не о массовом действии, а лишь о постепенном наборе людей и создании кадров, духовно сплоченных. Массы в той или иной мере продолжают быть одержимы стихией праздничной распри и вливаются в ряды национального или народного фронта. Но здесь мы будем говорить лишь о тех, которые освободились от этой стихии, т. е. о так называемой «Третьей Силе».

**

За последние годы, Esprit выпустил ряд номеров своего журнала, посвященных основным проблемам времени: собственность, корпорация, национализм и интернационализм, «техника духовной революции», марксизм, гуманизм и т. д. На место буржуазного индивидуализма выдвигается уже охарактеризованный Н. А. Бердяевым персонализм, начало сверх-индивидуальное, сохраняющее вечные ценности человеческой личности и в то же время связующее их с «коммунитарным», иначе говоря «общинным» началом. Можно по-разному оценивать конструктивную сторону этих исканий. Многие еще остаются расплывчатым, неопределенным, или слишком теоретичным. Самый факт, что практика отсутствует, что приходится удовлетворяться доктринальными построениями, делает задачу группы Esprit чрезвычайно трудной. Представители движения сами отлично это чувствуют. Обращаясь к истекшим годам своей деятельности, редакция журнала следующими, не лишенными мудрости словами характеризует свою деятельность:

«Нарождается третья сила, которая взрывает рамки и коммунизма и фашизма. История ее известна: это история всех начинаний — диалектическая негибкость, сентиментальная невоздержанность, за которой следует неожиданное отступление, соблазн, внесенный временным союзником, или даже противником, одним словом, весь живой хаос искусства... Закалка еще не готова, сплав еще не найден. Но мы знаем, благодаря ежедневному опыту, что процесс продолжается. Мы работаем во имя этой нарождающейся силы».

Оставив на время в стороне вопросы экономического и общественного строительства, группа «Esprit» ныне пытается раскрыть проблемы частного быта — и, в первую очередь, проблемы семьи и брака.

Ибо и здесь необходимо внести «дух новый» и утверждать сверх-личные ценности. Это раскрытие быта является особенно существенным для борьбы с марксистскими позициями. Недостаточно для этого «спорить с коммунистами», необходимо подвергнуть критику и ныне существующую буржуазную семью, ее замкнутость, завершенность, ее духовную и экономическую обособленность. Трудно защищать «благонамеченную» семью, но можно и нужно утверждать духовный смысл подлинного христианского брака. Тогда только критика коммунистических установок станет возможной и целесообразной.

В февральском номере «Esprit» напечатана статья Жака Перре по поводу очерков, посвященных в «Юманите» коммунистической семье. «Юманите» восхваляет новые концепции, ныне проводимые в советской России. Признавая несомненный сдвиг, происшедший в СССР в сторону реконструкции семьи, Перре отмечает, что новая идеология является не менее дегуманизирующей, чем анархия предыдущих лет. Ибо в этой идеологии семья сохраняется исключительно лишь как «социальная функция», ее миссия — давать стране «красивых и здоровых детей», «улучшать расу», «рационализировать рождаемость».

Персонализм явно противится этому чисто натуралистическому или социальному подходу. Он напоминает о глубокой потребности человека находить в семейном быту не одну социальную функцию, а духовную солидарность, свой личный, независимый от общества и государства интимный мир. Проблема брака не разрешается вопросом рождаемости или алиментов.

Весьма характерно, по мнению Перре, что советские сдвиги особенно приветствуются на западе затвердыми консерваторами, которые, восторгаясь «советской эволюцией», не скрывают своего возмущения перед попытками католической молодежи воскресить идею человеческого достоинства и духовной солидарности в браке.

По этой линии, утверждающей духовные ценности, будет ставиться в «Esprit» проблема материнства и воспитания и женский вопрос, сущность которого не должно смешивать с изжившим себя «феминизмом».

**

Если обратиться к другой вышеназванной группе «Ordre Nouveau», то и здесь главные позиции остались теми же, какими они были в 1934 году. Они продолжают развиваться в духе сродного персоналистическим концепциям «Esprit». Но «Ordre Nouveau», в котором наблюдается некоторый технократический уклон, то тону суше, научнее, чем «Esprit», его искания направлены скорее в сто-

рону разработки реального, целостного плана действий, чем в сторону духовных установок.

Это не значит, что у этой группы нет своей идеологии. Ее вдохновитель, покойный Дандье, автор «*La Révolution nécessaire*», очень острый и даже мощный молодой мыслитель, оставил неизгладимую печать на страницах журнала, издаваемого его ближайшими последователями: Дени де Ружемон, Робер Арон, Даниэль Ропс и т. д.

Революционность «*Ordre Nouveau*» насыщена прудоновскими мотивами. Этот возврат к Прудону и противопоставление его Марксу нам кажется исключительно интересным фактом, поскольку он связан с французской революционной традицией, и, стало быть, созвучны французской молодежи, чем доктрина автора «Капитала».

В своих практических конструкциях «*Ordre Nouveau*» опирается на два основных принципа: 1) «Всеобщая трудовая повинность», 2) Федерализм внутри-государственный и международный.

Последний противопоставляется современному международному строю, который является союзом «государств-наций», не освобожденных от автаркии и от милитаристической стихии. Тогда как «федерация», в концепции «*Ordre Nouveau*», есть объединение национальных и экономических секторов, подчиненных сверх-национальному плану хозяйству.

В области «трудовой повинности» интересен практический опыт, недавно произведенный членами «*Ordre Nouveau*». Последние задумали заменить группу рабочих на фабриках и дать им таким образом возможность получить платный месячный отдых. Опыт был сделан на четырех заводах и освободил 60 рабочих, впервые воспользовавшихся летними каникулами. Благодаря месячному стажу на заводах, члены «*Ordre Nouveau*» сделали ряд ценных наблюдений, познакомились на местах с настроениями как трудящихся, так и предпринимателей и пришли к практическому выводу: замена неквалифицированных рабочих «трудовой армией» возможна и осуществима.

**

Прежде чем закончить наш обзор, мы хотели бы остановиться на одном вопросе, который за последнее время особенно волнует идейную и духовную общественность. Это вопрос об отношении христиан к коммунистам.

Тогда как в советской России существует антирелигиозное засилье, исключаяющее всякую возможность встречи марксистов с «религиозниками» в общественной или идейной работе, на Западе эти встречи, наоборот, происходят все чаще. Достаточно взгля-

нуть на Германию, где коммунисты и католики по разным причинам одинаково гонимы, и по разным причинам, но одинаково противятся национал-социалистической идеологии. Во Франции же коммунистическая пропаганда как будто даже льстит религиозным мыслителям анти-фашистского толка, призывая их к общему действию против фашистского наступления, пытаясь так или иначе завлечь их в свой лагерь. Этой попытке сближения предшествовало зарождение «Советского Гуманизма». Последний преподносится западной интеллигенции в особенно розовых, идиллических тонах; воспеваются общее благополучие, торжество справедливости и свобода творчества, обетование которых якобы несет безклассовое общество. Мотивы классовой ненависти по возможности замалчиваются, антирелигиозная борьба искусно маскируется, призывы Горького к расправе с классовым врагом едва ли находят свое отражение в советской пропагандной литературе, предназначенной для западной культурной элиты.

Нужно сказать, однако, что эта довольно грубая тактика имеет успех лишь у наивных идеалистов, но не удается на подлинном религиозном фронте. Здесь имеется своя идеология, которой не грозит опасность заразиться марксизмом, даже самого идеалистического, гуманитарного вида. Тактический прием, указанный Дмитриевым на съезде Коминтерна и заключающийся в том, чтобы «разлагать христианство изнутри», был очень быстро расшифрован. Сравнивая христианские кадры с «Троянским конем», которым должны воспользоваться коммунисты, чтобы проникнуть во враждебный лагерь, Дмитриев забывал об одном: что эти кадры суть ж и в о й о р г а н и з м, способный развить именно то противоядие, которое, в свою очередь, может разложить материалистическую доктрину. И в самом деле, борьба коммунистов с христианами вовсе не должна неизбежно быть разрышена в пользу коммунистов.

Проблема эта носит не только идеологический, но и практический характер. С ней сталкивается не одна религиозно-настроенная интеллигенция, она встает и перед рядовым общественным деятелем и перед духовенством, работающим в «красных зонах» Парижа, в революционно-настроенных заводских центрах, — всюду, где христианину приходится стоять бок-о-бок с воинствующим безбожником. Какова же должна быть позиция «религиозника»? Совершенно ясно, что слепая ненависть и злоба приведут к духовному банкротству. Необходимо наибольшее милосердие, и наряду с борьбой с идеями коммунизма, максимум любви к человеку, глубокое понимание его потребностей и даже его бунта. Пусть «благонамеренные» возмущаются такими «встречами», они не только неизбежны, но и необходимы.

Эта борьба двух начал, борьба проводимая не в полемическом, а в духовном плане, приобрела за последнее время животрепещущий

интерес. В связи с ней религиозные мыслители стремятся к возрождению подлинного христианского гуманизма. Жак Маритэн посвятил этой центральной проблемѣ ряд статей и недавно выпущенную им книжку «Lettre sur l'Indépendance»; автор излагает мысль, что христиане призваны в наши дни к исключительно ответственному дѣлу. Он не должен запереться в своем кружкѣ, в своем кабинетѣ, а смѣло выходить на самыя передовыя позиціи, не бояться встрѣчи именно в той зонѣ, гдѣ почти никогда не слышна благая вѣсть Христа. Не среди «благонамѣренных», а среди бунтующих нужно говорить о мирѣ и о любви.

Итак, христианин должен принимать активное участие в переустройствѣ міра и в утвержденіи социальной правды. Но это дѣло может оказаться благотворным лишь при одном условіи: он должен всюду оставаться «независимым», сохраняя свое истинное лицо, помня, что цѣль его дѣятельности не самоутверждение человѣка, которое проповѣдует совѣтскій гуманизм (эгоцентризм), а утверждение человѣка в Богѣ (Теоцентризм).

Тѣ же мотивы встрѣчаются и в октябрьском номерѣ «Esprit», посвященном гуманизму, и в трудах молодого философа Этьена Борна, и в книгѣ Даніэля Ропса (сотрудника «Ordre Nouveau»): «La Misère et Nous».

Доминиканскій еженедѣльник «Sept» печатает ряд статей, которыя проводят грань между коммунистическим строительством и искаженіями христианской социальной правды. Только признав необходимость, существенность праведнаго социального строя, можно во всеоружіи выходить на борьбу с марксизмом, причем эта борьба не должна вестись в духѣ ненависти и злобы, а выражаться в милосердіи, в добросовѣстном изученіи позицій противника. Коммунизм родился от великой несправды, от измѣны христианскаго міра, который растерял свои сокровища и не помнит родства своего.

Коммунизм формулирует в искаженном видѣ законное стремленіе трудящихся к социальному преобразованію, которое есть дѣло обновленнаго христианства.

Под знаком уясненія этого центрального вопроса прошел истекшій год, и духовные пути французской интеллигенціи значительно расширились и уточнились. Эти пути несомнѣнно революціонны, но они не связаны с революціей политической.

В своей интересной книгѣ «Etat des Forces en France», Пьер Фредерикс отмѣчает, что крушныя писатели, которые вошли в «Комитет Антифашистской Защиты» и в иныя лѣвыя объединенія, несмотря на весь свой революціонный паѳос, не оказывают прямого

воздѣйствія на молодежь.¹⁾ «Ни об одном из них нельзя сказать, что его социальное вліяніе может сравниться с вліяніем Толстого, Достоевскаго, Горькаго (до 1917 г.) или даже Золя». Несмотря на свое желаніе занять идейныя аванпосты, Андрэ Жид остается изолированным.

У «Третьей Силы Франціи» нѣтъ «властителя дум», нѣтъ духовнаго вождя. Даже такіе мыслители старшаго поколѣнія, как Маритэн, скорѣе сотрудничают с молодежью, чѣм ведут ее. Это явленіе нам представляется далеко не отрицательным.

«Третья Сила» Франціи не пережила и, вѣроятно, не переживет паѳоса идейнаго вождизма. Она развивается свободно, движимая не людьми, а духом.

Если «закалка» еще не готова, если «сплав» еще не найден, можно однако утверждать, что эта сила добилась реальных результатов: она не поддавалась соблазну ни справа ни слѣва, не выбрала наименьшее из «двух зол», из «двух недоразумѣній», твердо защищая позиціи подлиннаго духовнаго гуманизма.

Елена Извольская.

О ПРОИСХОЖДЕНИИ И «ОБЩЕСТВЕННОМ ПОЛОЖЕНІИ» ЧЕЛОВѢКА

«Всякому человѣку, для того чтобы дѣйствовать, необходимо считать свою дѣятельность важною и хорошею» и свое положеніе «хорошим и уважительным».

Толстой особенно упирает на насущность нужды человѣка в таком сознаниі. — Маслова «была проститутка, приговоренная к каторгѣ, и, несмотря на это, она составила себѣ такое міровоззрѣніе, при котором могла одобрять себя и даже гордиться перед людьми своим положеніем». И она «дорожила таким пониманіем жизни больше всего на свѣтѣ, — и не могла не дорожить им, потому что, измѣ-

1) Совершенно иначе, конечно, обстоит дѣло с правыми мыслителями и особенно с Морасом. Его вліяніе на молодежь чрезвычайно глубоко; но мы его не касаемся; именно это вліяніе не коснулось представителей «Третьей Силы», которые нас занимают и которые абсолютно непроницаемы идеям «Action Française».

нив такое понимание жизни, она теряла то значение, которое такое понимание давало ей среди людей».

Эти замѣчания Толстого относятся к категории таких «дубовых истин», как, например, что людям нужно быть, слишком простых и всем известных, чтобы заинтересовать любителей всяких психологических тонкостей. Между тем каждый человек, если он честно и не обманывая себя взглянет в свою жизнь и в свое желание счастья, увидит, что почти все содержание его так называемой «внутренней», жизни состоит из переживаний своих отношений с другими людьми и представлений о впечатлении, производимом на них его особой, — иными словами, из представлений о своем «общественном положении»; и чем больше хорошим и почетным представляется ему это положение, чем больше значительным и высшим кажется ему круг людей, поддерживающих своими взглядами или прямо выраженным признанием это представление, тем большую истинность и прочность приобретает в нем ощущение бытия своего «я», как бы растущего и исполняющегося силами, волей и счастьем жить.¹⁾

И, наоборот, ухудшение «общественного положения» вызывает в человеке, хотя бы он физически оставался вполне здоровым, мучительное чувство уменьшения «очевидности» своей жизни. «On ne voyagerait pas sur la mer pour ne jamais en rien dire». То, о чем никто, никакое сознание, ни одна живая душа не знает и никогда не узнает, кажется напрасным, пропадающим даром, как бы не имющим существования и каковы бы ни были метафизические идеи человека, в большинстве случаев именно участие в «человеческой комедии», единственном известном всем людям бытии, ощущается им как единственно «несомненная», остающаяся ему жизнь. И если «на миру и смерть красна», то в одиночестве, при полной потере «общественного положения», человеку становится скучно, страшно и нежизненно — «il sent alors son néant, son abandon, son insuffisance, sa dépendance, son impuissance, son vide».

Вероятно, в самой биологической природе человека — «общественного животного» лежит объяснение этой зависимости чувства полноты или уменьшения жизни от изменений «общественного положения», делающей понятным, почему люди так любят все то, что

¹⁾ Существует, конечно, и настоящая внутренняя жизнь, но мистический опыт людей, действительно дорвавшихся до самой бездонной, неслышимой изменением разума и невыразимой языком «внутри» жизни, настолько превышает опыт рядового человека, что вообще лежит за пределами трактуемой в этой статье естественной психологии. Хотя, вероятно, в жизни каждого человека бывают иногда мгновения, когда что-то из этой внутренней жизни врывается в его сознание, «как память об иной отчизне».

увеличивает это их положение — лесть, признание, титулы, «сидеть впереди в синагогах», и, наоборот, чувствуют ненависть ко всем, причиняющим им моральный ущерб. Так Маслова почти с ненавистью встретила Нехлюдова, чувствуя, что своими взглядами он разрушал «истинность» дававшего ей уверенность самоуважение и силы жить представления о значении своего места в людском мире.

Так же, как борьба за материальные средства существования, эта борьба за «общественное положение» пронизывает всю человеческую жизнь. Французская буржуазия и до революции была богатой и просвещенной, и тем не менее для человека третьего сословия жизнь при старом режиме была невыносима, так как, каковы бы «хорошие манеры» он ни усвоил, в глазах аристократа он все-таки оставался «vilain». И для того, чтобы утвердить насущно-необходимую ему «истину» такого понимания жизни, при котором он, буржуа, был бы не только не «vilain», а, наоборот, самый важный и первый человек — «третье сословие должно быть всем»: ему нужно было или заставить аристократов признать эту «истину», или физически их уничтожить.

Самой странной и поразительной особенностью новой европейской истории является то, что такое вызывающее потрясение «основ», такое изменение сознания, когда человек перестает соглашаться, чтобы его считали «vilain», охватывает не только (что было бы естественно) представителей какой-нибудь определенной, экономической и политически поднимающейся социальной группы, а все больше и больше широкие массы самой «подлой черни». Современный европейский человек, хотя бы он был самого «низкого» происхождения, уже не верит, что «подлость» его положения в обществе является чем-то естественным, «богоустановленным», справедливым и хорошим, и почитает себя таким же человеком, как самый «благородный».

Не может быть сомнения, откуда взялось это сознание, что все люди равны по своему происхождению и поэтому должны быть равными и в своих правах. Не даром же римские императоры гнали христиан, вверным инстинктом чувствуя, какую опасность для общества представляло противоположное учение, согласно которому каждый человек, даже и раб и «жид», был сыном Божиим, равным по рождению самому «божественному» Цезарю. Но постепенно все утряслось, и само христианство было приспособлено таким образом, что тот порядок, — «почитающиеся князьями народов господствуют над нами, и вельможи их властвуют над нами» — по поводу которого в Евангелии прямо сказано: «но между вами да не будет так», вновь оказался порядком «богоустановленным» и подобным небесной иерархии. И тем не менее в один прекрасный день американские пуритане провозгласили в продолжение многих веков скрываемую от

порабощенного и невѣжественного, «подлаго» народа истину равенства происхождения всѣхъ людей и абсолютной цѣнности каждаго человѣка — сына Божьяго, несонзвѣримой с достоинством принадлежностью к той или иной кастѣ земной іерархіи.

Было бы слишкомъ долго останавливаться на том, как, начиная с конца 18-го вѣка, это сознание в «секуляризованном» видѣ «правъ человѣка и гражданина», все шире распространяется в мірѣ. И если теперь, вѣроятно, меньше, чѣм в средніе вѣка, людей, дѣйствительно, хотя бы отдаленно, понимающихъ весь страшный смыслъ христіанской личной жизни, достигаемой только черезъ смерть всего того, что обыкновенно человѣкъ и считает своимъ «я» — свое имя, общественное положеніе и т. д., — то каждый человѣкъ современной европейской культуры твердо усвоил, по крайней мѣрѣ, ту часть этой истины, что он такой же человѣкъ, какъ «султан в великолѣпномъ сералѣ» и поэтому долженъ имѣть и такія же права. Всѣ вдругъ какъ бы поняли, что люди не рождаются подобно пчеламъ: рабочими или трутнями или царицей, и что «кухаркинъ сынъ» можетъ такъ же управлять государствомъ, какъ «природный» государь.

Соединяясь со свойственной каждому человѣку потребностью занимать хорошее и уважительное положеніе, это сознание измѣнило душу народныхъ массъ. Новые вожди, хотя бы самыя реакціонныя, вѣрнымъ инстинктомъ знаютъ, что для того, чтобы прійти къ власти, теперь уже недостаточно опираться на какую-нибудь одну поднимающуюся группу, а нужно и всей основной массѣ населенія обѣщать самое высокое и почетное общественное положеніе. Тамъ пришелъ къ власти Гитлеръ, утвердивъ «истину» такого пониманія жизни, при которомъ каждый нѣмецъ можетъ считать себя первымъ и самаго благороднаго («арійскаго») происхождения человѣкомъ. Да и сила коммунистической пропаганды объясняется, вѣрно, не только тѣмъ, что люди вдругъ начинаютъ вѣрить в научную истинность марксизма, или даже в то, что при коммунизмѣ станетъ сытнѣе жить, но и обѣтованіемъ всѣмъ «голоднымъ и рабамъ» славы самаго высокаго общественнаго положенія.

Но если практика политическаго дѣйствія и демагоги интуиціей цинизма и опытомъ знаютъ вождельнія и инстинкты человѣка и умѣютъ пользоваться этимъ знаніемъ для достиженія своихъ, часто преступныхъ и безумныхъ цѣлей, то мыслители, занимающіеся вопросами социальнаго творчества, большую часть жизни проводящіе в научной «кабинетной» работѣ, часто бываютъ совершенно лишены способности чувствовать, изъ чего сдѣланы живые люди. Это, иногда, дѣлаетъ честь чистотѣ ихъ души, но между тѣмъ безъ знанія, в чемъ имѣетъ нужду социально-животная природа человѣческаго сердца (в частности потребность занимать хорошее и уважительное положеніе) не можетъ быть правильно проектирована такая новая социальная атмосфера, в

которой людямъ было бы легче и лучше жить, и радостно дѣйствовать, в которой, дѣйствительно, «жить станетъ лучше, жить станетъ веселѣе».

Нельзя не считаться и с тѣмъ, что сейчасъ в совѣтской Россіи безчисленныя чернорабочіе «стахановцы», если бы даже они и жили хуже европейскихъ безработныхъ, все-таки чувствуютъ себя такими же героями и «знатными людьми», какъ в буржуазныхъ странахъ только банкиры и «шмуکلеры», и что всѣ эти люди, даже когда они окончательно перестанутъ быть большевиками, не захотятъ отказаться от своей «рабоче-крестьянской» славы, такъ какъ, по приведеннымъ в началѣ этой статьи словамъ Толстого, человѣкъ больше всего на свѣтѣ дорожитъ такимъ пониманіемъ жизни, при которомъ он можетъ одобрять себя и гордиться своимъ положеніемъ.

В. Варшавскій.

Нѣсколько замѣчаній о современной зарубежной литературѣ

В своей статьѣ в № 10 «Новаго Града» Ф. А. Степунъ выдвигаетъ слѣдующія положенія: существуетъ «пореволюціонное сознание» — которое авторъ характеризуетъ какъ противобольшевицкое; новая русская эмигрантская литература должна отражать это сознание, а между тѣмъ — не отражаетъ его; не отражаетъ потому, что новое поколѣніе русской эмиграціи не видитъ умственнымъ взоромъ Россіи и потому, что молодые зарубежныя писатели находятся всецѣло подъ влияніемъ нынѣшней западной литературы со всѣми присущими ей чертами болѣзненной извращенности. И далѣе онъ ставитъ зарубежнымъ писателямъ такое заданіе: «...Историчность изъ Россіи и неприкаянность в Европѣ должна быть превращена в отправную точку всей творческой жизни писателя. Россія, не данная в ежедневномъ непосредственномъ содержаніи, должна быть внутренне увидѣна при помощи пристальнаго изученія ея исторіи, культуры, литературы...». Цѣлый рядъ возможныхъ возраженій противъ своихъ тезисовъ Ф. А. Степунъ предвидѣлъ и отвѣтилъ на нихъ. И все же при чтеніи его статьи у меня возникъ рядъ вопросовъ, отвѣтовъ на которые я в ней не нахожу. Есть «пореволюціонное сознание» и есть «пореволюціонная литература». Литература всегда отражаетъ — худо ли, хорошо ли — какое-то «сознаніе». Вѣдь, от литературы мы обыкновенно и заключаемъ о «сознаніи» того или иного историческаго момента, той или иной общественной среды. Выходитъ, значитъ, что в зарубежной средѣ какъ

раз тѣ, кого принято считать выразителями «сознанія», «души», «ге-
нія» того момента и той среды, к которой они принадлежат, тѣ, кто
в состояніи сыграть эту роль, так как «Бог дал им способность вы-
сказать то, что у них наболѣло» (слова гетевского Тассо) — вѣдь,
этим и только этим, казалось бы, отличается художник от прочих
людей, — находятся в нѣм — уже не Россіи, не Европы, а своей
собственной среды и своего момента. Как это понять? Значит ли это,
что всякій сколько-нибудь одаренный человек в эмиграціи непре-
мѣнно оказывается каким-то духовным уродом? Или что на самом
дѣлѣ молодое поколѣніе эмиграціи лишено того «пореволюціоннаго
сознанія», о котором говорит автор? Что то, что составляет содержа-
ніе этого «сознанія», является для этого поколѣнія не «идеями», а про-
сто «идеологіей»?

Предвижу возможное возраженіе. Искусство и жизнь нацѣло не
совпадают, поэзія, «беллетристика» не простое зеркало жизни; ху-
дожник нерѣдко находится в такой зависимости от своих образцов,
что «форма», которую он себѣ усвоил, опредѣляет у него «содержа-
ніе». Признаю, что для многих случаев это вѣрно — и все-таки ряд
наблюденій автора над нынѣшней зарубежной литературой на меня
производит впечатлѣніе анахронизма. Вот примѣр. Когда появи-
лись первыя произведенія Г. Газданова, критика пришла от них в
восторг. На самом же дѣлѣ это была новѣйшая — хотя и талантли-
вая — поддѣлка под Пруста. Именно — поддѣлка, особый вид под-
ражанія, тот, с какого почти всякій художник начинает свою дѣятель-
ность. В послѣдних вещах Газданова «Пруст» — т.-е. то, что у на-
стоящаго Пруста относится к «внѣшней» формѣ, то единственное,
что от него было у Газданова, — уже отсутствует. Как всякій даро-
витый писатель, автор нашел себя; его писательская манера отражает
скорѣе вліяніе послѣдняго представителя русской литературы «золо-
того вѣка», Бунина. Что до содержания, — оно, как мнѣ кажется,
сводится к мечтѣ о «красивой жизни», — как это было, впрочем, и
в первых его вещах.

Другой примѣр еще показательнѣе. В эмиграціи выдвинулся пи-
сатель, который несомнѣнно, — столь могуче его дарованіе и столь
высоко его формальное совершенство, — «войдет в русскую ли-
тературу» и пребудет в ней до тѣх пор, пока вообще она будет су-
ществовать. Это В. Сирин. Говорить о характерѣ его творчества, о
его «идеях», о «содержаніи» нѣтъ никакой необходимости: слишком
хорошо это извѣстно и слишком сам он в этом отношеніи катего-
ричен и ясен. В данной связи важно отмѣтить одно: того «герои-
ческаго настроенія», в каком, по утверженію Ф. А. Степуна,
только и возможно «молодому эмигрантскому писателю найти себя
и свой творческій путь» — иначе неизбѣжны «срыв», «погашеніе ли-
ца» — у В. Сирина нѣтъ и слѣда. А между тѣм это как раз писатель,

творческій путь котораго был обрѣтен сразу, который идет по не-
му неуклонно, освобождаясь постепенно от излишней роскоши жи-
вописанія, от всего того, что в «манерѣ», в «приемах», выпячива-
ется, бьет в глаза и даже рѣжет глаз, и который никак не заслуживает
упрека в ученическом подражаніи кому бы то ни было из тѣх, ко-
го называет Ф. А. Степун — Жиду, Прусту, Джойсу. Общаго с ни-
ми у него, конечно, не мало — и это вполнѣ понятно: на всѣх со-
временниках лежит общій отпечаток; не будь этого, невозможна
была бы исторія литературы и ея періодизація, — однако, если ду-
ховное сродство и степень вліянія опредѣляются по «тону», по «го-
лосу», то стоит прислушаться к «голосу» В. Сирина, особенно внятно
звучащему в «Отчаяніи» и в «Приглашеніи на казнь», чтобы замѣ-
тить, что всего ближе он к автору «Нюса», «Записок сумасшедшаго»
и «Мертвых душ».

Если от прозы обратимся к поэзіи, придем к сходному заклю-
ченію. Я прочел внимательно, выпущенную недавно «Антологию зару-
бежной поэзіи»¹⁾ — на каждом шагу мнѣ встрѣчались здѣсь зна-
комые облики: Тютчева, Анненскаго, Блока, Ахматовой, даже Бара-
твильскаго. У иных поэтов это — поддѣлка, у других — подлинное
творческое усвоеніе.

Если так, то об отрывѣ современной русской литературы от ея
родных литературных истоков говорить не приходится. Одно
из средств, рекомендуемых Ф. А. Степуном молодым писателям для
излеченія от снѣдающей их духовной болѣзни, стало быть, уже пу-
щено в ход. Между тѣм результаты его примѣненія не таковы, ка-
ких ожидает автор.

Ф. А. Степун, может быть, сказал бы: это оттого, что русская
литература періода своего расцвѣта сама воспринимается молодыми
писателями под извѣстным — и притом невѣрным — углом зрѣ-
нія, в отрывѣ от ея родного лона, — и напомнил бы о сказанном
уже им о необходимости пристальнаго изученія не только русской
литературы, но и русской исторіи, русской культуры. Что такое изу-
ченіе само по себѣ всячески должно быть рекомендуемо всякому
русскому человеку, имѣвшему несчастье родиться и вырасти на чуж-
бинѣ, — это слишком очевидно. Но поскольку дѣло идет о понима-
ніи русской литературы, как свидѣтеля «народнаго духа», как отра-
женія русской жизни, ея «устоев», ея «быта», ея «пейзажа», и вмѣ-
стѣ с тѣм как нѣкоторой самостоятельной цѣнности, — надо откро-
венно сказать слѣдующее: надлежит выбирать между изученіем ли-
тературы как историческаго памятника и литературы — как и вся-
каго другаго искусства — an und für sich. В первом случаѣ рядо-
вая «беллетристика», пожалуй, пригоднѣе «Анны Карениной», «За-

1) «Якорь». Сост. М. Л. Кантор и Г. В. Адамович. Париж. 1935.

писок из подполья» или «Маленьких трагедий» Пушкина. Великий писатель связан со своим народом и со своею эпохою лишь условно — иначе как мы могли бы читать и понимать Эврипида и Данте? «Умопостигаемо». Толстой ближе к Шекспиру, чѣм к Платону Каратаеву, или к дядѣ Акиму, или даже к Левину и кн. Нехлюдову, и Достоевскій ближе к Ницше, чѣм к старцу Зосимѣ, к Алешѣ, или к Макару Ивановичу. Близость в пространствѣ и времени скорѣе препятствует настоящему пониманію, нежели обуславливает его. Французы 18-го вѣка брали Расина и Корнеля за одну скобку. Единственное неотрывно «русское» у русских великих писателей — это русской язык, как у французских — французскій, у древних греков — древне-греческій. Но, думается, Ницше и Анненскій лучше понимали Эсхила, Софокла и Эврипида, чѣм их современники-аэнины.

Это, во-первых. Во-вторых, и такое пониманіе великих писателей как «чистых субстанцій» не бывает, и не может быть, обязательно, общезначущим, одинаковым для всѣх. Всякая творческая индивидуальность многогранна и не может быть увидѣна со всѣх сторон. Все вообще воспринимается нами в свѣтѣ нашего собственнаго жизнѣннаго опыта, и всякое познаваніе есть узнаваніе, «припоминаніе», *anamnesis*. Оно обогащает мой духовный опыт, содѣйствует уясненію его в моем сознаниі, но безсильно замѣнить его другим. Пусть попробует сказать Ф. А. Степун, каков подлинный, единственно вѣрный облик русской литературы, как она должна быть показана зарубежному русскому человѣку. Это все равно, что сказать, какова «настоящая» схема рисунка на обоях. Автор, впрочем, уже высказал свой взгляд. Великая русская литература была неразрывно связана с «принципом цѣлостнаго міросозерцанія и общественнаго служенія»; это объединяет всѣх крупных русских писателей, независимо от отдѣльных «направленій» — общественных или эстетических; все же то, что было «индивидуалистически-профессиональнаго и, в смыслѣ русской традиции, неорганическаго... сходит... на нѣтъ. Недостаток этой формулировки — ея чрезмерная общность. Слишком многое подводится под нее. Конечно, Достоевскій вытраивал из себя «подпольнаго человѣка», и Гоголь всѣ разновидности «мертвой души»; Тютчев, воспѣвая Хаос и Смерть, рвался к Космосу и к жизни, и вся поэзія Анненскаго, поэзія безнадежности, беспросвѣтной тоски, полной отъединенности человѣческой души, может быть истолкована также, как усиліе преодолѣть все это, обрѣсти «цѣлостное міросозерцаніе» и волю к «общественному служенію». Но тогда, почему нельзя сказать, что и романы В. Сирина и стихотворенія нѣкоторых поэтов, представленных в «Якорѣ», свидѣтельствуют о той же цѣлеустремленности?

Автор мог бы отвѣтить: разница в том, что Хаос, неблагополучіе, осознаніе в самом себѣ неискренности эгоистическаго на-

чала — «...свѣту провалиться, а чтоб мнѣ чай всегда пить» — переживались как трагедія,¹⁾ тогда как современные «подпольные человѣки» всѣм этим услаждаются, хвастают, щеголяют. Самозамыканіе «внутренняго человѣка» для них — самоцѣль или — еще хуже — литературная тема; пневматологія у них подмѣняется безплодной фрейдистскою психологіей, трагедія — противосестественной сатанической идилліей. В этом — их срыв, их отход с «торной дороги» русской литературы на ея «обочину». Можно ли, однако, утверждать, что это приложимо ко всѣм представителям современной русской зарубежной литературы? Эта общая черта рядовых писателей автором подмѣчена и охарактеризована безусловно вѣрно, но о чем собственно она говорит? О том, что всякому историческому моменту неизбѣжно присуща своя пошлость, свое искаженіе его «смысла», в котором он, как в кривом зеркалѣ, выступает особенно замѣтно. Было время, когда считалось, что вся русская литература «вышла из-под полы шинели Акакія Акакіевича» (как это понималось, достаточно извѣстно) — и в таком пониманіи была своя доля истины. Рядовые писатели тогда страпали «бытовые очерки» с цѣлью «будить в читателях теплыя чувства к жертвам общественной несправедливости», звать их «от мрака к свѣту», и гордились своею «честностью», как нынѣшніе своею «сатаничностью». По существу этого рода вѣрность «лучшим завѣтам русской литературы» была тоже равносильна измѣнѣ, предательству, и вызвала реакцію, в которой Брюсову с его «эстетически-демоническим иллюзионизмом» (Степун) принадлежит немалая роль. Теперь ясно, что Брюсов — Ф. А. Степун в этом прав безусловно — был эфемеридой; но в свое время он был, с точки зрѣнія діалектики исторіи, как-то нужен — ибо без него, может-быть, не было бы Блока. Миѣ кажется, что «торную дорогу» русской литературы автор представляет себѣ уже слишком на манер современных шоссе. На самом дѣлѣ, она вѣется безчисленными извилинами, крутыми поворотами, подчас развѣтвляется на далеко расходящіяся одна от другой тропинки — подобно всѣм историческим «путям» вообще.

П. Биццлли.

¹⁾ См. Л. Шестов, Достоевскій и Ницше.

К р у г

Беседа четвертая, 2 декабря 1935 года.

Присутствовали: Г. Адамович, А. Алферов, И. Бунаков, В. Варшавский, Г. Гершенкройн, Г. Иванов, Л. Кельберин, Д. Кнут, мон. Марія, В. Мамченко, К. Мочульский, Г. Раевский, С. Савельев, Ю. Софиев, Ю. Терапиано, Г. Федотов, Ю. Фельзен, Л. Червинская, С. Шаршун, В. Яновский.

Вступление к беседе сделал К. Мочульский сообщением на тему: «Христианство и мир».

Переживаемая нами критическая эпоха поставила перед миром проблему христианства с остротой, неслыханной с первых вѣков христианства... Существует противопоставление — без мира со Христом, или с миром без Христа. С особой болезненностью ощущал это противопоставление В. Розанов. Он углубил его до степени, сближающей некоторые высказывания Розанова с манихейством. В русской богословской литературе эти настроения не новы. Русская церковь знала в 19-ом вѣкѣ писателей, которых эта проблема занимала не меньше Розанова (Аскоченский, Бухарев и др.). Утверждение, что мир и христианство внутренне враждебны, пришло к нам с Востока. Но оно встретило мощные противоположные течения. Во Христѣ божеское и человеческое существуют нераздѣльно. Самое их противоположение немислимо, ибо мир есть замысел Божий; он в Богѣ от вѣка. Между послѣдним грѣшником и Христом существует единство природы, — человеческое всегда причастно божественному. Личность человека абсолютно непонятна без Христа. Антропология должна быть неизбежно связана с теологией: всякій человек есть в известном смыслѣ богочеловек. Послѣ вознесения Христос не покинул земли. В чем же основная сила и сущность христианства? Она в воскресении, дарованном всѣм людям. Трагедія Розанова в том, что он не мог заставить себя повѣрить в реальное воскресение, в конкретную побѣду над смертью. Попытка оправдать мир без воскресения — трагична и безнадежна. В. Розанов пытался заслониться от смерти полом. Тайна побѣды над смертью во Христѣ, т.-е. в любви. Заповѣдь любви не имѣет морального характера: сущность любви — мистическая, она одна в состояніи поправить смерть. Любовь в мистическом смыслѣ есть самоотдача и крест. Мир спасает от гибели и смерти чистая любовь.

Не слѣдует узко понимать аскезу. И творчество в глубинных

основах своих аскетично. Культура, как динамика духа, также аскетична. Человек должен отдаться творимому до конца, истечь ради него кровью; это и будет подлинным творчеством. Культурный процесс есть созрѣваніе міра для конца. Переход в Царствіе Небесное есть благая и неизбежная катастрофа. Противопоставление христианства міру порождено мироненавистническими настроеніями, чуждыми Любви — Христу.

Многочисленные возраженія докладчику сводились в общем к слѣдующему:

Если идеи К. Мочульского представляют истинное православие, тогда понятны и В. Розанов и протестантизм. Нельзя отрѣзать человечеству путей к спасенію внѣ глубоких, но очень суженных концепцій докладчика. Во имя односторонне понятой любви обрекается на гибель большая часть человечества. Христос есть любовь и одновременно безсмертіе. По мнѣнію докладчика для тѣх, кто не почувствует реальности воскресения Христа, міра нѣтъ, творчества нѣтъ, исчезает самая «личность» в человекѣ. Тема Евангелія и Христа шире и богаче, чѣм думает докладчик.

Можно усумниться в утвержденіи, что всякое творчество аскетично. Наличие аскезы мы находим в творческом процессѣ многих художников, но она не обязательная предпосылка для всякаго творчества. Мог ли бы творить художник, если бы был увѣрен, что земное творчество есть лишь подготовка к благодатной катастрофѣ — к Царствію Божию? Не является ли главным стимулом к творчеству глубочайшая подсознательная увѣренность, что все, создаваемое художником — вѣчно, на вѣчной землѣ, с ея вѣчной же, чисто земной, тварной жизнью?.. Процессы творчества у Бетховена были аскетичны, но самая сущность его творчества меньше всего была подготовкой к Царствію Божию. Рай на землѣ больше стимулирует подвиг, самоотдачу и крест художника, чѣм рай в небесах.

Слова «царство Мое не от міра сего» не допускают туманных и условных толкованій. Преодоленіе міра на пути ко Христу было путем к спасенію для множества святых. Их мироненавистничество относилось к міру, самая подоснова котораго есть стихія зла, к міру, гдѣ власть Князя Тьмы болѣе понятна людям, чѣм власть Христа.

Гоголь отрицал разрыв между міром и христианством. Христос и мир для него были едины; это, однако, не спасло его от трагических коллизій. Дѣло, повидимому, в способности духа к преображенію, а не в сознаніи слитности Христа и міра.

Преображеніе духа влечет за собой преображеніе плоти. Каждый хоть раз в жизни, хоть на мгновение испытал эту способность духовной сущности преобразиться. Ощущеніе восторга в сліяніи духа со вселенной, ощущеніе реального безсмертія близкаго человека, покинувшего земной мир — развѣ в этом душевном опытѣ не заклю-

чается обѣтованіе полного преображенія и плоти и духа, побѣды любви над смертью, соединенія Христа с міром?

Бесѣда пятая 16 декабря 1935 года.

Присутствовали: Г. Адамович, А. Алферов, Н. Бердяев, Блох, И. Бунаков, В. Варшавскій, В. Вейдле, Г. Гершенкройн, Г. Иванов, мон. Марія, В. Мамченко, К. Мочульскій, Г. Раевскій, С. Савельев, Ю. Терапиано, Г. Федотов, Ю. Фельзен, Л. Червинская, С. Шаршун, В. Яновскій.

Вступленіем к бесѣдѣ послужили мысли Г. В. Адамовича, изложенныя им в статьѣ «Уединенная прогулка» в 58-ой книгѣ «Современныхъ Записок».

Доводы возражавших сводились к слѣдующему:

Статья Г. В. Адамовича посвящена темѣ, постоянно его занимающей, — одиночеству и смерти и, как всегда, не ясно его отношеніе к смыслу одиночества и к преодолѣнію смерти. Является ли одиночество одним из «высших» состояній или это упадок, болѣзнь, отвѣтъ смерти?.. Статья не дает отвѣта. Слѣдует всегда помнить о безчисленном количествѣ оттѣнков, которые вкладываются в понятія «одинокій», «одиночество». Есть одиночество угасанія, полного отхода от міра, безразличнаго и предумышленнаго закрыванія глаз на мір, гдѣ копошатся «они». Но есть и другого рода одиночество, о существованіи котораго автор не знает или не говорит. Это одиночество пророческое. Одиночество противостоянія, одиночество борьбы. В нем меньше эстетическаго наркоза, погруженія в ослабляющую и слабостью рожденную стихію отреченія. Но красоты — в самом возвышенном и цѣлительном смыслѣ этого слова — в нем не меньше. Собственно, если отнять у «одинокства» Г. В. Адамовича его эстетическіе моменты и гордыню отверженія, то что останется?.. Небытіе, отказ от себя, распад высшаго состоянія человѣка — его своеобразія, единственнаго и неповторимаго, выявляемаго в общеніи с себѣ подобными. Это своеобразіе как бы преодолевается той атмосферой, в которую погружает человѣка Г. В. Адамович. Перед лицом смерти меркнут всѣ различія и очертанія сливаются с сумерками, окутывающими человѣка, в послѣдней и абсолютной оторванности от земли и неба приуготовляющагося к смерти.

Не для всѣхъ приемлема отказ и послѣдній уход Аміеля, котораго цитирует в своей статьѣ Г. Адамович. Есть и другіе отвѣты на тот-же вопрос. Итальянскій шестнадцатилѣтній святой — Людовик Гонзаго на вопрос, что бы он сдѣлал, если бы ему сказали, что вот сейчас

настанет Страшный Суд — отвѣтил: «Я продолжал бы играть в мяч». Эта ясность, готовность каждую минуту пріять неотвратимое полярна и фатализму и уходу в одиночество. В ней скорѣе дана величайшая сила преодоленія одиночества, высшая, мистическая радость. Смерть надвигалась на Гоголя своей самой жуткой тѣневой стороной, и он напрягал всѣ силы для борьбы с ней. По Г. Адамовичу происходит поляризація русскаго духа: на примитивное довольство осязаемой конкретностью с атрофией самаго органа, воспринимающаго неземное звучаніе, что особенно ярко сказывается в Россіи наших дней и на обреченных осязать собственное и чужое угасаніе, необычайно чутких к музыкѣ — «дочери одиночества». Но изсыханіе и духовная смерть неизбежны и там и здѣсь, если и там и здѣсь ничто не изменится. Необходимо искать выход и для них в Россіи и для нас, здѣсь. Если отдѣлать музыку от жизни, не будет ни музыки, ни жизни. Творческая жизнь писателя не может быть наполнена обольщеніями одиночества; она неизбежно, чтобы не перестать быть жизнью и быть творчеством, должна стать борьбой со стихіей музыки — смерти.

Примитивная, грубая жизнерадостность совѣтской молодежи, их топорная цѣльность и глухота к музыкѣ жизни вряд ли могут быть преодолены. Это явленіе не специфически русское. Скорѣе это один из признаков омертвленія культуры, наблюдаемой и здѣсь на Западѣ, главным образом в странах диктатуры. Слѣдует осторожнѣе примѣнять к этому явленію опредѣленіе «радость жизни». Механической, извнѣ приписываемый энтузіазм, наблюдаемый в Германіи, Россіи, Италіи, далек от подлинной, органической сущности «радости». Но и пониманіе творчества, как своеобразный отказ от творящаго и преодолевающаго начала в человѣкѣ — противорѣчиво и в самой основѣ своей порочно. Нельзя назвать творчеством отказ от самого себя. Проповѣдывать такое состояніе значит отравлять истоки творчества, обезсилить способность к нему.

В статьѣ Г. В. Адамовича можно уловить новый звук, чуждый его прежним писаніям. В ней чувствуется нѣкій поворот к жизни через любовь к ней. Здѣсь никто из возражавших не произнес слова «любовь». Между тѣм она чувствуется в статьѣ, как далекая возможность, мелькающая сквозь безысходность и безнадежность. В настроеніях Г. Адамовича не «amor fati», а мучительное исканіе. Душа, самоуслаждающаяся ощущеніем гибели, не могла бы быть столь ищущей и безпокойной.

Бесѣда шестая, 3 февраля 1936 года.

Присутствовали: Алферов, Бердяев, Блох, Бунаков, Варшавскій, Вейдле, Дикой, Кнут, мон. Марія, Мамченко, Мочульскій, Савельев,

Сирин, Софьев, Терапиано, Федотов, Фельзен, Червинская, Шаршун, Яновский.

Вступительное слово Н. А. Бердяева: «Мысль изреченная есть ложь».

Смысл известного стиха Тютчева до сих пор до конца не понят и вызывает различные толкования. Ясна лишь специфическая «русскость» утверждения Тютчева. Дюбос — человек, отнюдь не замкнувшийся в сферу чисто французской культуры, отличающийся исключительной чуткостью к ценностям других культур, сказал, что ему чужды и непонятны слова Тютчева. Для него реально только то, что выражено. Невыраженное не существует. Между тем для нас русских неизреченное является подлинной реальностью. Здесь основное различие в понимании и оценке мысли в России и на Западе. В отличие от Запада в России мысль не ощущается как благороднейшее проявление высших свойств человека. Самое понятие «интеллектуальный» в небрежении, как нечто поверхностное и пустое. Многие усматривают в этом особую глубину и требовательность русского духа; между тем здесь кроется глубочайший обскурантизм, питающийся из четырех источников: религиозного, морального, социально-политического и эстетического.

Особое понимание христианства в духе восточно-сирийского аскетизма сыграло огромную роль в формировании русской души. Его далекий отзвук мы находим даже в нигилизме 60-ых годов. С этим связана и склонность оценивать людей по их моральным, а не интеллектуальным качествам. Народнический социализм был враждебен культуре знания, как некоей привилегии, к тому же отвлекающей от борьбы за освобождение народа. Наконец, обскурантизм эстетический имеет своим источником убеждение, что только на путях искусства, может быть выражено самое интимное и сокровенное.

Западное христианство выросло на почве античного гуманизма, в России же оно сменило исконное язычество. Даже русское безбожие питается другими источниками. На Западе атеизм был чисто интеллектуальным, в России же он сроден маркионизму: это возмущение против Творца, как создателя мира во зле (Бакунин).

Тютчев не хотел, конечно, сказать, что всякая выраженная мысль есть ложь, но что последняя правда, последняя тайна духа невыразима. Каково же соотношение между душевным переживанием и мыслью? Мысль есть любовь духа над душевной стихийностью и душевным хаосом. Мысль активна. Одному Розанову удавалось преодолевать активность мысли. Он как бы совершал творческого акта между переживанием и его оформлением: ему дан был изумительный дар передавать переживание «в сыром виде», как бы кусок души. Но Розанов исключение. Необходимый отбор при переходе переживания или ощущения в мысль Тютчев и называл ложью. Наибо-

лее близка к «правде» в тютчевском смысле — лирическая поэзия. А. Блок весьма характерен для своего поколения: в нем как бы не рожден Логос, всегда борющийся с космосом. Между тем лишь в Логосе рождается человеческая личность. Защитники «неизреченности» ссылаются на музыку. В тяг к музыке тех, кто отвращается от стихии мысли скрыто непонимание самого существа музыки: ее основа логична и математически стройна и закончена. Менее всего воплощает она хаос.

Не только обскурантизм рождал в русской душе подозрительную настороженность к мысли. Русской душе близок идеал немощи, как святости. Западный католицизм не мыслит неизреченной святости. Несмотря на то, что Россия 19-го века создала величайшую литературу, великим русским писателям было свойственно ощущение, что в творчестве кроется соблазн, уводящий от подлинной правды. Лермонтов, в поисках путей к спасению, мечтал отречься «от страшной жажды плесновения». Ему не доступно сознание, что для своего спасения он прежде всего не должен зарывать в землю свой творческий дар.

Проблема «неизреченности» имеет и социальное значение. Слово есть самое могучее средство человеческого общения и организации общества. Самая мысль имеет социальную природу. Признание невозможности выразить мысль в слове есть отказ от мысли и от общения с ближними. Самое стихотворение Тютчева доходит до нас лишь как изреченная мысль. Бытие может быть познаваемо и выражено вследствие соответствия бытию целостной личности. Мысль есть неотъемлемая часть человеческого бытия, она проникнута его тайной и в силу этого не может быть ложью.

Возражения додладчику сводились к следующему:

Возможно, что Тютчев возмущался не против самого оформления мысли, но против несовершенного оформления. Слово не точно, оно нечистый знак. Художнику свойственно страдание от неполного воплощения образа или ощущения в выраженную им мысль, но это не означает отрицания самой возможности выражения мысли.

Мы все чувствуем несовершенство и неадекватность слова. Это не значит, что мы должны прийти к отказу от мысли в познании мира. Надо лишь ощущать границы познающего разума. В каждом выраженном слове есть отзвук образа и мира. Мне в слове ниже разума, но одновременно он и выше, ибо соприкасается с другими мирами. Творческий акт человека ограничен и не является путем к спасению. Спасения мы ищем не в разуме, а в эмоциях. Путем спасения всегда был и всегда будет эмоциональный пафос слияния с Богом.

Несомненно, всегда будет ранящее человека противоречие между творческим актом и его воплощением. Но человек послан в мир

для творческих воплощений и величайшим грѣхом, отрицанием собственного назначенія является уклоненіе от творчества из одного сознания его несовершенства.

Беседа седьмая, 23 февраля 1936 года

Присутствовали: Алферов, Блох, Бунаков, Варшавскій, Вейдле, Гершенкройн, Кельберин, Кнут, Ладинскій, мон. Марія, Мандельштам, Мочульскій, Савельев, Сирич, Терапиано, Фельзен, Федотов, Червинская, Шаршун, Яновскій.

Вступительное слово Г. П. Федотова: «Святость и творчество».

В «Кругѣ» — собраніи писателей и поэтов — приходится защищать не святость, а творчество. С точки зрѣнія христіанской не легко защищать творчество, но и святость — понимаемая как метод уединеннаго спасенія — не дана Евангелием: путь этот привит церкви греческой мыслью. Тема Евангелія — не одиночество, а общеніе. Труд, созиданіе как элементы повседневной жизни, ближе Вѣтхому Завету. Они не отмѣняются христіанством, а им предполагаются. Вѣдь отказ от труда погубил бы самую возможность жизни. Есть уровень культуры, ниже котораго невозможно и само христіанство. При исчезновеніи, напримѣр, грамотности христіанство может выродиться в фегиизм. При этом падает неизбѣжно и святость. Святость вѣдь можно понимать, как утонченную форму творчества, направленнаго на самого человѣка.

Почему человѣкъ поставлен Богом продолжать твореніе, вызывать к бытію новые міры, реализуемые в человѣческой культурѣ? Каково отношеніе христіанства к этому творчеству?.. Христіанство подходит к данности во времени как к міру объектов. В этом мірѣ Христос должен быть распятым. Тема творчества станет христіанской, если в самом творествѣ будет воплощено распятіе и воскресеніе. Воскресеніе на крови — вот на чем должно строиться творчество. Его задача — созерцаніе распятія, искупленія и воскресенія в мірѣ идеальном, т.-е. ангельском.

Самыя существенныя возраженія докладчику сводились к слѣдующему:

Нельзя смѣшивать тѣх разных планов, в которых коренятся святость и творчество. Творчество остается в кругѣ жизни, между тѣм как святость есть уход от жизни, влеченіе к совершенству Небеснаго Отца. Святость уводит из сознания трех измѣреній в сознание четырех измѣреній.

Главное побужденіе к творчеству — стихійное, не связанное с религіей: иррациональное стремленіе к добру. Творчество есть высшій подвиг, высшее проявленіе духа на землѣ. Оно присуще в одинаковой мѣрѣ и христіанам, и язычникам, и людям внѣ-религіозным (Шекспир, Монтэнь). Несомнѣнно существует и внѣхристіанская святость.

Утвержденіе, что в будущем мыслимо лишь творчество христіанское — невѣрно. Нельзя, конечно, отрицать неизмѣримых благ, данных человѣчеству христіанством. Допустимо вѣрить, что всегда так будет, но доказать этого нельзя. Нынѣшнее христіанство истончилось, оно является духовным путем и духовным упражненіем избранных. Религіей народа и стимулом к его творчеству может стать и неоязычество.

Не слѣдует стилизовать святость под «дурковатость». Такое ощущение святости совпадает с крайним христіанским обскурантизмом. Вся постановка вопроса: святость или творчество — искусственна. Путь творчества соприкасается со святостью. Не бывает зла в красотѣ и убожества в святости. И святость и творчество созидают из бессмыслицы жизни ея о б р а з. Возврат в покинутый или потерянный рай — через творчество или через святость. Не слѣдует забывать ни на минуту, что одно из имен божіих — Творец. Христіанство не исчерпывается Евангелием — оно есть совокупность всего неизмѣримаго творчества, им вызваннаго.

Утвержденіе, что линія христіанства и линія творчества не сходятся, невѣрно в самой своей основѣ. Христіанство не только творит, но и призывает к творчеству. Первые вѣка христіанства исполнены огромнаго творческаго паѳоса. Есть люди, лишеныя блага общенія с ближними и среди святых: никто не станет отрицать ненависти к міру и к дѣланію в нем у аскетов. Но сирійское монашество ближе к неоплатонизму, чѣм к христіанству. Критическая эпоха, в которой нам суждено жить, раскалывает мір на пріемлющих Христа в мірѣ трех измѣреній и его не пріемлющих.

Творческій акт есть неизбѣжное осуществленіе своей судьбы. Между тѣм как путь праведника — акт произвола. Разница в том, что праведник знает, чего он хочет, а творец не знает. В полѣ творчества весь мір, но оно ничего не разрѣшает.

В мірѣ теперь явно чувствуется разложеніе христіанства на его составныя части — на эллинизм и иуданзм. Мы присутствуем как бы при возрожденіи иуданзма, отрицающаго в христіанствѣ эллинизм. Иудаистическое богословіе умерщвляло природу. Многим христіанам поэтому больше по пути с Платоном, чѣм с Христом, но всякая попытка реставраціи язычества осуждена на неудачу. Неоязычество есть попытка воскресить труп.

Беседа восьмая, 9 марта 1936 года.

Присутствовали: Бунаков, Варшавский, Вейдле, Гершенкройн, Кельберн, Кнут, Ладинский, мон. Марія, Манделыштам, Савельев, Софьев, Терапиано, Федотов, Фельзен, Червинская, Шаршун, Яновский.

Вступительное слово В. С. Варшавского.

РАМАКРИШНА И ЕГО УЧЕНИК ВИВЕКАНАНДА

Все имеют какое-то, хотя бы отдаленное, представление о Ганди. Но русским осталось почти совсем неизвѣстным имя Рамакришны, великаго духовнаго будителя Индіи и одного из тѣх всечеловѣческих геніев любви, души которых как мистическія солнца, сияют в темной ночи людской жизни.

Человѣкъ этот родился в 1836 г. в бѣдном и благочестивом семействѣ. Ему было 6 лѣтъ, когда он увидѣлъ летящих в синем небѣ бѣлоснѣжных журавлей. Он потерял сознание и упал. С тѣх пор видѣнія и экстазы, все болѣе мистическіе, его посѣщают. Когда он священнослужителемъ служил в храмѣ богини Кали, к нему пришел проповѣдник Атмана Тотанпури — Гольый человѣкъ. Он открывает Рамакришнѣ высшее состояніе индусскаго мистицизма — Нирвиналыа Самади (самый большой экстаз), когда душа оторвавшись от всего, что привязывает человѣка к жизни, освобождается от подчиненія страшным законам Майи и по ту сторону наслажденій и страданій, по ту сторону «маленькой вселенной наших чувств и разсудка» соединяется с единственной реальностью, не имѣющей никакого опредѣленія, пространства, формы, имени. Рамакришна лежал недвижим как мертвое тѣло. — «Вселенная погасла. Уже больше не было самаго пространства. Сначала еще тѣни идей плавали над темным дномъ духа. Слабое сознание я» одно монотонно повторялось... Потом и это прекратилось. Осталось только Существованіе». Шесть мѣсяцев Рамакришна оставался в состояніи каталептического экстаза.

Но, достигнув этой «крыши восхищенія», когда душа, погасившая в себѣ волю жить, тонет в безконечном блаженствѣ созерцанія Абсолюта, он молится богинѣ Кали: «О Мать, помѣшай мнѣ наслаждаться радостью, сдѣлай, чтобы я постоянно оставался в моемъ обыкновенномъ состояніи, чтобы быть болѣе полезнымъ міру. Сдѣлай, чтобы я рождался вновь и вновь, хотя бы в видѣ собаки, если я смогу помочь хотя-бы одной душѣ». Вивекананда, апостол Рамакришны, неустанно развивает ту же идею: «Искать собственнаго освобожденія недостойно учениковъ аватара. Если вы ищете собственнаго спасенія, вы пойдете в ад. Нужно искать спасенія другихъ... И даже если вы, работая для другихъ, должны были бы пойти в ад, это лучше, чѣмъ достигнуть неба, ища своего собственнаго спасенія... Отдайте вашу

жизнь, чтобы спасти жизнь тѣх, кто умирает; вот сущность религіи». А когда, во время большого голода, унесшаго в центральной Индіи свыше 900 тысячъ человѣческихъ жизней, одинъ благочестивый монахъ стал упрекать его за то, что он не хочет бесѣдовать с нимъ о религіи, Вивекананда с гнѣвомъ ему отвѣтил: «Пока в моей странѣ останется хотя бы одна голодная собака, моей единственной религіей будет стремленіе накормить эту собаку».

Как от порожденнаго сознаниемъ напрасности всякаго человѣческаго равнодушія и от стремленія к собственному освобожденію произошел этот переход к пламенной жадѣ дѣйствія, любви, жертвенной отачи себя на служеніе людямъ?

Христосъ являлся Рамакришнѣ в видѣніяхъ. «Вот Христосъ, принесшій жизнь свою во искупленіе людей. Это Исусъ — воплощеніе любви». Не раз Рамакришна говорил, что, если бы он жил во времена Христа, то не слезами, а кровію своего сердца, омыл бы его ноги. Человѣкъ этот, вѣрившій во всехъ боговъ Индіи, становится великимъ «подражателемъ» Исуса Христа. Сочувствіе его страданіямъ людей было так велико, что побои и мученія, причиняемые одними людьми другимъ, оставляли физическіе слѣды, кровавыя стигматы на его тѣлѣ. Он многих исцѣлял, принимая на себя ихъ страданія, горе и болѣзни. Обращеніе его с людьми были полно глубоко милосерднаго пониманія, безконечной любви и кротости. Когда воздвигалось новое гоненіе на «нечистыхъ», он пришел к одному парю и своими волосами вытер пол в его хижинѣ. Вивекананда видѣлъ, какъ, стоя на колѣняхъ, его учитель омывал слезами ноги уличныхъ проституттокъ. Любовь, исходившая из его сердца, обнимала не только людей, но все твореніе Божіе — тяжелый и грубый шагъ по землѣ он чувствовал проходящимъ по своей груди. Незлобивая, дѣтская веселость, нѣжность, весь исполненный величайшей прелести душевный образъ Рамакришны дѣлает его похожимъ на Франциска Ассизскаго.

Но, принимая полностью и до конца самую сущность христіанства, восплавав огнемъ мистической любви, и Рамакришна и Вивекананда остаются равнодушными к той в значительной степени уже готовой иудео-греческой метафизикѣ, которой христіанство воспользовалось для своего интеллектуальнаго выраженія. Такъ Рамакришна говорил: «Богъ находится по ту сторону достижимости разсужденій. Поэтому не спорьте о доктринахъ и религіяхъ, есть только одна: любите вашего ближняго». Вивекананда со свойственной ему страстностью доводитъ эту идею до крайняго заостренія: «Если человѣкъ, никогда не изучавшій никакой философіи, не вѣрящій ни в какого Бога, не млившійся ни разу в жизни, одной силой добрыхъ дѣлъ былъ приведен к состоянію готовности отдать за другихъ свою жизнь, и все, что он имѣет, и все, что он есть, то этотъ человѣкъ достигъ вершины религіи».

Только одна «метафизическая идея» лежит в основѣ всего уче-

ния Рамакришны: «Однажды мнѣ открылось видѣніе: одна единственная сущность приняла всѣ формы космоса и всѣх живых существ. Я увидѣл, что все было Дух. Церковная утварь, алтарь, люди, животные... один Дух. Как сумасшедшій, я стал сыпать с алтаря цвѣты на всѣ вещи, я обожал все, что я видѣл». Но если традиціонный индуcкій мистицизм останавливался на ступени созерцанія, то хриcтiанскій, в своей сущности, мистицизм Рамакришны становится полным: не только мысль и чувство, но воля челоуѣка сливается с волей Бога. — «Когда вы поймете, что все живет, как вы, в Богѣ, вы станете волей могущества и сознаниемъ всего существующаго. Ваша воля станет волей всей вселенной. Челоуѣк, отрѣшившійся от себя, становится отцомъ реальности, и то, что он творит, не исчезнет во вѣкъ». Эта заложенная в челоуѣкѣ божественная возможность творческаго могущества должна быть направлена на служеніе людям. — «Воистину Богъ есть во всем, но челоуѣкъ есть наибольшее выраженіе Бога во плоти. Жива есть Сива — живое существо есть Бог. Какъ можно говорить о милосердіи к нему? Нѣтъ, не милосердіе, но служить, служить ему, смотря на челоуѣка, как на Бога».

Когда возлюбленный его ученикъ Нарем, которому он открылъ бездну Нирвинальпа-Самади, на колѣнях молилъ его: «Учитель, я былъ счастлив в Самади. В моей безконечной радости я забылъ міръ. Сдѣлай, чтобы я остался в этомъ состояніи». Рамакришна сказалъ ему: «Какой стыдъ! Я думал, что ты будешь, какъ огромная смоковница, подъ сѣнью которой укроются тысячи уставшихъ душ, а ты хочешь оставаться потруженнымъ в твою личную радость, какъ обыкновенный челоуѣкъ... Милостью Матери, и в твоёмъ естественномъ состояніи ты соединишься с единымъ Богомъ во всѣхъ существахъ, ты совершишь великія дѣла в мірѣ, ты принеешь людямъ духовное знаніе, ты облегчишь страданія нищихъ и несчастныхъ».

Принявшій впоследствии имя Вивекананды, Наремъ создаетъ новый монашескій орден, странчые монастыри, где больше занимаются социальной, просвѣтительной и благотворительной дѣятельностью, чѣмъ молитвами и богословіемъ. Онъ проповѣдуетъ прежде всего необходимость организации, которая распространила бы в Индіи взаимопомощь и взаимопониманіе на подобіе западныхъ демократій. «В духовномъ отношеніи американцы стоятъ ниже насъ, говорилъ онъ, но ихъ общество гораздо выше нашего... Я обошелъ въ шокъ всю Индію, и для меня было мученіемъ видѣть ужасную бѣдность и нужду народа. Теперь я твердо знаю, что напрасно проповѣдовать религію несчастнымъ, не облегчивъ ихъ бѣдности и ихъ страданій... Никто в нашей странѣ не думаетъ об униженныхъ, нищихъ и несчастныхъ. Гдѣ челоуѣкъ, который бы сочувствовалъ имъ, раздѣлилъ ихъ радости и страданія?.. На что мы годимся, если не можемъ имъ помочь, накормить ихъ и одѣть. Увы! Они не знаютъ путей этого міра и не могутъ заработать себѣ на жизнь, хотя трудятся день и ночь... На всей поверхности земнаго шара мас-

самъ внушали, что они ничто. Ихъ такъ запугали в теченіе вѣковъ, что они превратились почти в стада животныхъ. Никогда имъ не позволяли слышать об Атманѣ. Пусть теперь они узнают, что самый низкій изъ низкихъ имѣетъ в себѣ Атмана, который не умираетъ никогда... Очнитесь от гипноза слабости. Душа безконечна, всемогуща, всевѣдуща. Вставайте! Намъ нужна религія, дѣлающая людей. Нашей странѣ нужны желѣзные мускулы, стальные нервы, гигантскія воли, которымъ ничто не сможетъ сопротивляться... Воля сильнѣе міра, все должно ей уступить, такъ какъ она от Бога».

Онъ указываетъ на новый незнакомый индуcкому мистицизму путь освобожденія: «Религія должна стать дѣйствіемъ... Жернова міра страшны; мы всѣ вовлечены этой мощной и сложной машиной вселенной. Есть только два пути спасенія. Первый — держаться в сторонѣ... Это легко сказать, но почти невозможно исполнить. Я не знаю ни одного челоуѣка изъ 20 милліоновъ, который былъ бы способенъ на это. Конечно, если мы откажемся от нашей привязанности къ этой маленькой вселенной чувствъ и разума, мы станемъ немедленно свободны. По ту сторону ограниченій закона, по ту сторону причинности цѣпи раба падаютъ. Но кто достигнетъ полнаго отрѣшенія? Есть другой путь, не отрицательный, а положительный — броситься в міръ и в немъ открыть тайну труда. Не стараться бѣжать от жернововъ машины, но научиться ими управлять. Это путь Кармаюги, ведущій изнутри міра, но выводящій наружу».

Объясненіе, какъ открылся душѣ Индіи этотъ новый путь освобожденія, даетъ Бергсонъ: «Прямое дѣйствіе хриcтiанства, какъ догмы, было почти ничтожнымъ в Индіи. Но хриcтiанство проникаетъ всю западную цивилизацію и все, что она с собой приноситъ. Самый индустриализмъ косвенно из него возникаетъ. Это именно индустриализмъ и наша западная цивилизація раскрѣпостили мистицизмъ Рамакришны и Вивекананды. Никогда этотъ мистицизмъ, пламенный и дѣйствительный, не могъ бы возникнуть во времена, когда индусъ чувствовалъ себя раздавленнымъ природой, когда всякое челоуѣческое дѣйствіе казалось напраснымъ. Что дѣлать, когда неизбежныя глады обрекаютъ милліоны несчастныхъ на смерть? Главный корень индуcкаго пессимизма былъ в этомъ безсиліи. И этотъ пессимизмъ помѣшалъ Индіи дойти до конца своего мистицизма, такъ какъ полный мистицизмъ есть дѣйствіе. Но приходятъ машины, увеличивающія производительность земли и позволяющія перевозить ея плоды, приходятъ также политическія и социальныя организаціи, доказывающія на опытѣ, что массы вовсе не обречены на жизнь в рабствѣ и нищетѣ, какъ на неизбежную необходимость: освобожденіе становится возможнымъ в совершенно новомъ направленіи; мистическій подъемъ, если онъ гдѣ-либо достаточно силен, не будетъ уже остановленъ невозможностью дѣйствовать: онъ уже не будетъ отброшенъ къ доктринамъ отреченія от жизни или къ практикѣ экста-

зов: вмѣсто того, чтобы погрузиться сама в себя, душа расцвѣтет во всемирной любви».

Но в то время, как на Западѣ христіанскія по своему происхожденію и замыслу начала машинизма и истинной демократіи развивались в борьбѣ против аскетическаго, «не от міра сего», церковнаго идеала, в мистикѣ Рамакришны и Вивекананды эти двѣ, как бы враждебныя друг другу, тенденціи сливаются. И это придает их опыту огромное значеніе, как указаніе на путь, могущій вывести из того страшнаго кризиса, который переживает теперь все человѣчество во главѣ с Россіей.

Русская жизнь во многом напоминает Индію: такое же высокое религиозное вдохновеніе и в то же время жесточайшее кастовое общество, беспощадно попирающее «затылок несчастных» и многомилліонныя народныя массы, обреченныя на страшный труд, голод и рабство. И в самой русской религиозности особенно сильна была именно аскетическая, отрѣшенная от «міра» сторона христіанскаго идеала, отвлеченіе которой дѣлает возможным возникновеніе трагическаго недоразумѣнія: «шопенгауэровскаго» и «розановскаго», похожаго на буддизм, христіанства, близкаго теперь очень многим русским людям. Но в отличіе от Индіи, Россія знала и такіе огромные взрывы героической, прометеевской, творческой энергіи, которых не было, быть может, даже и на Западѣ. Нужно повторить, что и на Западѣ рожденная христіанским милосердіем воля к строенію такого могущественнаго машинизма и такой справедливой братской соціальной организаціи, которые сдѣлали бы возможным освобожденіе народных масс, обращенных нищетою, тяжким трудом, голодом и рабством «почти в стада живогных», развивалась в значительной степени как религія против аскетическаго идеала христіанства. Бергсон очень хорошо говорит, что по существу это был тот же идеал. Но раньше он был как звѣзда, повернутая к людям только одной стороною. В эпоху возрожденія люди стали видѣть другую сторону, не замѣчая, что это все та же звѣзда.

В Россіи разрыв между людьми, видящими разныя стороны звѣзды, становится еще болѣе глубоким и трагическим. Это чувствовалось уже во времена Петра. Для многих представителей русской религиозности громадное петровское строительство, спасшее Россію от судьбы Индіи, казалось антихристовым. В девятнадцатом вѣкѣ русское освободительное движеніе не только окончательно секуляризируется, но прямо становится яростно безбожным и антихристіанским. Мистическое происхожденіе этого движенія сказывалось только в духовном типѣ нѣкоторых революціонеров, явивших черты истиннаго подвижничества и героической, жертвенной воли служенія благу людей, и в той идеѣ абсолютной, евангельской в своем происхожденіи, справедливости, которая двигала их совѣстью гораздо сильнѣе,

чѣм всякія «научныя», революціонныя міросозерцанія. Трагическія послѣдствія этого распаденія русскаго мистицизма на почти уже буддическую религиозность и на обезбоженную, ставшую антрихристовой и тѣм самым античеловѣчной, волю к земному строительству сказались в страшные, апокалиптические дни революціи. Вѣроятно, Блок был послѣдним русским человѣком, вмѣстившим видѣніе обѣих сторон русскаго мистическаго идеала: и лучей, которые ринутся «оттуда» и «Америки новой звѣзды». Но для большинства по-прежнему это пророческое видѣніе кажется невмѣстимым и невозможным и смысл «Двѣнадцати» продолжает оставаться кошунственным для одних и непонятным, «ненужным» для других.

Возраженія докладчику сводились по существу к слѣдующему:

Докладчик не освѣтил одного интереснаго момента. Рамакришна всю жизнь оставался жрецом богини Кали, самой жестокой по отношению к живой твари. Он никогда не отрекался от завѣщанной предками религиозной традиціи. Наконец, его душа почти ничего не восприняла из выросшей на христіанствѣ европейской культуры. Что же направило его на путь любви к людям? Почему его не удовлетворил отход от міра и погруженіе в созерцаніе божества? Он видит в человѣкѣ воплощеніе Бога. С поразительным спокойствіем проходит он мимо религиозных ученій, близких его новым откровеніям и до конца своих дней остается вѣрен ужасной матери Кали. Он находит какую-то возможность сочетанія надмірнаго Абсолюта с живым Богом любви в мірѣ земных явленій. Этот путь Рамакришны остался для нас невѣдомым и послѣ доклада.

Между Рамакришной и Вивеканандой разница гораздо существеннѣе, чѣм думает докладчик. Вивекананда получил европейское образованіе и скорѣе напоминает соціальнаго реформатора с мистическим уклоном души. Ему важно доброе дѣло само по себѣ. Между тѣм как Рамакришна утверждал, что дурные люди не могут творить добрых дѣл.

Поражает пассивность и безличность индусских божеств. Отсутствіе личнаго Бога для нас непереносимо, и здѣсь индусская религиозная философія нами никогда не будет понята до конца. Религиозная философія индусов не знает чуда, когда личный Бог спасает, исцѣляет, воскрешает даннаго человѣка, вникает в его индивидуальныя скорби. Рамакришна как будто чувствует эту специфичность христіанства, но до конца он ее не продумывает. Бог Рамакришны и Вивекананды ярко свѣтит, но ему не дано согрѣть человѣческую душу. Этот свѣтъ лишен благодати.

Шопенгауер искажил на многія десятилѣтія пониманіе индусской религиозной философіи. Ромен Роллан, писавшій о Рамакришнѣ

и Вивекапандѣ, как и всѣ европейцы, не мог уйти от мощнаго вліянія нѣмецкаго философа. Очень жаль, что единственным источником для докладчика был все тот же Ромен Роллан — мыслитель неглубокой и неоригинальный. С его оцѣнками можно и не считаться без особаго ущерба для трактуемаго им предмета. Древняя индійская философія, продолжателем и частично завершителем которой был Рамакришна, полностью сформировалась в дохристианской древности. Древнее ученіе было пронизано проповѣдью дѣйственной любви. Рамакришна не зачѣм было учиться любви у христіан, — этому достаточно научили его священныя книги его далеких предков. Шопенгауер взял лишь одну сторону индусскаго ученія и как раз наименѣе глубокую. Изумленіе и восхищеніе Ромела Роллана тѣм, что Рамакришна проповѣдывал дѣйственную любовь, автоматически передашіеся докладчику, основаны на недостаточном знаніи древней философіи индусов.

Бесѣда девятая, 23 марта 1936 года

Присутствовали: Блох, И. Бунаков, В. Варшавскій, В. Вейдле, Г. Гершенкройн, Б. Дикой, Л. Кельберин, Д. Кнут, А. Ладисскій, мон. Марія, Ю. Мандельштам, В. Мамченко, С. Савельев, П. Ставров, Ю. Софіев, Ю. Терапіано, Г. Федотов, Ю. Фельзен, Л. Червинская, С. Шаршун, В. Яновскій.

Вступленіем к бесѣдѣ служили мысли Ю. Терапіано на тему «О безуміи разума».

Сознаніе трех измѣреній не может воспринять объективной картины міра. Тезис Бергсона о паличии в человѣкѣ интуитивнаго познанія расширяет самое понятіе о человѣкѣ; полной мѣры его мы еще не знаем, ее нужно еще найти, узнать опытно. Поскольку в отношеніи міра трех измѣреній трехмѣрное сознаніе вѣрно строит свой опыт, область выходящая за предѣлы міра трех измѣреній, требует других методов познанія. В этом смыслѣ сказано: «Если не обратитесь» (буквально — не «перевернетесь») — «не войдете в Царствіе Божіе». Опыт святых и подвижников всѣх эпох, всѣх народов — условіем пріобрѣтенія вѣдѣній о вещах духовных ставит прежде всего полный разрыв вступающаго на пути подвига с «мудростью вѣка сего», с мірской психологіей, требует внутренняго перерожденія.

Как наличіе трехмѣрнаго сознанія не отмѣняет для нас сознанія одного и двух измѣреній, точно так же и наличіе сознанія высшаго не отмѣняет разума, но лишь сосредотачивает человѣка в фокусѣ состоянія высшаго. Конфликт между «вѣдѣніем» и «разумом» — не существенен; отрицаніе «умствованій вѣка сего» у святых мы должны понимать в том смыслѣ, что представленіе о духовном мірѣ, до-

ступное сознанію трех измѣреній, относительно, и что за нашим «земным знаніем» есть возможность болѣе полнаго «наученія от Духа».

Мір логики трех измѣреній, мір подзаконный, мір догм и морали есть лишь внѣшнее выраженіе, описательное изображеніе духовной дѣйствительности. В планѣ трехмѣрнаго сознанія, оперируя прісущими ему методами познанія, мы лишь изображаем, но не познаем. Поэтому всякое умствование о вещах духовных по существу тщетно. Смысл внутренняго духовнаго роста человѣка состоит именно в том, чтобы понять безвыходность умствования, возмутиться духом, впасть в особаго рода безуміе. Ибо, если высшее состояніе сознанія не отмѣняет прав разума в его области, духовное вѣдѣніе, как мы знаем из писаній и жизни святых, руководствуется своей особой логикой, часто для нас непонятной, порою — противорѣчащей нашей логикѣ — смущающей, странной. Подобно тому, как Христос, проповѣдывавшій «непонятное» в Назаретѣ, показался братьям своим сумасшедшим, потому что логика Его не сходилась с их логикой, так и разум, возмущившійся против плоскостнаго, общепринятаго представленія о вещах духовных, — с точки зрѣнія мудрецов «вѣка сего» юродствует, или безумствует. Но эта способность к безумію — драгоценнѣйшее в человѣкѣ. В столкновеніи синагога с рыбаком — Христос на сторонѣ рыбака; Евангеліе — это возмущеніе, неблагополучіе, разрушеніе благополучнаго «знанія человѣческаго».

Есть особое, можно сказать, эстетическое чувство, особый род вкуса и чувствительности. Люди, интересующіеся духовными вопросами, раздѣляются на двѣ категоріи. Для одних как то прирожденно ясно, что единственный путь в духовной области — путь личнаго опыта, т.-е. ряд катастроф-переворотов; вторые — не различают противорѣчія пути подзаконнаго, связаннаго с изученіем как бы науки (науки в университетском смыслѣ этого слова) и пути опыта, перерожденія сознанія. Эти люди хотят объяснить и истолковать явленія высшаго измѣренія, не замѣчая, что тѣм самым они их снижают до плоскости умствования.

Невѣстимыя для разума явленія Божіи врываются в наш земной разум, как явленія из другого міра, как «чудо». И, поскольку самое невѣроятное для разума (Боговоплощеніе, воскресеніе из мертвых и т. д.) есть реальность, — это невѣстимое вызывает в душѣ подъем, и душа его принимает как бы шестым чувством, интуиціей. Всякая потребность ввести в эту область разсужденіе, истолковать себя, объяснить — тѣм самым уже свидѣтельствует об отсутствіи интуиціи; «мудрствованіе», низводя «чудо» в плоскость обыденнаго разсужденія, его снижает. Каждое человѣческое сердце знает, насколько труден и никогда не благополучен путь «навстрѣчу Богу»: «Вѣрую, Господи, помоги моему невѣрію!» Между тѣм наукообразное «знаніе» спокойно создает школьную дисциплину, даже не за-

мѣчая всей нечуткости постановки вопроса, напримѣр, о том, каким отказом два естества сочетаются в Богочеловѣкѣ.

Наше время характеризуется остротой ощущенія отношенія человека к человеку. И вѣрующіе и невѣрующіе почувствовали кровную связь, кровную заинтересованность человека в человекѣ. На этом фонѣ, естественно, подвергается пересмотру и форма служенія ближнему. В нѣкоторых кругах мы слышим нападки на монашество, как на форму якобы чисто пассивнаго созерцанія, удаляющаго от всякаго социальнаго дѣйствія. Идеалу Маріи противопоставляется идеал Марѳы. Очевидно, что всякая дѣятельность в смыслѣ помощи ближнему — в духѣ христіанства; но не слишком ли поверхностно понимать так главное дѣло христіанина? Считаясь с Апокалипсисом, мы не должны оболыщать себя мыслью, что Царство Божіе на землѣ можно было бы построить — до Суда. Как бы из-за заботы о хлѣбѣ не забыть о духѣ! Если весь центр вниманія мы сосредоточим на «организации общественной жизни на христіанских началах», вложим в это всю энергію и неминуемую для непобѣдивших страсти людей страстность, то оставит ли нам это внѣшняя дѣятельность время для внутренняго, для «переворота»?

Бергсон очень вѣрно говорит об огромной социальной роли святых; но они умѣли сначала сосредоточить энергію, дойти до момента, когда Дух прикажет им выйти из затвора и служить людям. Может быть, их временное уединеніе цѣлью своей имѣло как раз не заботу о себѣ, но любовь к людям? Только, в отличіе от ненаученных Духом, они знали, — что для того, чтобы по настоящему помочь другому — нужно сначала самому переродиться и очистить себя от страстей. Вот почему и воздѣйствіе святых — прямое или косвенное, прижизненное или посмертное, как на отдѣльных людей, так и на цѣлые народы, — несоизмѣримо с хлопотами Марѳы, которая очень заботится, чтобы физически накормить Христа, но совершенно равнодушно проходит мимо бесѣды с Ним, мимо личнаго с Ним общенія.

Возраженія докладчику сводились к слѣдующему:

Докладчик борется против малаго разума и против малой любви, это, конечно, не может вызвать возраженій. Но обличенія разума запоздали лѣтъ на 50. Человѣчество давно уже не видит в разумѣ все-разрѣшающаго начала. Нынѣ оно скорѣе живет под знаком ирраціональнаго. Новая форма морально-религіознаго сознанія дает возможность нѣкоторым подняться на высоты недоступныя разуму, но большинство впадает при этом в переоцѣнку подсознательнаго, низшаго, даже бѣсовскаго. Моменты юродства имѣются, конечно, и в христіанствѣ. Ссылка на индійское ученіе об атманѣ — ничего не объясняет в христіанствѣ, исходящем из других представленій о человеческой душѣ. Первичный евангельскій опыт, на который ссылается докладчик, есть опыт общенія Христа с учениками. Опредѣленіе

Евангелія как пути личнаго вохожденія к Богу — неправильно. Начало общинности, соборности, откровеніе Бога в человѣчествѣ — вот что характерно для ранняго христіанства. Путь вѣдѣнія через аскезу получил смысл только в эллинизированной церкви, а не в общинѣ первых христіан.

Докладчик полагает, что человѣческое сознаніе не исчерпывается разумом, но это признают и тѣ, кто с уваженіем относится к человѣческому разуму, особенно высшіе представители науки. Он проповѣдует мистицизм, близкій к индусскому — мистицизм освобожденнаго от земных соблазнов и земной дѣятельности человека, погруженнаго в процесс восхожденія к Божеству. Проповѣдь Христа есть проповѣдь погруженія в мір с его страданіем. Как может познавшій чувствовать себя счастливым в мірѣ муки и страданія?..

Бесѣда десятая, 20 апрѣля 1936 года

Присутствовали: Бунаков, Гершенкройн, Дикой, Кельберин, Кнут, Ладинскій, мон. Марія, Мамченко, Мандельштам, Мочульскій, Савельев, Софіев, Ставров, Терапіано, Червинская, Шаршун, Яновскій.

Вступительное слово мон. Маріи: «Злое чудо».

Всѣ религіозныя системы, за исключеніем христіанства, познаются постепенно и раскрываются лишь в самых глубинах. Одно лишь христіанство лишено изотеризма, — оно открывается всѣм одинаково. Поэтому в каждом словѣ христіанскаго ученія есть как бы налет общедоступности и общеизвѣстности. Но наряду с этим — тайна, словно изнутри замкнутая и не поддающаяся раскрытію в логикѣ. Ее можно воспринять лишь в душевном опытѣ или молниеносным озареніем. Неразрѣшенное до конца таится и в ученіи об антихристѣ. Антихрист будет яко бы искушать видимостью добра, его пародіей. В этом толкованіи антихристовых соблазнов кроется неправильное представленіе о роли добра и зла на землѣ. Добро вѣчно исходит от Добра, а зло от зла. Над нами царят законы природы, постигаемые разумом, но существуют и сверх- или под-законы — чудеса. Есть чудеса благодатныя, но несомнѣнно существуют и чудеса злыя. В чем соблазн злых чудес? Не в том, конечно, что они обманывают и влекут своим сходством с добром. Соблазн злых чудес в том, что почти никто не сомнѣвается в их всемогуществѣ. Сейчас ждут всеистребляющей войны. Под знаком этого страшнаго ожиданія проходит жизнь народов Европы. При этом несомнѣнно, что никто войны не хочет — и, вопреки разуму, природным законам самосохраненія, вопреки желанію всѣх людей, это страшное зло совершится. Не есть ли это чудо, поистинѣ злое чудо? В чем же его соблазн? В парализующей неотвратимости, в глубочайшей увѣрен-

пости, что мы слабѣ злого чуда, что оно столь же неизбежно как другое злое чудо — смерть.

Доклад вызвал оживленные пренія. Приводим основные возражения.

Нельзя разсматривать человѣка, как нейтральную силу между божественной силой добра и злой силой дѣвола. Человѣкъ — подобіе Божіе, — слѣдовательно он не может до конца соблазниться побѣдной мощью зла. Бог дал человѣку нѣкую свободу, иначе он был бы до рожденія обречен добру или злу. Но в человѣкѣ заложена тяга к добру в силу участія Бога добра в его созданіи. Слѣдовательно, только добром дано дѣволу искушать человѣка и толкованіе антихриста у Влад. Соловьева вполне послѣдовательно. Напрасно также докладчица называет смерть «злым чудом». Что может быть страшнѣе человѣческаго безсмертія?.. Оно обезкрасило бы жизнь.

Соблазн злого чуда в его силѣ. Человѣку кажется, что зло побѣдно, что методами зла, ставкой на зло цѣли его достигаются быстрѣе. В своей слабости человѣкъ не вѣрит в добро, — вѣрнѣе, в его силу. Здѣсь неразрѣшимая антиномія: невозможно, чтобы зло шло от Бога для испытанія человѣка. Слѣдовательно, зло есть сила виѣ божественной власти, сила довлѣющая себѣ. Но побѣда зла, в особенности соблазн неизбежности этой побѣды должны быть невыносимы для Создателя добра и вѣрных ему.

Человѣкъ не нейтрален между добром и злом, но подобіе Божіе в нем чрезвычайно затемнено. Ошибка человѣка в том, что он пытается бороться со злом человѣческими средствами и опираясь только на себя. Дѣвол, несомнѣнно, очень могуч, но человѣкъ переоцѣнивает его могущество, ибо не опирается на Бога. Только безграничная вѣра дает человѣку возможность не быть парализованным зрѣлищем злого чуда.

Бесѣда одиннадцатая, 3-го мая 1936 года

Присутствовали: Блох, И. Буцаков, В. Вейдле, Б. Дикой, Г. Гершенкройц, Г. Иванов, Л. Кельберин, А. Ладинскій, С. Савельев, П. Ставров, Ю. Терапіано, Н. Фельзен, Г. Федотов, Л. Червинская, С. Шаршун, В. Яновскій.

Был заслушан доклад Н. Фельзена на тему: «Мы в Европѣ».

Люди интеллектуально-творческаго склада, бѣжавшіе из совѣтской Россіи, непосредственно не столкнулись с той Европой, какая им когда-то мерещилась, с Европой духовных поисков и непрерывных творческих достиженій — для них реально существуют, за самыми рѣдкими исключеніями, лишь средніе нѣмцы и французы, тяжелый труд, непосильныя заботы, скучное, строе, мѣщанское окруженіе.

Будучи в сторонѣ от европейскаго избраннаго круга, эмигранты должны ощущать реально-близкое его отраженіе и в той буржуазно-

рабочей средѣ, куда случайно каждый заброшен, особенно в больших городах. Эти люди на скромном нашем пути, их чувства, заботы, настроенія нерѣдко описаны в книгах, а улицы, воздух, небо, дома незамѣтно создают как бы фон современнаго европейскаго искусства. Журналы, газетныя статьи воспринимаются живѣи и обостреннѣи, чѣм если бы мы их читали в Москвѣ или в русской провинціи. Словом, надо только захотѣть — и европейская культура «доходит».

Легче всего говорить о том поколѣнн русских людей, еще не старом, уже не молодом, которое попало во Францію и занято, поглощено литературой. Оно естественно сперва ознакомилось с цѣлым рядом французских писателей десятых и двадцатых годов, с Жидом, Прустом, Мориаком, Валери. Впечатлѣніе было ошеломляющее — независимо от направленной и таланта, русских читателей не могла не поразить неподдѣльная искренность тона, отсутствіе эффектов и красот, серьезность жизненнаго подхода, все, что помѣнилось еще до войны от бессознательно-грозных предчувствій, что укрѣпилось послѣ войны и трагической ея безутѣшности, что возникало также и в Россіи, у Розанова, Блока, Ахматовой, и было потом заглушено барабанным боем Маяковскаго и казенным Горьковским оптимизмом. Удивило у французов и другое — официальное, мертвое, совѣтское братство у них переиначилось и ожило. Въсто туманнаго, абстрактнаго человечества появился живой человѣкъ, страдающій от одиночества и замкнутости, всѣми силами стремящійся к людям, к тому, чтобы как-то преодолѣть неизбежную нашу разобщенность, чтобы людей и сблизить, и примирить. Эти книги нас не утѣшали, сближеніе, добро не достигались, но была в них навязчивая прелесть непритворной жизненной правды и неотразимый писательскій личный примѣр. И Пруст, и Жид, и остальные пытались, каждый по своему, найти из безвыходности выход и в чем-то его находили, нерѣдко сомнительном, искусственном, что заражало меньше, чѣм поиски — в католичествѣ, в творческой работѣ, в особой, теплой концепціи коммунизма или в гордом самодавлѣннн мысли. Для тѣх, кому недоступны религіозныя и партійныя вѣрованія, для них наиболѣе приемлема именно Прустовская апологія творчества, с ея созданіем жизни, потенциально-возможным в соединеннн любви, вдохновенія и памяти. Такое полнѣйшее сляннє того, что дается нам даром, и того, что достигается долгим трудом, соответствует нашему опыту, и Прустовскій личный примѣр — великолѣпнаго послѣдняго гуманиста, охватившаго все человѣческое, искусства, науки, отношенія и время — этот мучительный творческой подвиг оказался не напрасным и не случайным. Как ни печально, творческая область все очевиднѣе нуждается в защитѣ, и ее, на наших глазах, пытаются снизить, уничтожить взаимно-враждебныя теченія и силы.

Против воли ее подрывают тѣ, кто относится к искусству и творчеству слишком требовательно, любовно-боязливо. Это опасность как

бы изнутри — не меньшая, если не большая, чѣм опасности, грозящая извнѣ. Это как бы сомнѣнія вѣрующих, колебанія и слабость защитников, и — зная предмет своей вѣры так обстоятельно, как не знают враги — они поневолѣ ей наносят самые острые и мѣткіе удары. Их печальный діагноз современности и мрачныя их предсказанія покоются на трех утвержденіях: распадъ чело-вѣческой личности, исчезновеніе христіанской культуры, побѣда и возрастающее вліяніе толпы.

Прежде всего о внутреннем распадѣ, об утерѣ какого-то нашего единства — это ошибка, и для меня ея опроверженіе приблизительно сводится къ слѣдующему: душевный міръ съ вѣками усложняется и должна усложниться его передача, анализ становится тщательнѣй, а синтезъ труднѣе уловим, и люди слишкомъ нетерпѣливые, привыкшіе къ инымъ образцамъ, до синтеза добраться не могутъ и заблуждаются вполнѣ добросовѣстно. Между тѣмъ для писателя открылась необъятная область безсознательнаго, и ему от нея не уйти. Вопросъ не въ томъ, что это полезно или что это — праздное любопытство, заслоняющее важнѣйшія, вѣчныя темы, вопросъ надо ставить иначе: мы такъ устроены природой, что на вещи, однажды увидѣнныя, мы глазъ уже не закрываем, и стараемся въ нихъ разобраться — до предѣла, почти безпредѣльно. В этой новой таинственной области, конечно, легко заблудиться, вмѣсто выбора заняться перечисленіемъ, утратить порядокъ и форму, подчиниться душевному хаосу, и пожалуй въ такомъ-то именно смыслѣ представляется странно разрозненнымъ, гениальной и обидной неудачей незавершенное творчество Джойса, но это не предрѣшаетъ дальнѣйшихъ неудач, не умаляетъ явныхъ достиженій, пускай ихъ немного и даже одно, зато подтверждающее возможность успѣха, и главное, въ наибольшей усложненности возможность сохраненія цѣльности.

На этомъ я остановился, не потому что хотѣлъ защищать какое-то, мнѣ близкое теченіе, а потому что этотъ вопросъ — об усложненіи или о распадѣ, о внутреннемъ нашемъ единствѣ — едва ли не самый основной для будущаго культуры и, въ частности, искусства. Если на высшей ступени культуры единство безнадежно утрачивается, то остается одно — капитулировать передъ варварской и грубой толпой: въ ней есть еще душевная свѣжесть, чело-вѣкъ изъ толпы какъ бы дѣвственная почва и въ состояніи что-то создать примитивное, но цѣльное и страстное, на что уже неспособенъ чело-вѣкъ, проникнутый культурой. Только надо изъ этого сдѣлать неизбежный трагическій выводъ: весь пройденный, трудный, мучительный путь тогда повторяется сначала, и правы циклическія теоріи, но, конечно, «руки опускаются». Вопросъ о единствѣ — въ самомъ центрѣ сегодняшней темы о нашемъ «романѣ съ Европой»: усвоивъ, угадавъ ея мечты, постаравшись понять ея усилія, мы восприняли и всѣ ея сомнѣнія, и многіе изъ насъ ихъ ощущаютъ съ остротой, европейцамъ неважною.

Второй вопросъ, не менѣе важный — о томъ, что современная культура цѣликомъ создана христіанствомъ и на него уже не опирается, безъ чего сохраниться не можетъ. Вопросъ и деликатный и сложный, и надо къ нему подойти со всей намъ доступной добросовѣстностью и съ чувствомъ исторической реальности. Безъ натяжки культура и христіанство не сливаются, да и не въ очень многомъ совпадаютъ. Была и дохристіанская культура, чуть ли не полностью вошедшая въ нашу, была и послѣ-христіанская, какъ она съ христіанствомъ ни связана. Конечно, гуманизмъ и ренессансъ, и братство французской революціи, и лучшее, что есть въ социализмѣ, и все искусство послѣднихъ вѣковъ еще преемственно-близко христіанству, но отрывъ несомнѣнно произошелъ: вѣдь утеряно главное — вѣра, измѣнилась и жизненная, и творческая тональность, а люди, попрежнему вѣрующіе, творятъ, если рождаются творцами, въ этой новой, измѣненной тональности. И нельзя отрицать, что послѣ-христіанская Европа создала огромныя цѣнности, и эти цѣнности не отзвукъ, не отблескъ ушедшаго прекраснаго міра, но какой-то самостоятельный міръ. И въ теперешней смертельной борьбѣ за добро, за личность и свободу противъ несправедливости, классовъ и рас, христіане лишь желанные союзники среди другихъ, не менѣе надежныхъ, однако, не единственные бойцы, какъ иные изъ нихъ себя представляютъ.

Третій доводъ, выдвигаемый тѣми, кто насъ предупреждаетъ о гибели культуры — опасное вліяніе толпы, поощряющей изнанку культуры и равнодушной, даже враждебной къ возвышеннымъ ея достижениямъ. В этомъ много печальнаго и вѣрнаго. Въ большинствѣ современныхъ демократій, особенно тѣхъ, что возникли внезапно, по приказу революціонныхъ властей, безъ долгаго переходнаго опыта, въ нихъ массы пассивно повѣрили обѣщаніямъ партій, вождей, иногда взволнованно-искреннимъ, и отказались отъ права собой управлять, добровольно подчинившись диктаторамъ. Въ дальнѣйшемъ громоздкій аппаратъ диктатуры, въ разныхъ странахъ съ одинаковой неумолимой послѣдовательностью, умертвилъ все дѣйственно-живое и въ культурныхъ и въ народныхъ слояхъ, и будетъ немовѣрно тяжело не только рабство прекратить, но и внушить вчерашнимъ рабамъ неизвѣстное имъ чувство свободы, и пожалуй еще тяжелѣе будетъ найти ту мѣру свободы, которая въ нихъ не разбудитъ неподдающихся, анархическихъ инстинктовъ. Но и въ странахъ либерально-устойчивыхъ — безсознательно, отъ дѣтскаго невѣдѣнія — и тѣмъ грозныя массы наступаютъ на области высшей культуры, соблазняя многихъ ея дѣятелей широко оплаченнымъ, грубымъ «заказомъ» и легкой славой, наградой за безвкусицу, карая непокорныхъ презрѣніемъ, жестокой неизбежной нищетой. Къ сожалѣнію, газеты, кинематографъ, издательства потворствуютъ этой безвкусицѣ, и незамѣтно она распространяется, вытѣсняя достойное и лучшее. Я вовсе не хочу утверждать, что прежде было идеально, что буржуазія, аристократія, придворные круги понимали искусство, научныя открытія, но ихъ спасала традиція снобизма. Теперь побѣждаемымъ классамъ, въ изнурительной борьбѣ за свое

современной литературѣ произведеній, превосходящих творенія этих авторов и «по анализу» и «по синтезу»? Художник не лаборант. Его способность к тому, что докладчик называет синтезом, не зависит от душевно сложнаго или примитивнаго объекта наблюденія. Источник «синтеза» в самой душѣ художника и обмеленіе этого источника происходит совсѣм не по причинѣ усложненія наблюдаемаго душевнаго міра. Тѣ, кто говорят о распадѣ человѣческой личности, указывают на это, как на тревожную тенденцію; не исключена, конечно, и в наши дни возможность творческаго синтеза у великих, подлинных художников, но элементов, питающих эту возможность, становится в жизни все меньше. Указаніе докладчика, что, согласившись с наличием распада личности в нашу эпоху, мы тѣм самым будем вынуждены признать смѣну культурных циклов — есть скорѣе подтвержденіе, чѣм возраженіе. Мы дѣйствительно стоим на грани закончившагося культурнаго цикла и распад этим и обусловлен.

Почему докладчик думает, что если искусство питалось идеями, составляющими сущность христіанства, — до историческаго христіанства или послѣ паденія вѣры, то тѣм самым оно было вѣдохристіанским?.. Европу XIX вѣка и даже наших дней никак нельзя назвать «послѣдохристіанской», как это дѣлает докладчик. Не принадлежит ли французскіе писатели, о которых так любовно говорил докладчик, к христіанской и даже церковно-католической средѣ французскаго общества. Вѣра угасает, но дает еще достаточно тепла для возвращенія великих произведеній искусства. Для этого вовсе не необходимо, чтобы художник сознательно ощущал свою принадлежность к религиозной общинѣ. Христіанством или его наслѣдіем он питается часто безсознательно.

Толпа презрѣнна и не для черни пишет поэт. Зависимость славы и матеріальнаго благополучія художника от пріемлемости его твореній для масс, лишенный элементарнаго вкуса — явленіе печальное, содѣйствующее деградации искусства. Но так ли уж прав докладчик в своем прямолинейном обобщеніи? Во всѣ времена поэты презирали чернь, но никогда не мечтали о том, чтобы их творенія были пріемлемы для узкаго круга лиц с повышенным вкусом.

Творцы шедевров итальянской живописи вряд ли писали своих мадонн для людей, разбирающихся в «языках». «Традиція снобизма», которой докладчик придает совершенно незаслуженное значеніе, стимулировала искусство как раз в эпохи его упадка и под опекой «снобизма» возвращались и рафинированныя, вѣжизненные стилизации, вѣк которых был очень короток. Не для «снобов» и не для «черни» творит художник. И Шекспира и Толстого, вѣроятно, очень удивило бы, если бы им сказали, что их искусство спасает традиція «снобизма»...